

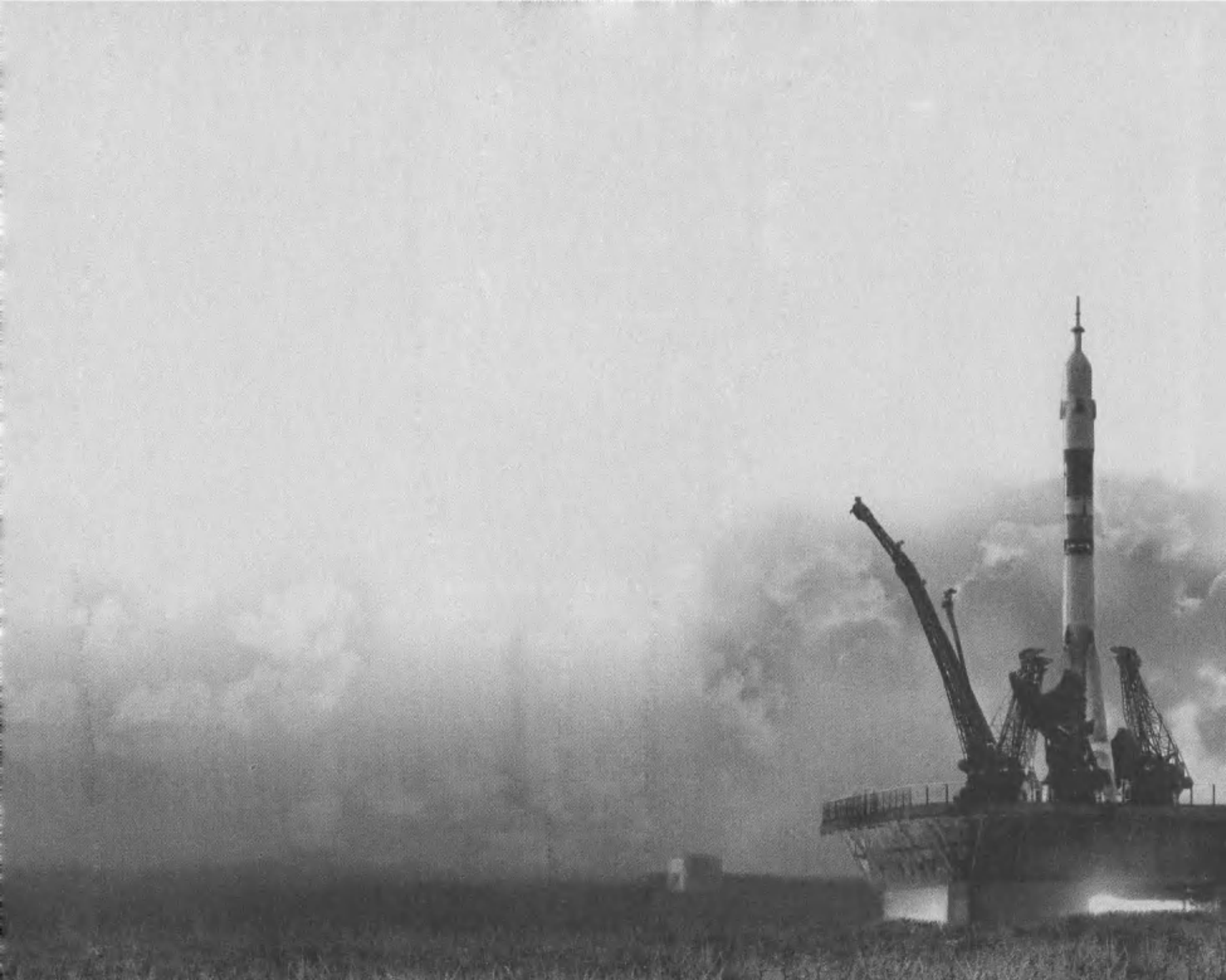
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

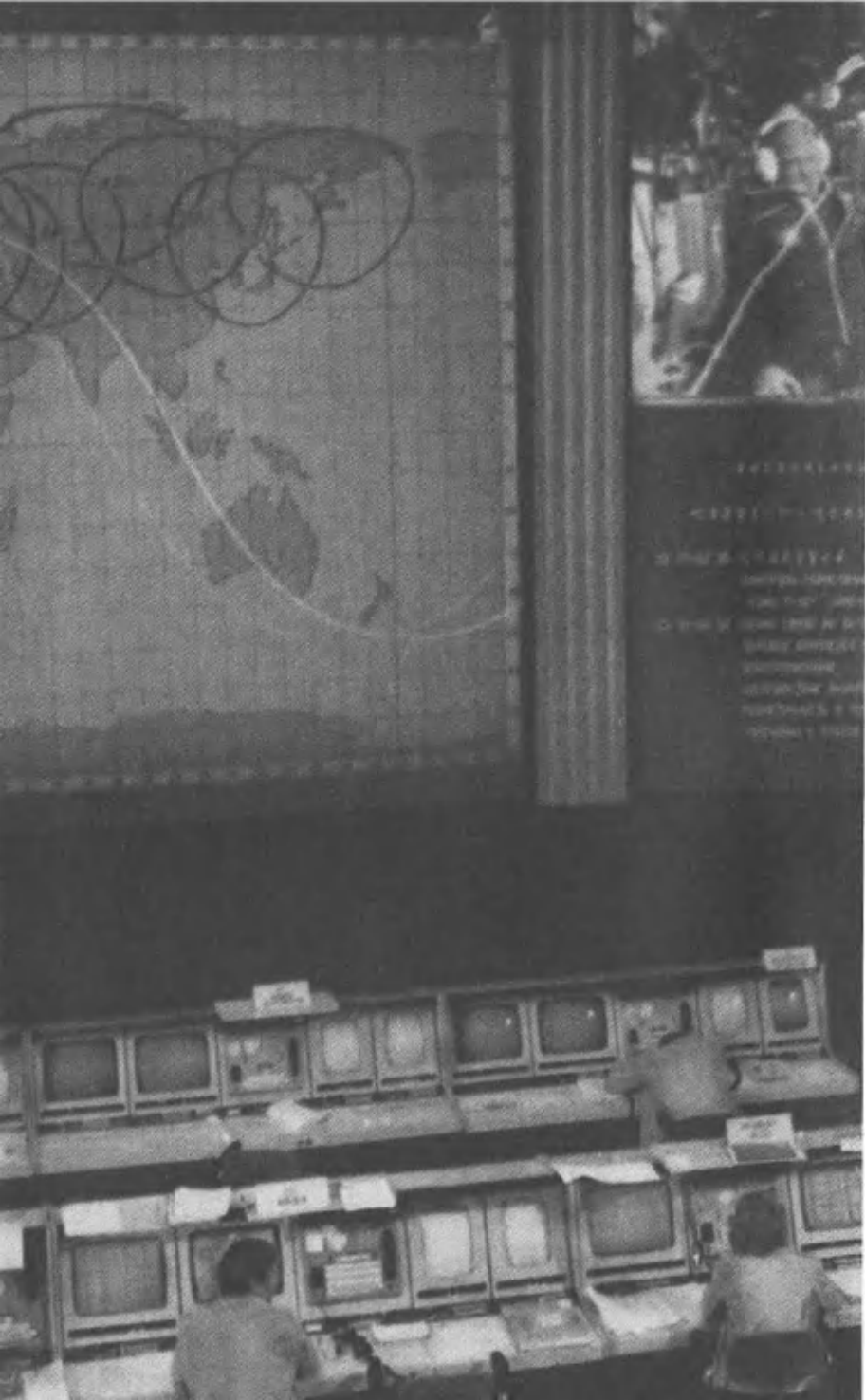
Эдуард Буйновский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВЫХ РОССИЙСКИХ РАКЕТЧИКОВ И КОСМОНАВТОВ

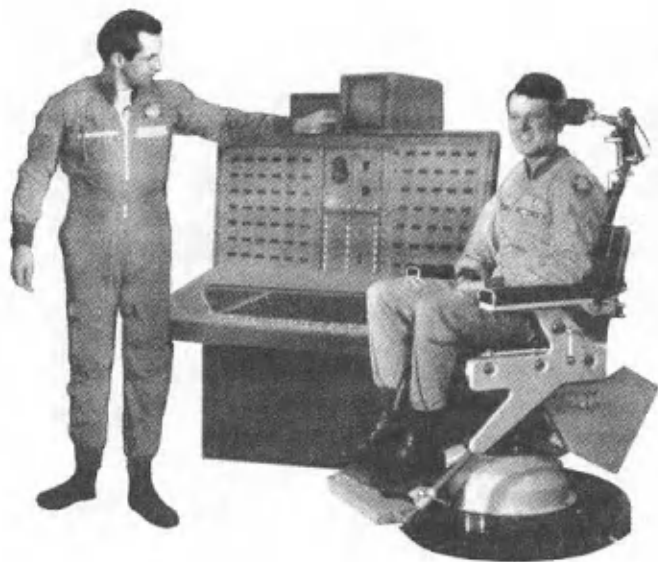

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Эдуард Буйновский

МОСКВА

ЖИЗНЬ

ПЕРВЫХ
РОССИЙСКИХ
РАКЕТЧИКОВ
И КОСМОНАВТОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ • 2005

УДК 39.6г
ББК 629.7
Б 90

*Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА*

ISBN 5-235-02749-3

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2005

От автора

*Посвящается памяти
моих родителей Алек-
сандры Васильевны и Ивана
Леонтьевича Буйновских*

Поколение, рожденное в тридцатые годы прошлого столетия... Это дети войны, страшной и кровавой, дети, слышавшие свист пуль и смотревшие в глаза смерти, потерявшие родных и близких, а многие ставшие сиротами, познавшие голод, холод и безотцовщину. Многие из ребят этого поколения попали в число сыновей или дочерей «врагов народа».

Пройдет немного времени, и мальчишки, рожденные накануне войны, — это уже лейтенанты — выпускники первых ракетных высших учебных заведений; молодые ученые, инженеры, конструкторы, испытатели, окончившие засекреченные в те времена факультеты по ракетостроению, жидкостным двигательным установкам, теории космических полетов. Это поколение энтузиастов, отдавшее свою кипучую энергию благородному делу зарождения отечественного ракетостроения и проложившие первые тропы в космос. Из среды именно этого поколения вышли Юрий Гагарин, Герман Титов, другие наши космические первопроходцы.

Еще пару десятилетий — и они уже создатели и первые руководители мощнейшего отечественного военно-промышленного комплекса, покорители звездных трасс, сделавшие комос составной частью нашей по-

вседневной жизни, а нашу страну — ведущей державой мира в области передовых технологий. Это офицеры и генералы, возглавившие первые подразделения вновь созданных Ракетных войск стратегического назначения.

И наконец, это умудренные жизненным опытом руководители целых отраслей нашей науки и промышленности, ученые и педагоги, генералы-командармы, генеральные и главные конструкторы, герои и лауреаты, почетные академики...

И так уж получилось, что они же — свидетели развала мощнейшего научно-производственного потенциала страны, созданного фактически их умом, трудом, энтузиазмом. Многие из них уже почетные пенсионеры. А многих, увы, уже нет среди нас.

Вот такие героические дети, рожденные в 30-е годы прошлого столетия!

Так уж судьбе было угодно, чтобы среди тех, кто прошел по дорогам войны, кто с 14 лет носит военную форму, кто был среди создателей первых ракетных и комических комплексов, кто принимал участие в пуске космического корабля с первым космонавтом — Гагариным и сам готовился повторить его подвиг, кто формировал первые части Ракетных войск стратегического назначения и со слезами на глазах наблюдал триумфальный полет и посадку многоразового космического корабля «Буран», был и автор этих строк — рядовой представитель своего поколения.

Практически уже с первых шагов своей трудовой деятельности я попал в символическую команду — огромный коллектив ученых, конструкторов, инженеров и испытателей, возглавляемый легендарным и в те времена сверхсекретным Главным конструктором Сергеем Павловичем Королевым и его сподвижниками — Николаем Алексеевичем Пилугиным, Михаилом Сергеевичем Рязанским, Валентином Петровичем Глушко, Виктором Ивановичем Кузнецовым, Владимиром Николаевичем Барминым. Я был в этой же команде и тогда, когда создавался, как говорилось в те далекие 60-е годы, «ракетный щит Роди-

ны», и тогда, когда на полигоне Тюра-Там ракета-носитель вывела на орбиту корабль «Восток» с первым космонавтом нашей планеты Юрием Алексеевичем Гагариным на борту. Непосредственное общение и деловые контакты с создателями ракет и космических аппаратов продолжались и тогда, когда я уже был в отряде космонавтов и готовился к тому, чтобы на себе испытать надежность и точность той техники, в создании которой принимал участие. И уже на закате своей деятельности в космической области я принимал самое непосредственное и активное участие в запусках на космодроме Байконур сверхмощного носителя «Энергия» и космического корабля много-разового использования «Буран».

По тексту всего лишь несколько строк отделяют пуски первых ракет от пуска «Бурана». А между этими строками 30 лет — почти половина моей жизни и фактически весь мой трудовой стаж! И даже сейчас, много лет спустя после тех событий, моя память да и вся моя последующая жизнь не дают мне забыть все то, что я пережил в те далекие, но прекрасные времена. Министерство иностранных дел, где я работаю вот уже много лет после увольнения из армии, находится рядом с Парком культуры и отдыха имени Горького, и каждый день я вижу «Буран», но — увы! — уже в другом, прямо скажем, обидном для него качестве. В двух шагах — поликлиника Военно-воздушных сил, где я проходил предварительный медицинский отбор в отряд космонавтов. В районе, где я живу, есть улицы Академика Пилюгина и Академика Глушко. Я дружу со старожилками Звездного городка, а все эти годы не прекращались контакты и процесс обмена опытом воспитания детей, а теперь уже и внуков с милым моему сердцу семейством Германа Степановича Титова. Мой дом рядом с комплексом зданий института, которым долгие годы руководил Н. А. Пилюгин и где, собственно, и началась моя «космическая эпопея». В соседних домах живут, правда, уже постаревшие, полысевшие и поседевшие, но душой молодые мои друзья-товарищи, с которыми я сутками не уходил с испытательных стендов института и

месяцами сидел на полигонах — готовил и запускал наши ракеты и космические аппараты.

Конечно же «я в команде Сергея Павловича», «я готовил ракету», «я запускал космический аппарат» — все это громко сказано! Молодой лейтенант, направленный в промышленность для защиты интересов военного ведомства, не являлся ключевой фигурой, а составлял лишь маленькую, но, хотелось бы надеяться, неотъемлемую и нужную частичку огромного коллектива создателей наших первых образцов ракетно-космической техники. Представляя интересы Министерства обороны, мне, естественно, приходилось общаться и с Королевым, и с Пилюгиным (особенно часто), и с другими главными конструкторами и организаторами производства нашей техники. И все же память наиболее четко и выпукло сохранила образы тех людей, вместе с которыми с огромной самоотдачей и энтузиазмом мы работали по созданию систем управления для наших ракет и космических аппаратов, сутками на стенде их отлаживали и искали неисправности («бобы»), вместе с военными испытателями в суровых казахских степях радовались удачным пускам и переживали аварии и неудачи. Я просто не имею морального права забыть своих первых учителей и наставников — как гражданских, так и военных: Владилена Петровича Финогеева, Ивана Никитича Ионова, полковника Михаила Наумовича Брегмана, подполковника Бориса Владимировича Вергасова, Николая Михайловича Лакузо, Евгения Александровича Дымова, Георгия Моисеевича Присса, подполковника Ивана Васильевича Вазнюка и многих-многих других. Я благодарен судьбе за то, что на моем жизненном пути мне посчастливилось встретиться и работать с этими талантливыми инженерами, испытателями от Бога и просто добрыми, хорошими людьми! И все они из команды Королева, с которой он в тяжелые послевоенные годы начинал запуск своих первых ракет. Умел Сергей Павлович выбирать себе помощников!

Чем дольше живешь на белом свете, тем все больше убеждаешься, что мудрыми качествами наделила

природа человека. Проходят годы и десятилетия, а отдельные события, факты, моменты и встречи в жизни любого из нас не только не стираются в памяти, а наоборот, становятся ярче и чуть ли не осязаемы физически. Вспоминая свой жизненный путь и возвращаясь к годам своей молодости, наверное, каждый человек, достигший почтенного возраста, задает себе вопрос: «Приобщился ли я в своей жизни к чему-либо такому, о чем люди будут вспоминать, а мои дети и внуки, возможно, даже и гордиться?» Мне кажется, ответ на этот и ему подобные вопросы прямо-таки заставляет взяться за перо и изложить на бумаге «степень своего приобщения» к каким-то значимым историческим фактам. А если при этом память сохранила неординарные события и явления, встречи с исключительно интересными, а зачастую и легендарными личностями, и до сих пор невольно вызывают улыбку смешные ситуации и истории из повседневной жизни нашего — увы! — уже далекого прошлого, то тут уж никуда не деться — садись и пиши!

Что я и сделал.

ВОЙНА

22 июня 1941 года... Мы, мальчишки — дети офицеров дивизии, квартировавшей в городе Гомеле, практически на границе тогдашнего Советского Союза, этим ранним воскресным утром бегали по двору нашего дома и собирали еще теплые, фантастической формы и окраски кусочки металла, еще не ведая, что это — смертоносные осколки бомб и снарядов. А вечером этого же дня мы все — и взрослые, и дети, собрались у дверей квартиры командира дивизии, где офицерские жены выражали сочувствие жене, а точнее, уже вдове командира, весть о гибели которого только что принес его адъютант.

9 мая 1945 года... Кажется, вся Москва собралась на Красной площади, чтобы выразить восторг и ликование по случаю долгожданной Победы! Объятия, поцелуи, возгласы «Ура!», «Да здравствует великий Сталин!», дружное качание затерявшихся в толпе военных. В этой массе ликующего народа и мы: я, мама и папа, которого энтузиасты периодически отрывали от нас и высоко подбрасывали в воздух. После салюта народ стал расходиться. И вот здесь началось. Огромная людская масса хлынула на Манежную площадь, Охотный ряд, улицу Горького. Через некоторое время я с родителями оказался в плотной толпе в

центре Манежной площади. Люди в панике пытались вырваться из этого страшного людского водоворота. От возможности быть здорово помятыми или просто раздавленными толпой нас спас счастливый случай. Каким-то чудом рядом с нами был зажат толпой большой черный лимузин какого-то иностранного дипломата. Если бы отец не посадил нас с мамой на капот этого автомобиля, то не знаю, чем бы это все закончилось. Мама была в положении и ровно через месяц — 9 июня — родилась моя сестра.

Две исторические вехи — первый и последний дни войны. А между ними — четыре тяжелых, полных лишений года. Наша семья здесь не исключение.

Мой отец — кадровый военный. В 1941 году он проходил службу в должности политрука (была такая должность в довоенной нашей армии — политический руководитель, комиссар) гаубичной батареи в дивизии, расквартированной в городе Гомеле и его ближайших окрестностях. Все это в непосредственной близости от польской границы. Сразу же после первых бомбежек нас всех — жен, стариков, детей комсостава дивизии погрузили на машины и отправили в тыл, подальше от бомб и снарядов. Мы с мамой каким-то способом добрались до Новочеркасска — нашего родного города, будучи в полной уверенности, что сюда-то уж немцы никогда не дойдут. Но война как-то быстро докатилась и до донских степей.

Какие же были тяжелые эти полтора-два года, пока мы с мамой колесили по Кавказу, Средней Азии и Казахстану в поисках жилья, работы для мамы, места в детском садике для меня! Отец, отправляя нас с мамой из Гомеля в тыл, поручил мне, шестилетнему мужчине, защищать маму и заботиться о ней, что я с присущей мне уже в те годы ответственностью и делал. Я учил маму, как надо вести себя, когда мы попадали под бомбежку, — не впадать в панику, бежать в разные стороны, не носиться по открытой местности, а залечь в какой-нибудь канаве, где и переждать бомбежку. Но она почему-то мои указания не выполняла, и всегда как-то получалось так, что, вместо того

чтобы рассредоточиться, она зачем-то накрывала меня своим телом, что меня страшно злило. После налета немцев я указывал ей на ее ошибки и неправильные действия, она соглашалась, обещала при очередном налете действовать строго по моим инструкциям, но в момент опасности про них забывала и упорно делала все по-своему, не отпуская меня от себя ни на шаг. Ну как можно было участвовать в боевых действиях, вопиюще нарушая требования Полевого устава!

И снова колонна из жен и детей, но уже авиационного полка, двинулась из Новочеркасска на восток. Мы с мамой — с ними. Но теперь мы передвигались уже по воздуху — самолетами, выделенными полком для своих семей. А дальше — модное тогда слово — эвакуация. Кочевая жизнь самолетами, пароходами (из Баку в Красноводск), машинами, арбами на Кавказе, в Средней Азии, Ферганской долине, казахских степях. Помнится, в Казахстане нас расселяли по домам бывших раскулаченных и выселенных из родных, насиженных мест, у которых обида на советскую власть еще не прошла. Естествен и «теплый» прием, который они нам оказывали. Так что уже и в те далекие годы я приобщился и к авиации — имел достаточно большой налет, правда, в качестве пассажира, на «дугласах» и даже на огромном нашем четырехмоторном фанерном Тб-3, когда он забирал нас из Георгиевска, что на Кавказе, почти на глазах у немцев.

В начале 1943 года мы с мамой попали в Москву, куда отозванный с фронта отец был направлен в Московское пехотное училище, где ускоренными темпами готовили молоденьких лейтенантов для фронта.

Жили, как все, в холодной, полуголодной Москве. Ночами стояли в очередях за мукой. Мои руки долго еще с тех времен имели фиолетовые потеки от трехзначных номеров, определяющих мое место в этих бесконечных, тоскливых очередях. Поселили нас рядом с училищем в районе Лефортова в дореволюционном офицерском доме, в большой, очень удобной

для одной семьи квартире. Но нас там было 16 человек — пять семей, собранных войной с разных концов страны. Жили дружно, помогали друг другу чем могли, переживали за неудачи и радовались победам на фронте. Мы, мальчишки, играли во дворе в традиционные для тех времен игры: в войну, казаки-разбойники, лапту, «лямочку» (поддавать ногой матерчатый клубочек с чем-то тяжелым внутри) и «денежные» игры — пристенок, расшиши (так, во всяком случае, назывались игры с мелкой разменной монетой у нас во дворе). И улица у нас имела название тоже с военным уклоном — Танковый проезд, одна сторона которого была мощная кирпичная стена с зубцами, как у Кремля, там размещалось стрельбище. Рядом с нашим домом располагался военный авторемонтный завод, где работали пленные немцы. Вначале мы к ним относились очень настороженно (все-таки фашисты), но потом как-то попривыкли и бегали к забору завода, где шел активный обмен — бляшки, пуговицы, значки — с немецкой стороны, хлеб — с нашей. Помню, был момент, когда на завод пригнали с полсотни разбитых огромных американских грузовых машин типа «студебекер» и они долгое время парковались на нашем дворе, что давало нам возможность проводить наши военные игры в обстановке, приближенной к боевой — на зависть мальчишек с других дворов. Так что тяжелое военное время имело и свои маленькие мальчишечьи радости.

Более 60 лет прошло с тех тяжелых времен, а я помню всех своих соседей по имени-отчеству и, кажется, узнал бы сегодня каждого из них при случайной встрече на улице или в метро. Удивительное свойство человеческой памяти: бережно хранить то, что происходило с тобой в экстремальной, неординарной обстановке!

С детства я, как и всякое дитя военного времени, рос самостоятельным, ответственным мужчиной. В восемь-девять лет я в компании ребят с нашего двора каждое воскресенье проводил обязательное мероприятие: собрав за неделю немного денег, мы ехали в

кинотеатр «Ударник» (почему-то только туда), выставляли огромные очереди за билетами на любой очередной сеанс и с упоением смотрели фильмы про войну, про солдата Швейка, веселые довоенные ленты с участием Ильинского, Орловой, Утесова. Рано пристрастился к книгам. Из «запрещенных» авторов, конечно же подпольно, читал Мопассана, где-то лет в 12—13 прочитал всего Драйзера. До сих пор помню печальную судьбу Дженни Герхард и как я оплакивал ее в уединении, чтобы никто не видел моих слез.

Хотя я и считал себя вполне взрослым, независимым человеком, бывали моменты, когда родители вовремя подправляли мои самостоятельные шаги и инициативы. Помню, где-то уже после войны я записался в футбольный клуб «Крылья Советов» и меня с ходу, после первой же тренировки поставили на календарную игру вратарем детской команды. Думаю, что тренер наметанным глазом сразу же подметил во мне задатки выдающегося голкипера. Почему-то мой отец был другого мнения. «Нет!» — твердо сказал он. Главным доводом у него был анекдот, где говорилось о том, что у отца было три сына: один — умный, второй — дурак и третий — футболист. Мне почему-то кажется, что если бы сыновья поменялись местами (футболист, умный, дурак), то вопрос, быть или не быть мне футболистом, решился бы в мою пользу. Но отец рассказывал анекдот так, как было выгодно ему. И в результате моя так блестяще начатая футбольная карьера закончилась. А жаль! Уверен, что отечественный футбол лишился своего второго Алексея Хомича — кумира болельщиков послевоенных лет!

В 50-м году наше семейство переехало из Лефортова в уютный и тихий по тем временам район у метро «Сокол», в нашумевшие хрущевские новостройки на Новопесчаной улице. Правда, опять коммуналка — четырехкомнатная квартира на три семьи (два полковника и один подполковник, все участники войны!), всего-то 10 человек! Но зато газ, ванна с горячей водой, лифт, телефон. Фантастика!

Рядом с домом была школа-новостройка, куда я и перевелся. Учился я в общем-то хорошо, даже ходил в

отличниках, предпочтение отдавал гуманитарным предметам, но один раз — думаю, что совершенно случайно, — прославился и в математике. Каким-то образом мне удалось по-своему, не как в учебнике, доказать какую-то теорему. Меня даже командировали после этого на олимпиаду в Московский университет, где я с треском провалился, после чего математик задвинул меня опять в общую ученическую массу. Кстати, учитель математики — Лев Абрамович Гинзбург — одна из самых запоминающихся личностей за время моего короткого пребывания в этой школе. Длинный, тощий, в офицерском кителе, который сидел на нем как на вешалке, он был прекрасен, когда во время урока с треском распахивал дверь класса, замирал с протянутой в сторону коридора рукой и голосом, полным трагизма, произносил «Вон!!!» очередному нарушителю дисциплины. И все равно мы все его обожали. Помню, в порыве нашей искренней ребячьей любви мы ему даже на 8 Марта дарили подарки.

До сих пор не могу понять, почему в те годы было раздельное обучение. Мальчики и девочки, а затем юноши и девушки учились в разных школах. Причем каких-то особых мужских или женских предметов не было, нашим сексуальным воспитанием (девочкам рассказывают про одно, мальчикам — про другое) никто не занимался, тема про ЭТО вообще была несовместима с принципами советской школы. Почему нас искусственно, если не сказать насильно, разделяли именно в тот период, когда мы изо всех сил начинали тянуться друг к другу, непонятно?! Эта тайна так и осталась за семью печатями. Но природа берет свое! Учителя параллельных школ принимали всяческие меры, чтобы общение их подопечных проходило у них на глазах, под их неусыпным контролем. Проводились совместные тематические вечера, коллективные посещения театров, спортивные соревнования. Как только я узнал, что у нас в школе образуется кружок по изучению бальных танцев и что на занятия будут приглашаться девочки из соседней школы, я записался туда одним из первых и про-

являл при этом такое рвение, что меня даже выбрали старостой этого кружка. Падеграс, падекатр, полонез, краковяк — буржуазные, чуждые нам, но такие таинственные и волнующие слова! Специфика этих танцев в том, что по ходу их исполнения есть необходимость держать партнершу за ручку и даже (страшно подумать!) за талию. И это прилюдно, на глазах у всего честного народа! Грех было упускать такую возможность! Один раз в неделю в актовом зале нашей школы выстраивались две шеренги — девочки и напротив мальчики. Вела кружок бывшая балерина неопределенного возраста. Хитрая bestия! Как правило, она так выстраивала шеренги, что по команде: «Кавалеры приглашают дам!» я, например, всегда попадал на одну и ту же партнершу — Свету Давыдову, которая, кстати, мне очень нравилась. А бывали случаи, когда, обходя строй мальчиков, эта деликатная, интеллигентная дама шептала одному из нас: «Застегните, пожалуйста, ширинку». И это понятно, так как в нашей школьной среде этому элементу мужского туалета не придавалось особого значения. С полной ответственностью заявляю, что ко мне с такой просьбой она ни разу не обращалась! К слову сказать, такое коллективное общение с представительницами прекрасного пола толкнуло меня на индивидуальный подвиг.

Я решил пригласить Свету Давыдову в театр. Хорошо помню, что это был воскресный дневной спектакль в филиале Малого театра. В театр мы шли, как и положено, на расстоянии пяти-шести метров друг от друга, чтобы, не дай бог! — никто не подумал о том, что это совместное мероприятие. Все прошло нормально, нас никто из знакомых не видел, спектакль вроде бы понравился, и мы под покровом сумерек уже рядышком вернулись к себе на Песчаную улицу. Подошли к Светиному дому, я остался внизу ждать, а моя дама поднялась к себе, а затем спустилась, чтобы отдать мне денежку за билет. Деньги я взял и с чувством собственного достоинства и выполненного долга отправился к себе домой. Это был мой первый выход в свет с дамой!

Может быть, под влиянием кружка бальных танцев или по каким-либо другим причинам, но меня вновь потянуло на самостоятельное принятие кардинальных решений. В одном из школьных зданий на нашей улице размещалась авиационная спецшкола. Собственно, это была обычная школа, но, как сейчас говорят, с «авиационным» уклоном. Ну и главное, учащиеся этой школы носили форменный китель, а зимой еще и шинель с маленькими голубыми курсантскими погончиками. Кстати, брюки — свои, домашние, но только темного цвета. Но настоящий офицерский китель с погонами для четырнадцатилетнего мальчишки — это предел мечтаний! Конечно же я решил: иду после окончания семилетки в эту спецшколу. «Нет! — вновь решительно и сурово заявил мой отец, в принципе добрый и покладистый человек. — Хочешь быть военным, иди в артиллерийское подготовительное училище, туда берут тоже после седьмого класса, но там хотя бы из тебя сделают настоящего военного. Но учти: это уже на всю жизнь». Видно, не судьба мне быть летчиком. А жаль! Ладно футбольные болельщики не увидят второго Хомича, но Родина теряет второго Валерия Чкалова — это уже непростительное расточительство! Да и голубые погоны мне больше были бы к лицу. Но что делать, назвался груздем — полезай в кузов! Я согласился пойти в артиллеристы. Пока я не передумал, папа быстренько принял соответствующие меры.

МАПУ

1951 год... Центральный дом Советской Армии имени М. В. Фрунзе. В одном из залов этого популярного в те времена среди военных заведения с просьбой «Разрешите обратиться!» ко мне подошел ветеран, по-моему, участник всех предыдущих войн, с впечатляющей орденской колодкой на груди. Я разрешил. «Скажите, кто вы такой и что у вас за форма?» А перед ним стоял упитанный с самодовольной физиономией пятнадцатилетний юнец в хорошо подогнанной из дорогого материала офицерской форме — темно-синие брюки и китель с начищенными до блеска пуговицами (все конфисковано у отца — полковника Генштаба). Только вот на плечах у этого военного были не офицерские погоны, а что-то яркое и до боли в глазах блестящее. «Я — воспитанник» — мой ответ. «Понятно», — уважительно констатировал ветеран и отошел в сторону, так и не поняв, с кем же он только что разговаривал. А я с гордо поднятой головой и красивой осанкой направился в сторону спортзала.

Буду откровенен. Аналогичный диалог с комендантским патрулем на улицах Москвы, как правило, носил не такой уж светский характер. Начальник патруля уж точно знал, с кем имеет дело, и лишал меня на месяц увольнения в город именно за то, что на мо-

их плечах были не узенькие матерчатые курсантские погоны со скромными артиллерийскими эмблемками, а доморощенное произведение искусства из инкрустированной фольги, черного бархата и эмблем в виде зловещих крабов.

А гордый, таинственный красавец военный в Доме офицеров и трясущийся перед патрулем злостный нарушитель устава и формы одежды — это я, воспитанник 4-го взвода 3-й батареи 2-го Московского артиллерийского подготовительного училища.

Так уж у нас принято, что все новшества на Руси начинаются со времен Петра Первого. Именно по его указу в 1701 году была образована школа математико-навигационных наук, где учились солдатские дети и сироты. А уже в 1732 году в России были созданы первые кадетские корпуса, где наряду с другими науками дворянские дети 13—18 лет осваивали и азы военного дела. За годы существования кадетских корпусов из их стен выходили не просто хорошо обученные и преданные своему Императору и Отечеству офицеры, но и высокообразованные представители своего поколения. Достаточно сказать, что в свое время кадетами были деятели просвещения елизаветинских времен П. И. Шувалов и А. П. Сумароков, полководец М. И. Кутузов, мореплаватель И. Ф. Крузенштерн, изобретатель знаменитой винтовки С. И. Мосин, генерал, герой Великой Отечественной войны Д. М. Карбышев. Кадетские корпуса были элитными для своего времени военными учебными заведениями, они являлись оплотом для монархии и существующего строя. И именно поэтому кадеты составляли основной костяк Белой армии в годы Гражданской войны. И естественно, что после Октябрьской революции они были расформированы. Но прошло совсем немного времени, и в 1937 году юноши 8—10-х классов пяти московских школ общеобразовательные предметы и военное дело изучают уже приближенно к программам военных училищ. В 1943 году открываются суворовские и нахимовские училища. Кстати, инициатором их образования выступил потомственный военный, выпуск-

ник кадетского корпуса, граф, камер-паж императрицы, а в советские времена генерал-лейтенант А. А. Игнатьев! И что самое интересное, в основу построения вновь образованных военных спецшкол были положены основные принципы организации кадетских корпусов! Только вот жили «советские кадеты» у себя дома. Форму носили военного образца, близкую к офицерской. А уже в 1946 году все военные спецшколы с артиллерийским уклоном были преобразованы в артиллерийские подготовительные училища. Всего таких училищ было образовано около десяти: в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове. В Москве было два училища: 1-е Московское артиллерийское подготовительное училище, что в Богородском (1-е МАПУ) и 2-е Московское артиллерийское подготовительное училище на Велозаводской улице (2-е МАПУ).

Да! Жизнь воспитанника училища, мягко говоря, отличалась от вольной жизни ученика авиационной спецшколы! Если будущий авиатор мог каждый день очаровывать своими голубыми погонями местных девчонок, то будущий артиллерист это мог сделать только один раз в неделю. И то если заслужит увольнение! Ведь мы-то были на казарменном положении! И это здесь же, в Москве, где твой дом, семья, мамыны заботы и где твои друзья и подруги абсолютно свободны и могут встречаться когда угодно и с кем угодно. Согласитесь, что для нас, жителей Москвы, это было тяжелое испытание! Иногородним было проще, но и для них казарма не была райским уголком.

О трех годах жизни и учебы в казарме, когда на одном этаже типового школьного здания круглые сутки под неусыпным оком офицеров-воспитателей находятся 112 молодых парней, можно было бы написать отдельную книгу. Вот, к примеру, инфраструктура нашего третьего этажа: четыре, по числу учебных взводов, класса, в трех комнатах наши спальни, где тесно в ряд стоят двухъярусные койки, комната для офицеров и преподавателей, в одной комнате жил и постоянно репетировал училищный духовой оркестр и, что совсем уж непонятно, в одной

маленькой комнатке на этом же этаже проживала семья из трех человек, никакого отношения к училищу не имеющая. Веселенькая компания на 24 часа в сутки!

Память до сих пор хранит отдельные, наиболее запомнившиеся моменты и детали нашей трудной, но все же интересной жизни в стенах МАПУ.

Надо сказать, что даже когда мы уже выпускались из училища, многим из нас не было еще и 18 лет, то есть мы не попадали по нашим законам под призывной возраст и, естественно, проходя учебу и службу (а это действительно была настоящая воинская служба!) в подготовительном училище, воинскую присягу мы не принимали. Но за эти три допризывных года каждый из нас столько познал в воинской жизни, столько вобрал в себя нужного, полезного, что этого мне хватило на все последующие годы кадровой службы в армии.

Мы, молодые ребята, собранные войной со всех концов нашей земли, конечно же, были разные и по уровню своего развития, школьным знаниям и жизненному опыту, по отношению к учебе, да и сразу же после выпуска мы пошли разными путями. Но все последующие годы и десятилетия нас объединяли общие для всех нас качества и черты характера. Это, прежде всего, высокое чувство воинского товарищества и взаимопомощи (жизнь подтвердила, что это не просто громкие слова!), мы научились ответственно относиться к порученному делу, бывшего воспитанника всегда можно отличить по аккуратно подогнанной офицерской форме, по подтянутой, спортивной фигуре, по уважительному отношению к окружающим, особенно к женщине. И самое удивительное, что такие воинские атрибуты, как «долг», «дисциплина», «команда», «строй», «подъем», «утренняя зарядка», «отбой» были для нас повседневной, каждодневной действительностью и даже жизненной необходимостью. Вот один лишь пример. Есть такой воинский ритуал — вечерняя поверка. У нас она проходила следующим образом. Вся батарея, а это более ста человек, выстраивалась повзводно в ко-

ридоре нашего здания. И я, такой же школьник, как и все остальные мои одноклассники, но наделенный званием «вице-старшина», скомандовав зычным старшинским голосом «Смирно!», начинаю переключку. И что меня удивляло еще тогда и поражает до сих пор, так это отношение моих товарищей к этой процедуре. На протяжении всей поверки все сто человек стоят не шелохнувшись, по стойке «смирно», и с замиранием сердца ждут, когда я торжественно прочитаю (а я обязан читать по списку, хотя все фамилии воспитанников нашей батареи я давно знал наизусть): «Воспитанник Дождев!» — «Я!!!» — бодро, звонко откликнулся мой друг Виталька Дождев. И так каждый, стоящий в строю, ждет с нетерпением этой минуты, чтобы на одном выдохе подать свой голос. А «Я» — это значит, что воспитанник жив, из училища не сбежал, а с нетерпением ждет окончания поверки, чтобы забраться на второй этаж двухъярусной койки и с чувством выполненного долга отойти ко сну. И так ведь каждый день, включая праздники и воскресенья! Невольно напрашивается аналогия с нашей сегодняшней действительностью. Интересно, смог бы директор школы построить поклассно в коридоре школы учеников 9-х или 10-х классов и попросить их молча выслушать в течение нескольких минут какое-либо объявление. По-моему, при сегодняшних нравах это утопия. А я до сих пор понять не могу, что заставляло сотню мальчишек, среди которых не все имели «5» по поведению, стоять в едином, монолитном строю и, не шелохнувшись, с напряжением ждать, когда назовут твою фамилию. Наверное, это и есть чувство воинского долга, которое нельзя описать словами, а надо воспринять всем своим существом и прочувствовать всеми фибрами своей души! В общем, силен оказался заложенный в нас кадетский дух!

С огромной любовью и благодарностью вспоминаем и никогда не забудем наших первых учителей по военному делу, воспитателей, которые привили нам хорошие воинские традиции, научили нас философски, спокойно относиться к трудностям на-

шей армейской жизни. Наши офицеры-воспитатели, а именно так они официально и назывались по штатному расписанию, — это только что закончившие войну молодые офицеры — подполковники и майоры, которые во многом на своем личном опыте учили нас жизни. Мудрый, спокойный, требовательный, но, по сути, добрый человек командир нашей батареи подполковник Сергей Иванович Плющев. Офицер-воспитатель 4-го взвода майор Леонид Алексеевич Пичахчи. Это мои кумиры до сих пор! Если у Сергея Ивановича мы учились дисциплине и порядку, добросовестному отношению к своим обязанностям, чиновничеству, уважению к старшим — в общем, всему тому, что здорово помогло нам в нашей дальнейшей многолетней службе, то Леонид Алексеевич был и остается для меня образцом спортивной подтянутости и аккуратности, воинской выправки и подчеркнутой элегантности. Грек по национальности, красавец, любитель и любимец женщин, гимнаст — это ли не достойный пример для подражания шестнадцатилетнему мальчишке! Наши офицеры-воспитатели действительно были воспитателями с большой буквы, они для нас, особенно для тех, кого война сделала сиротами, были нашими «папой» и «мамой», заботливыми няньками и советчиками. Низкий земной поклон им за это! К сожалению, годы берут свое. Многие наших воспитателей (да и бывших воспитанников тоже) уже нет среди нас. Ушли из жизни Сергей Иванович и Леонид Алексеевич. На наших, с годами уже не столь частых встречах мы всегда отдаем должное их памяти. И сами-то эти встречи уходят своими корнями в те далекие школьные годы, когда не на словах, а на деле мы учились понимать и впитывать в себя вроде бы высокопарные слова и понятия, связанные с чувством долга, дружбы и товарищества, взаимной выручки и поддержки. Знаю, что многим из нас эти качества очень в жизнигодились. Кстати, о наших встречах. Вот уже много лет 19 ноября бывшие воспитанники артиллерийских спецшкол и подготовительных училищ собираются на Красной площади у Лобного

места. Хорошая, добрая традиция! Но я не бывал на этих встречах. Для меня более приятными и трогательными были встречи офицеров-воспитателей и бывших воспитанников нашей 3-й батареи выпуска 1954 года. Как правило, инициатором и организатором таких встреч был Юра Тарелкин — старший вице-сержант 2-го взвода нашей батареи. К сожалению, его тоже уже нет среди нас. В очередной раз, а это было в конце 1997 года, нас собралось около тридцати воспитанников, были и наши офицеры-воспитатели Борис Петрович Селезнев и Михаил Платонович Сулимин, а также неизменная участница всех наших встреч очаровательная Галина Ивановна Плющева — вдова нашего комбата. Тридцать человек из ста собрались через 46 лет, прошедших со времен нашей жизни в МАПУ! Нам было о чем поговорить и что вспомнить. А собрались мы в Академии имени Дзержинского (теперь имени Петра Первого). Нас встречал и по-хозяйски принимал начальник академии генерал-полковник Юрий Иванович Плотников — старший вице-сержант 3-го взвода 3-й батареи 2-го МАПУ. Наш человек! А вообще-то надо сказать, что из нас пятерых вице (вице-старшина и четыре взводных старших вице-сержантов) Юра Плотников закончил службу генерал-полковником, Юра Проклов — генерал-майором, мы с Юрой Тарелкиным — полковниками, Володя Краснов — подполковником. Думаю, не каждая батарея даже наших двух московских МАПУ может похвастаться такой служебной карьерой своих вице-сержантских командиров.

Если офицеры-фронтовики учили нас премудростям и сложностям нашей будущей армейской жизни, то общеобразовательные дисциплины мы познавали с помощью гражданских учителей — тоже больших энтузиастов в своем деле. Мы их всех (или почти всех) любили, но, как и положено в любой школе, доставляли им массу хлопот и огорчений. Пожилых учителей мы побаивались, а с молодыми пытались кокетничать, и не ради оценок, а просто так, по-мужски! А они, в свою очередь, бросали томные взгляды в сторону наших офицеров. Плющев, Пичахчи, Селез-

нев, Сулимин — красавцы мужчины, у каждого — полная грудь орденов! Куда нам, школярам, было до них.

Несомненно, под влиянием Пичахчи я начал заниматься спортивной гимнастикой. В начале это была группа воспитанников, которые собирались после школьных занятий в спортивном зале училища, где под командованием нашего преподавателя по физкультуре подполковника Дайнеко мы начинали отрабатывать первые гимнастические приемы с некоторым «боксерским» уклоном, ибо Дайнеко в прошлом был боксером. Со временем в группе остались те, у кого дело пошло и намечался явный прогресс в освоении гимнастического мастерства, а также просто старательные и добросовестные трудяги. Поначалу я относил себя к первой категории, но потом понял, что чемпионом даже своего училища мне не быть. И все же я продолжал упорно ходить на тренировки, накачивать мускулы, делать свое тело гибким и красивым (как у Пичахчи). Со временем я попал в группу гимнастов училища, которые тренировались два раза в неделю, но уже в Центральном доме Советской Армии, что на площади Коммуны. В дни тренировок мы садились в старенький автобус (мне кажется, его потом использовали в фильме «Место встречи изменить нельзя») и ехали через всю Москву в спортзал ЦДСА, тоскливо созерцая в окно, что происходит вокруг. Ведь автобус — территория училища, которую без увольнительной записки покидать нельзя. После тренировки опять в автобус и назад — в училище. И то приятно — два раза в неделю хотя бы прокатиться по улицам Москвы! Но это, как говорится, побочный эффект. Главное, что я со временем втянулся в это дело и отдавал гимнастике, тренировкам все свое свободное время и в подготовительном училище, и на последующих этапах своего жизненного пути — в общей сложности более 10 лет! Ну и что ж, что я не стал чемпионом и даже мастером спорта! Зато я закалил свой организм, поднакачал мускулы, довел до совершенства свой вестибулярный аппарат. Мне это здорово помогло в будущем! Да и кто его знает, может быть, регулярные, добросовестные посеще-

ния тренировок (помню, я даже тренировался в одном из спортзалов в Харькове в ходе производственной практики, когда учился уже в Ростове) уберегли меня от другого, менее рационального расхода своего свободного времени, спасли от возможности и соблазна чрезмерного злоупотребления горячительными напитками («Ребята, не могу, у меня завтра тренировка»), и то, что я никогда не курил, — это тоже, я считаю, заслуга все той же гимнастики. Гимнастика научила меня аккуратности и подтянутости — я не хуже заправской портнихи подшивал и ушивал свою спортивную форму, перед каждой тренировкой сам стирал и гладил свои вещички, бегал по спортивным магазинам — искал белые «чешки» и шерстяные трико (атрибуты одежды гимнаста). И даже сейчас, в весьма почтенном возрасте, я продолжаю внимательно следить за своим внешним видом и стараюсь в меру своих сил и возможностей не отставать от моды и сам слежу за своей одеждой. Но тогда, в те далекие годы, все эти хорошие качества и привычки были лишь в стадии зарождения! И за это еще раз спасибо родному МАПУ!

Помнится, что в старые, еще советские времена популярной для публичного обсуждения была тема: кто несет ответственность за воспитание подрастающего поколения — семья или школа? Отдавая дань уважения и глубокой благодарности своим школьным учителям и всем моим последующим наставникам, хочу сказать, что, если я сумел приобрести в детстве и юности и не растерять в дальнейшем такие чисто человеческие качества, как трудолюбие и честность, исполнительность и аккуратность, усердие и усидчивость, порядочность в быту, тактичное и уважительное отношение к старшим, то я обязан этим в первую очередь своим родителям: Ивану Леонтьевичу и Александре Васильевне. Хвастливо повествуя о том, каким я рос аккуратненьким и почти безгрешным пай-мальчиком, я не могу не сказать о том, что мои родители были для меня примером для подражания. Это исключительно порядочные и очень добродетельные люди. Они, например, никогда не ку-

рили (наследственно — и я тоже), спиртное ограничивали бокалом шампанского или рюмкой вина по праздникам (здесь моя наследственность чутко подкачала), ко мне никогда не применялись физические методы воспитания, странно как-то звучит, но я ни разу не слышал от отца матерных слов (в моем лексиконе иногда прорываются такие словечки), а мама категорически не воспринимала двусмысленные анекдоты, а ко всем своим друзьям и подругам обращалась только на «вы». Мои друзья с удовольствием бывали в нашей уютной, гостеприимной квартире, где их всегда ждали мамины пышные пироги. И эти свои черты характера и привычки они сохранили до конца своей жизни. А умерли они, когда им было уже за 80! Вот уж действительно примеры, достойные подражания!

Говоря о людях, которые в стенах МАПУ помогали нам — школьникам встать на правильные жизненные рельсы, просто нельзя не упомянуть нашего старшину и по должности и по званию (в отличие от меня) Михаила Бокова — тоже молодого человека, прямо-таки излучающего человеческое добро и, не боюсь этого сказать, материнскую ласку! За что мы его все дружно и любили. Он заботился о том, чтобы мы всегда были накормлены, имели чистую, хотя бы частично соответствующую нашим габаритам и росту форму и чтобы мы ее не портили. А это — головная боль Миши Бокова. А какими мы были виртуозными портными! Ведь мы все считали себя продолжателями славных «спецовских» традиций, родившихся еще до войны в стенах артиллерийских спецшкол. Любыми возможными (распарывали брюки и вшивали в них клинья) и невозможными (на ночь замачивали брюки и вставляли в них распорки из фанеры) способами наиболее рьяные наши «спецы» доводили ширину форменных брюк до 35—40 сантиметров. Вот офицеры сегодняшней Российской армии носят фуражку с очень высокой передней частью — тульей. А ведь эта мода зарождалась еще в стенах спецшкол, когда из обычной артиллерийской фуражки с помощью ножниц убирались ее

внутренности, оставшийся верх фуражки мощным стальным обручем растягивался до невероятных размеров, а с помощью армейской ложки конструировалась высоченная тулья. Это произведение доморощенного искусства имело скромное, но романтическое название — «блин». Лично мне нравились только погоны из фольги. Нам положены были погоны курсантов артиллерийских училищ, но только чуть поуже. За основу погон нашей конструкции брался кусок железа, на который наклеивался черный бархат, а по краям вместо обычной скромной желтой тесемки клеилась широкая лента из блестящей, как золото, фольги с красивой, художественно выполненной инкрустацией. У меня, как у вице-старшины, посередине погона проходила еще одна лента из той же фольги. В общем, с таким блеском на плечах я имел явное преимущество перед однокашниками из авиационной спецшколы в завоевании симпатий девчонок с нашей Песчаной улицы. А настоящий «спец» обязан был уйти в увольнение при полном параде — в «клевашах», в «блине» и при фольговых погонах! Странно, но почему-то противились этому и Миша Боков, и командир батареи, и офицеры-воспитатели, и военные патрули на московских улицах. Причем офицер — начальник патруля — вначале, как правило, замирал в недоумении, ибо не мог сразу сообразить, кто же идет ему навстречу — генерал или курсант, но все же, придя в себя, грозно командовал: «Товарищ военный! Вашу увольнительную записку!» И, как правило, такая встреча заканчивалась лишением увольнения в очередную субботу. Ну что ж, искусство требует жертв!

Не могу не вспомнить и еще об одной традиции, которая для нас, особенно первогодков — воспитанников 8-го класса (нас называли почему-то «хазарам»), была ярким событием в нашей, в общем-то, однообразной казарменной жизни. Речь пойдет об обычном житейском деле — посещении городской бани. О! Для нас это — священнодействие, ритуал, который мы ждем неделю. Каждый четверг — банный день. День, основной фигурой которого выступает

наш старшина Боков. В этот день сразу же после занятия батарея выстраивается не повзводно, а по ранжиру — в голове колонны самые высокие, в конце — все те, кто не вышел ростом. Наш строй возглавляют три-четыре барабанщика из числа воспитанников. И вот эта колонна под громкий барабанный бой торжественным маршем начинает движение вначале по дворам, примыкающим к зданию нашего училища, а затем выходит на широкую Велозаводскую улицу. Это событие для местных старожилов не в новинку. И тем не менее каждый раз наше движение сопровождается небольшой толпой зевак: старушки, дети, случайные прохожие и конечно же девушки. Зрелище, скажу я вам, впечатляющее! Девушек особо интересует голова нашей колонны, где вышагивают наши красавцы гренадеры (помните у поэта: «И в воздух чепчики бросали...»). Ведь не надо забывать, что в те времена обучение в школе было раздельное (какая несправедливость!) и поэтому вне школьных стен школьник и школьница проявляли друг к другу повышенный интерес. Старушки же комментировали, а точнее, причитали и жалели наши последние ряды, где в длинной, не по росту шинели и шапке-ушанке вышагивали не менее brave, но чуток меньше ростом солдатики (так нас называли эти милые старушки). И вот, четко печатая шаг, в едином монолитном строю (вот оно, чувство локтя и воинское товарищество!), под гром барабанов наш строй двинулся к конечной, можно сказать, боевой цели — бане завода имени Сталина, теперь — имени Лихачева. Сам процесс помывки стандартен, знаком многим и не требует литературного описания. Как правило, в конце этого действия к Мише Бокову выстраивалась небольшая очередь — кому кальсоны поменять, у кого рубашка оказалась рваной, кому пуговицу надо пришить. И наша «мама» терпеливо и заботливо помогала нам решать эти житейские проблемы. Обратное движение домой, в училище, было не таким триумфальным, шли также строем, но как-то расслабленно, как солдаты после победоносного боя. Видно, энтузиазм остался по дороге в баню и в самой бане. Мы думали

уже о следующем четверге. Вот ведь как иногда претворяется в жизнь сухая уставная фраза: «Помывка личного состава в бане!» Я подсчитал, что за три года учебы в училище такие волнующие, торжественные минуты, связанные с триумфальным шествием в баню, мы переживали около 120 раз! Долгие годы отделяют меня от событий тех лет. Но когда мне приходилось быть рядом с мрачноватым зданием этих заводских бань, то — честное слово! — я как-то внутренне подтягивался, подбирал живот и проходил мимо чуть ли не строевым шагом, почти физически осязая локоть своего однокашника и слыша дробь барабана! В последние годы бывшие воспитанники подготовительных училищ вдруг «вдарились» в написание воспоминаний. Выпустили такие книжки, например, ветераны Ленинградского и 1-го Московского подготовительных училищ. И что самое примечательное, практически каждый из авторов обязательно скажет несколько добрых, хороших слов в адрес старшины своей батареи.

Кстати, в своих философских рассуждениях о несправедливости раздельного обучения в советских школах того периода я был не одинок. Вот как об этом пишет мой сверстник, бывший воспитанник 1-го МАПУ Василий Николаевич Глаголев: «...В то время и в гражданских школах мальчики и девочки учились раздельно. И вот мы приглашаем женскую школу к себе на бал. С замирием сердца ждем этого праздника. И вот ОНИ входят в зал. Бальные платья. У нас так надраены погоны, пуговицы и бляхи, что могут прожечь наши животы и плечи. Мы знаем — они прожигают и бьющиеся сердечки этих девочек... Наши невероятные клеши ласкают пол, наши ботинки, в танце ометают изящные туфельки дам. Начинается вальс. Рука шестнадцатилетней девочки ложится на фольговый погон, словно послание из будущего, волнительного и прекрасного. Две половинки человеческого рода впервые касаются друг друга... Под рукой юноши — трепещущий изгиб девичьей фигурки. Он манит и обжигает каким-то неведомым чувством — прекрасным и светлым...»

Здесь, как говорится, без комментариев! Моему внуку сейчас 14 лет, как и нам когда-то. Вот интересно, испытывает ли он такое же волнительное, трепетное чувство, когда идет на дискотеку и собирается пригласить на танец свою сверстницу? Хотя в сегодняшних танцах под девизом «Танцуют все!» и не поймешь, кто с кем танцует. А жаль! Лишают себя сегодняшние юноши чего-то таинственно-прекрасного, нежного и благородного.

А в остальном эти три школьных года мало чем отличались от учебы в обычной московской школе. Те же предметы, те же преподаватели, закомплексованные бесчисленными циркулярами гороно и районо, те же четвертные и годовые оценки, борьба за медали, как за пропуск в высшее учебное заведение. И еще одно явление, как типичный образец советского образа жизни. Это борьба за победу в соревновании, а точнее — в социалистическом соревновании за звание... (любое!) В школе с военным уклоном этот принцип социалистической действительности был поднят на небывалую высоту. В чем и с кем мы только не соревновались! За высокий средний балл по учебе между батареями одного учебного потока, у кого больше отличников, в каком взводе меньше взысканий и больше поощрений, у кого лучше самостоятельность и больше спортсменов, кто лучше оформил свою палатку в летнем лагере и даже в какой батарее лучшие барабанщики. Вот, например, о лучшей палатке в лагере. Здесь хитрили даже наши офицеры. Летом мы жили в лагерях под Москвой, и, как это и положено в армейской среде, каждый взвод свои палатки украшал хвойными ветками, обкладывал зеленым дерном, из камушков выкладывал лозунги типа «Артиллерия — бог войны». А Михаил Платонович Сулимин — офицер-воспитатель 2-го взвода как-то привез из Москвы гору цветных стекляшек, из которых его взвод выложил у входа в свою палатку красивейший орден Победы. Конечно же лавры первенства в соревновании за лучшую палатку достались именно этому взводу. Мы долго переживали и возмущались таким несправедливым решением.

А вообще-то о нашей лагерной жизни можно было бы написать целую книгу! Вот как вспоминает о ней выпускник МАПУ Александр Семенович Морозов: «Наш лагерь располагался на берегу Москвы-реки, недалеко от Можайска. Здесь мы, еще неоперившиеся юнцы, несли настоящую караульную службу. Жалостливая картинка: стоит парнишечка на посту у продовольственного склада в лесу с винтовкой без патронов, которая выше в два раза самого караульного, дождь, темно, вокруг какие-то шорохи, и разводящий что-то не идет со сменой. Конечно, страшновато. А знаменитый «игрушечный» артиллерийский полигон на другом берегу реки с макетами танков! Мы, как заправские командоры, разворачивали настоящую 76-миллиметровую пушку и учились вести прицельный огонь. Правда, стреляли мы берданочными патронами — в ствол пушки был вмонтирован ружейный ствол. Но чуток фантазии — и мы чуть ли не участники знаменитой Курской битвы времен Второй мировой войны. Зато в дни открытия и закрытия лагерей мы «салютовали» настоящими орудийными залпами. А знаменитый 50-километровый переход к Бородинскому полю! Каждый из нас натирал все, что можно было натереть, до кровавых мозолей. Нас традиционно встречали с цветами все жители нашего лагеря, а я шел, как неопытный кавалерист, сошедший с лошади после многочасовой гонки. А военные игры по ориентированию, преодолению многокилометровых переходов и водных рубежей, с доставкой пакетов в пункт назначения — деревню, которая по картам 1917 года есть, а на самом деле полностью сожжена немцами. Лагерная жизнь нас закаляла, превращала из маменькиных сынков в крепких, самостоятельных маленьких еще, но уже мужичков».

Годы нашей учебы в подготовительном училище совпали с последним периодом жизни и смертью Сталина. Наверное, у меня, как и моего поколения, к этой личности даже и теперь не однозначное отношение. Каждый год в день наших советских праздников выстраивалось парадным строем все наше училище с нашими офицерами-орденоносцами во главе и под

духовой оркестр мы двигались в сторону Красной площади для того, чтобы принять участие не в параде, а всего лишь в демонстрации трудящихся. Правда, мимо трибуны с нашим районным руководством наша колонна проходила, как войска на Красной площади, — торжественным маршем по команде «Смирно! Равнение направо!». И вот за все эти годы мне всего лишь один раз удалось увидеть на трибуне мавзолея живого Сталина! В этот раз наше училище проходило по Красной площади в колонне почти у самого ГУМа, нас все время торопили, не разрешали задерживаться, строй наш уже распался. Но какое это имело значение, если на одной с тобой площади, почти рядом, и дышит одним с тобой воздухом ОН — кормчий, великий учитель, друг молодежи и т. д. и т. п. Хорошо помню, с каким обожанием я смотрел на маленькую фигурку на мавзолее! Для всех нас, включая, наверное, и офицеров, это был двойной праздник! А в день, когда объявили о смерти Сталина, вся наша батарея стояла по команде «Смирно» и слушала траурное сообщение. Я стоял перед строем, по моим щекам опять текли обильные слезы, но это уже были слезы великой скорби. И я не стыдился этих слез, как не стыжусь их и сейчас.

Не менее трагичны воспоминания выпускника 1-го МАПУ 1953 года Евгения Владимировича Арапова: «Стою дневальным на посту нашей батареи... На стене — репродуктор. И вдруг по радио объявляют: скончался Иосиф Виссарионович Сталин. Горе! Великое горе! Как во сне шагнул к двери ближайшего класса, открыл ее: «Сталин умер!» Ужас, что началось! Преподаватель и все бывшие в классе кинулись ко мне кто с криками «Нет, нет!», а кто и с кулаками. Все смешалось — жесты, стоны, слезы... Занятия сразу же отменили. И это лучше всего говорило о том, что ни страна, ни Москва, ни наше училище просто не представляли себе, как дальше жить без Сталина».

Помнится, когда отец работал уже в Генштабе, пришел он как-то с работы и полушепотом, с какой-то торжественностью и благоговением объявил нам с мамой: «Я сегодня держал в руках документ, подпи-

санный самим Сталиным!» Честное слово, мы ему завидовали! Вот мое субъективное понимание этой сложной исторической личности. Правда, в моей семье не было репрессированных. Наверное, мое детское и юношеское восприятие вождя всех народов во многом сохранилось и сегодня, но с существенной поправкой на те многочисленные реальные, во многом грустные и трагические факты и события, о которых мы в те годы и не знали. Точнее, знали, и даже во многом были их свидетелями и участниками, но считали, что так и должно быть, а если что и не так, то об этом товарищ Сталин просто не знает, а ему об этом никто не докладывал. Вот ведь как нас воспитали. А у кого в те времена были другие мысли на этот счет, того уж давно нет среди нас.

И вот наступил июнь 1954 года — экзамены на аттестат зрелости и прощание с нашим училищем, с нашими учителями, с нашими офицерами-воспитателями, с Мишей Боковым, с нашими «спецовскими» традициями, привычками и атрибутами. Нас разбросали по различным артиллерийским училищам, куда, кстати, нас принимали уже без экзаменов. Достаточно большая группа выпускников нашего МАПУ была направлена в Ростовское высшее артиллерийское инженерное училище. В эту группу попал и я. Но что это за училище, кого оно готовит, что мы там будем изучать — этого никто из нас не знал. Все было покрыто завесой неизвестности и таинственности. Единственно, что успокаивало, так это тот факт, что я еду учиться в места, где родился.

ИСТОКИ

Когда-то давным-давно у себя на даче мы посадили несколько отростков дикого винограда. Шли годы. И вот уже его густые ветви с сочными зелеными листьями полностью затянули две стены дома, причем молодые побеги проникают во все щели, ветвятся где-то уже на крыше и начинают завоевывать чердак. Если в тихий летний день стать рядом с этой зеленой массой, то можно услышать и почувствовать, как в ее листве постоянно бурлит активная жизнь: ползают какие-то букашки, жужжат мухи, присела отдохнуть бабочка, запутался и пытается выбраться шмель, гусеница добросовестно пожирает сочные листья. Я как-то попытался найти и понять, откуда же произрастает эта зеленая жизненнесущая масса, где же ее истоки? Долго ползал по земле, искал и все же нашел мощный толстый корень, через который вся эта колония из зелени и живых существ получает от земли силу и пищу для своего существования. Ведь одним только движением человеческой руки с пилкой или ножом можно перерезать этот корень, и весь этот зеленый мир рухнет и прекратит свое существование. Я сделал наоборот — взрыхлил землю, подсыпал торфу, полил водичкой. Пусть красота растет и дальше, радуется сегодня меня, моих детей, а завтра — моих внуков и правнуков.

Только чтобы не забывали периодически находить корни виноградника и ухаживать за ним!

Мне думается, что так и у нас, у людей, жизнь начинается и продолжается там, где они берегут свои корни, где они не отказываются от своего прошлого и не забывают свои истоки.

Посередине бескрайних донских степей, как огромный лайнер в океане, на высоком холме раскинулся исключительно симпатичный, милейший и патриархальнейший город Новочеркасск, который при всем этом сегодня гордо считает себя мировой столицей казачества. В 2005 году город будет отмечать свое 200-летие. В 1805 году казачий атаман Платов решил-таки на перенос столицы Войска Донского из ежегодно затопляемой вешними водами станицы Черкасской в новый город, который планировалось расположить на высоком холме при слиянии двух рек — Аксай и Тузлов. Удивительно, но Новочеркасск сегодня такой же, каким он был и десять, и пятьдесят, и, наверное, сто лет назад. Все те же утопающие в зелени (помните «Белой акации гроздь душистые...» — это про мой городок!) широкие проспекты с бульварами посередине, тихие, уютные улочки, спускающиеся к подножию холма, уютные, архитектурно красиво выполненные одноэтажные особнячки, где когда-то обитала казачья аристократия, прекрасный, со вкусом подобранный музей донского казачества. Уже много лет город имеет свой драматический театр, где когда-то блистала великая Комиссаржевская. А крупнейший Вознесенский кафедральный войсковой собор Святого Александра Невского! Это сейчас у него синие купола. А были времена, когда блеск его позолоченных куполов можно было видеть чуть ли не из Ростова. На широкой соборной площади стоит уже лет сто, наверное, красивый монументальный памятник казачьему атаману Ермаку — покорителю Сибири. Здесь же на площади долгое время пустовал пьедестал памятника еще одному знаменитому казаку — герою войны с французами атаману Платову. В годы советской власти казаки упорно сопротивлялись и не давали сно-

сильное основание памятника. Сейчас справедливость восторжествовала: Платов стоит на своем законном месте, а точнее, на том месте, где когда-то стоял памятник Ленину. В центре города уютный двухэтажный особняк — бывшая резиденция атамана Войска Донского. Это здание прославилось в 1963 году, когда его штурмовали голодные рабочие электровозостроительного завода. Трудно сейчас сказать, стихийно ли выступили вконец отчаявшиеся рабочие или их вела рука предводителя, но уроки истории забыты не были — масса народа пошла на штурм райкома, вокзала, почты, банка и тюрьмы. Естественно, что советский народ, идущий ускоренными темпами к коммунизму, об этом оповещен не был, но крови было достаточно, и многие жители перебрались из своих домов в мрачное соседнее здание — тюрьму. Из исторических достопримечательностей Новочеркасск может похвастаться двумя массивными, выполненными в классическом стиле Триумфальными арками, установленными в 1814—1817 годах на въезде в город с запада и северо-востока. Город помнит о том, что в свое время его посещали Пушкин, Лермонтов, Грибоедов. Несмотря на патриархальность, Новочеркасск — крупный промышленный и образовательный центр юга России. Основатели города в свое время мудро поступили, спланировав его строения на высоком холме, а у подножия, в привольных степях за речками Аксай и Тузловка уже в советские времена расположились огромные массивы заводских корпусов, со временем — и жилые городки для рабочих этих заводов. Но все это было и остается частью города. Были времена, когда по нашим дорогам тягали огромные составы мощные локомотивы с табличкой изготовителя — Новочеркасского электровозостроительного завода. А студентами знаменитого политехнического института был чуть ли ни каждый второй житель города. Также достопримечательность города, хорошо известная специфическому кругу нашего общества, — мрачные корпуса знаменитой Новочеркасской пересыльной тюрьмы, легенды о которой ходили еще задолго до

революции. Среди тех, кому приходилось волей или неволей сидеть в камерах этого заведения, был и легендарный Главный конструктор ракет и космических аппаратов Сергей Павлович Королев. И все же время пощадило Новочеркасск. Город сохранил свою первозданную красоту. Революции и войны как-то обошли его стороной, хотя в Гражданскую войну город бурлил и был в центре боев, а в Отечественную там похозяйничали немцы, оставив все же после себя несколько разрушенных зданий. Вот такой славный город Новочеркасск — столица донского казачества!

В одном из залов городского музея демонстрируется старая фотография: в одну цепочку, положив руку на плечо друг друга, стоит дородный казак и его 16 детей — все молодцы, кровь с молоком! А внизу надпись гласит о том, что отец этого семейства отправил это фото Николаю Второму со словами: смотри, мол, царь-батюшка, какие у тебя защитники на Дону растут.

А ведь у казачества глубокие исторические корни! Практически с самого момента образования казачество, и в первую очередь донское, было надежным оплотом царской власти, верой и правдой служило царю и Отечеству, не раз прославляло Россию на полях сражений. Еще в 1570 году Иван Грозный послал казачьему атаману Михаилу Черкашенину указ — слушаться царского посла «и тем бы вы нам послужили... а мы вас за вашу службу жаловать хотим». До начала XVIII века казаки пользовались широкой автономией с самоуправлением. Высший орган управления и суда — Войсковой круг, исполнительные органы — выборные (атаман, есаул, дьяк), на время похода выбирался походный атаман с неограниченной властью. Основное занятие — земледелие и коневодство. С 1763 года вводится обязательная пожизненная военная служба казаков. Царская власть не скупилась на льготы казакам. За верную службу казаку выделялись в постоянное пользование земельные участки, офицеры получали потомственное дворянство, земли и крепостных. Селиться ино-

городним на землях казачества запрещалось. Казачество со временем превратилось в замкнутое военное сословие, пожизненная принадлежность к которому распространялась на все потомство. Гражданская война разбила казачество на два непримиримых лагеря: часть из них составляла ударную силу белой армии Деникина, а другая часть вошла в знаменитую 1-ю Конную армию Буденного. Вот такие горячие донские казаки! В 1920 году казачество как военное сословие было ликвидировано. С 90-х годов прошлого столетия ведется активная работа на Дону, на Кубани, в Забайкалье по восстановлению казачества, их прав на самостоятельные воинские подразделения, традиционную охрану южных границ России, ношение формы и казачьих званий. О привилегиях и льготах речи пока нет. Их надо заслужить, как делали это далекие предки.

У подножия холма, на котором стоит Новочеркасск, за речкой Тузлов раскинулись зажиточные усадьбы казаков хутора Хотунок. Один из добротных кирпичных домов (до недавнего времени на его фронте еще была табличка с датой постройки — 1878 год), с многочисленными дворовыми постройками, лошадьми, верблюдами и другой живностью, принадлежал бездетной семье казака Буйновского. Помнится, еще в детстве меня волновал вопрос: почему верблюды, ведь донской казак должен гарцевать на горячем скакуне с острой шашкой на боку. Мне разъяснили просто и доходчиво — это трактора по тем временам. А для продолжения казачьего рода сердобольное семейство взяло из приюта мальчонку, и нарекли его Леонтием. Это мой дед. Сохранилось предание, что как-то «большой казачий чин» приехал навестить сиротку. Наверное, это был непутевый отец в должности не меньше атамана Войска Донского! На этом моя связь с прадедом и заканчивается. Так что на вопрос, а кто твой прадед? — у меня ответ короткий, но многозначительный: большой казачий чин. Когда подошло время, старики Буйновские сосватали для своего приемного сына соседскую девушку Марию. Думаю, что дед Леонтий был

горячим казачком, да и материальное положение, наверное, позволяло: за весьма короткий срок они с бабой Маней произвели на свет четверых наследников — двух казачек и двух казачат. До сих пор хранится старинная фотография статного казака с вроде бы погонами урядника, в блестящих сапогах, в фуражке набекрень, с кучерявым чубом и залихватскими усами. Это мой дед Леонтий. Лышу себя надеждой, что многое от него перешло ко мне, за исключением чуба, к сожалению. После войны 1914 года дед, весь израненный, вернулся домой, долго болел и вскоре умер, оставив молодую вдову с четырьмя малюльками меньше детьми. Здесь вовремя подсутился их работник — иногородний (не казак) Чернецов Константин Павлович, который взял в свои крепкие руки дом, хозяйство с верблюдами, вдову с детьми и для укрепления вновь созданного союза помог бабе Мане родить еще одну казачку, в семье уже пятую. Говорят, что в 30-е годы деда таскали по инстанциям: не являлся ли он родственником белого атамана Чернецова — врага революции. Слава богу, все обошлось. Говорят, крутым мужиком был дед! Частенько прохаживался вожжами по спинам и попкам своих наследников, при этом особо не разбираясь, кто же конкретно виноват, на всякий случай для профилактики порол всех подряд. Основная специальность деда — сапожник. Весь Хотунок ходил к нему «тачать сапоги», подбивать набойки, зашивать рваные тапочки. После окончания войны, в июле 1945 года, мы все с нетерпением ждали возвращения деда-победителя с большими, как это и положено, трофеями. Встреча была бурной, радостной, со слезами и застольем. Пришло время раздавать привезенные подарки (дед был на войне от первого до последнего дня). Особо волновалась моя тетка — девица на выданье, ждавшая от отца комплекта хорошего немецкого приданного. Дед выложил все, что завоевал в смертельной схватке с врагом: новенький набор сапожного инструмента (это с гордостью) и небрежно — одну новую простыню и пару чулок. Немая сцена, как у Гоголя в «Ревизоре». Тетка — в шоке, ушла рыдать в свою све-

телку, остальные философски решили: дед вернулся живой, руки-ноги целы, чего еще надо? И с этой здоровой, радостной мыслью вернулись к праздничному столу. Вот такой был наш дед Костя!

В июне 1941 года для защиты Родины наше семейство сформировало и направило на фронт небольшое воинское подразделение из пяти человек: дед, сыновья, зятя. Редкий случай для четырех военных лет — все пятеро вернулись домой ранеными-переранеными, но живыми. По-разному сложилась послевоенная судьба моих многочисленных теток, дядек, их мужей, жен, детей. Жизнь разбросала их по разным концам нашей страны, на разных попрощах они трудились, но все они были и есть честные труженики и простые, добрые, хорошие люди

Когда меня спрашивают, откуда я родом, я с гордостью отвечаю, что я казак с Дона. На что мне резонно и с сомнением оппонируют, что на Дону вроде бы Эдуардов сроду и не бывало. По известным причинам я не смог принять активное участие в выборе мне имени, но в свое время (молодые годы, когда мое имя в совокупности с фамилией ассоциировали с другими местами рождения) я провел частное расследование с целью выяснить причину появления на Дону казака Эдуарда. В ходе следствия мои родители, бабушка в один голос отвечали так: тянули бумажку, и почти каждый раз выпадало это неказачье имя, и в свою защиту еще с ехидцей добавляли: скажи спасибо, что назвали тебя именем английских королей. А ведь в те далекие довоенные времена в моде были и Адольф (было время, когда Адольф был лучшим другом нашего вождя), и Рем (революционная молодежь), и Владилен (В. И. Ленин), и Вилиор (В. И. Ленин — инициатор Октябрьской революции), и Луиджи (Ленин умер, идеи живы), и Октябрь (понятно, в чью честь), и даже такие, как Даздраперма (Да здравствует Первое Мая!) и Пистолет (а это-то в честь кого?!). Доводы оказались убедительными, обвинение частично было снято. Но я сделал еще одну попытку. Тогда давайте изменим имя на более благозвучное, казачье. Мой довод: почему муж моей тетки

изменил свою фамилию Кукарека на более звучную — Невский, а я не могу стать вместо Эдуарда Степаном? На что был еще более убедительный ответ: Степанов на Дону много, хоть пруд пруди, а ты — один, единственный и неповторимый. Да! Здесь крыть нечем. И я понял, что казак Эдуард — действительно единственный и действительно неповторимый. Для моих родителей. На этом я и успокоился. Эдуард так Эдуард!

Много лет назад я увеличил две фотографии моих родителей тех времен, когда им только-только исполнилось по 20 лет. То, что на фотографии два юных создания, говорит уже само за себя и в комментариях не нуждается. Они молоды, красивы, смотрят на мир широко раскрытыми, немножко наивными глазами. Прекрасная пара! Но даже и на таком фоне мама, кубанская казачка из Кропоткина, выделялась правильными, утонченными чертами лица, огромными, безумно красивыми глазами, горделивой осанкой и чуть-чуть строгим выражением лица. Она действительно была красавицей! Я все удивлялся и спрашивал отца (в порядке обмена опытом), как ему удалось очаровать такую красавицу и уговорить ее стать верной ему женой. На что мой отец или говорил о том, что, мол, мы, донские казаки... или многозначительно, загадочно улыбался. Четкое соотношение сил на тот период излагала мама: это не он на мне, а я на нем женилась. Зная свою маму, я склонен этому верить. Они прожили вместе более шестидесяти лет. Хотелось бы верить, что эти годы для них были хоть и трудными (папа — участник двух войн: с финнами и немцами), но и счастливыми.

Увы, время берет свое. Из старшего поколения нашей казачьей семьи сегодня в живых остался один дядя Даня, который охраняет на Хотунке наш уже полуразвалившийся родовой очаг и даже является председателем Совета старейшин при станичном атамане. Для выполнения этой почетной миссии он достал где-то папаху, отобрал у нас с папой оставшиеся от нашей службы аксессуары (погоны, портупей, значки и медали). В общем, на фотографии получился справный, бравый казак! А ведь ему уже далеко за 80!

За год до смерти отца мы решили навестить наши родные пенаты. Видно, какое-то предчувствие позвало отца в дорогу. Поездка была прекрасной! Мы наблюдали из окна вагона, как меняется картинка от лесного, густо заселенного ближнего и дальнего Подмосковья до широких донских степей (несмотря ни на что, они так и остались привольными и широкими!), отец увлеченно рассказывал нашим попутчикам про свои казачьи корни, чувствовалось, что он волновался, готовясь к встрече со своей родиной. Неделя пребывания в Новочеркасске — это сплошные разговоры и воспоминания, встречи с оставшимися в живых родственниками. Конечно, все началось с посещения старинного, заросшего высоченной травой городского кладбища, где компактно похоронено практически все старшее поколение нашего некогда большого семейства. Грустная это, конечно, миссия. Перед отъездом сфотографировались во дворе нашего дома на фоне сарая, которому минимум лет сто, по композиции так, как на фото в музее: шесть человек, положив руку на плечи друг другу: я, мой отец, его брат, его сын и два его внука — все, кто сегодня носит фамилию Буйновский. К сожалению, сегодня нас уже только пятеро.

Я горжусь моими родными и ближайшими родственниками. От каждого из них я взял что-то хорошее, нужное мне по жизни, каждый из них вложил какую-то лепту в мое воспитание, в становление меня как человека, в формирование меня как личности. Я верен традициям нашей семьи, верен памяти моих родных и близких, старался и стараюсь до сих пор не отступать от принципов и жизненных правил, которые они во мне заложили. Это — мои истоки. Это — тот жизненный корень, откуда я сегодня черпаю физические, моральные и духовные силы.

Тяжелые послевоенные годы. Наши недавние союзники по антигитлеровской коалиции не дают нам прийти в себя и оправиться после войны. По инициативе У. Черчилля создается «железный занавес» — широким фронтом ведется экономическая блокада нашей страны. Создаются военные блоки НАТО, СЕАТО, СЕНТО. В ответ страны Восточной Европы объединяются в Совет Экономической Взаимопомощи и заключают Варшавский Договор. Наступил длительный период военного противостояния, период «холодной войны».

Американцы испытали в конце войны свою атомную бомбу. Встал вопрос о создании носителя, который доставит это смертоносное оружие в любую точку планеты. В этом им помог немецкий конструктор — один из создателей ракеты Фау-2 Вернер фон Браун, которого американцы вывезли из Германии. Уже в 1945 году США имеет ракеты «Редстоун», «Юпитер», ракету-носитель «Сатурн».

В советской зоне оккупации Германии оказались заводы по производству Фау-2, жидкого кислорода, а также исследовательский центр в Пенемюнде. В Германию срочно командировается группа конструкторов под руководством С. П. Королева. Принимаются меры по отправке заводского оборудования на наши

заводы. И уже в октябре 1947 года на государственном полигоне Капустин Яр осуществлен первый запуск ракеты Фау-2. Далее пошли модификации этой ракеты, разработанные Королевым. А в августе 1957 года Советский Союз объявил о создании сверхдальней межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты, которая может доставить ядерную и термоядерную боеголовку в любую точку земного шара. Таковы темпы «холодной войны», навязанные нашими оппонентами.

Стране нужны военные кадры, высококлассные специалисты, знающие и умеющие обращаться с новым грозным оружием — ракетами, оснащенными ядерными боеголовками. И первым таким высшим военным учебным заведением, где начали готовить будущих ракетчиков, стало Ростовское высшее артиллерийское инженерное училище, образованное в 1951 году. И что примечательно, первыми слушателями этого сверхсекретного, покрытого завесой таинственности и неизвестности учебного заведения были в основном выпускники артиллерийских подготовительных училищ. Преемственность поколений! Вот что вспоминает про первые годы учебы в Ростове выпускник Харьковского подготовительного училища А. С. Кучеров: «...Мы жили по установленной свыше легенде: якобы учились в обычном артиллерийском училище. А сами не знали, где учимся и на кого учимся. Нам даже никто не говорил о сроках обучения. С каждого слушателя взяли подписку о неразглашении деятельности войсковой части 86608 и запрещении каких-либо контактов с иностранцами. Все наши письма проверялись представителями КГБ, о чем нас официально предупредили...» К 1954 году, к моменту нашего прибытия в Ростов, завеса таинственности чуть спала, но порядки оставались суровыми. Помнится, одному слушателю из нашего уже потока пришло письмо с адресом «Ростов-на-Дону, Филиал Академии имени Дзержинского...». Пришлось здорово потрудиться представителям органов, пока разобрались, кто кому посылал письма с таким «откровенным» адресом.

Воодушевленный тем, что на Дону я все же не новичок и что в случае чего меня здесь есть кому защитить (станичники выручат!), я почти уверенно ступил на ростовскую землю летом 1954 года. Вступительные экзамены мы, выпускники подготовительных училищ, не сдавали, этому испытанию подвергались только немногочисленные гражданские абитуриенты, непонятно какими путями проникшие в наши ряды. Короткие учебные сборы, в ходе которых нас распределили по факультетам, определили учебные группы, представили нашим начальникам курсов и курсовым офицерам. После успешного прохождения «Курса молодого бойца» в октябре 1954 года мы торжественно приняли присягу. С этого момента и в течение ближайших 35 лет я — кадровый военный!

С сентября — мы слушатели факультета, который должен готовить специалистов по системам управления ракет. А что такое слушатель, мы и понятия не имели. Нам никто толком не объяснил, чем мы отличаемся от обычных курсантов и какие у нас есть права и привилегии. Мы это сами реально почувствовали, когда в конце сентября каждый получил свое первое денежное содержание — 750 рублей. По тем временам это была приличная сумма, а для большинства из нас это было целое состояние! Но недолго мы блаженствовали в роли Рокфеллеров. На эти деньги мы должны были самостоятельно прожить и, что самое главное, питаться в течение месяца. Естественно, что никто и не знал, как это делать, в первые две недели мы объедались в нашем буфете коржиками (ох уж эти коржики! До сих пор чувствую каменную твердость и упорную их сопротивляемость к уничтожению!), стаканами съедали сметану, запивая ее кефиром и ситро. Ассортимент по тем временам был не богатый, но сытный. Короче, вторую половину месяца мы дружно голодали, занимая в долг у наших коллег-офицеров или записываясь в долговую книгу у буфетчицы. Видя такое дело, начальство приняло мудрое решение — деньги на руки выдавать нам частично, основную часть нашей кровной получки пустить на обязательное трехразовое питание. Наше за-

конное возмущение в учет принято не было и вплоть до окончания учебы нас кормили принудительно.

Училище как высшее инженерное образовалось недавно, во многом копировалась метода обучения «старшего брата» — Академии имени Дзержинского, но были и свои эксперименты. Так, сразу после окончания первого курса восемнадцатилетнему парнишке присваивалось первое офицерское звание — «младший лейтенант» и его отпускали на вольные хлеба: мог жить на частной квартире в городе, «обязаловку» с питанием ему никто не устраивал, принудительной самоподготовки (это коллективное выполнение домашнего задания) для него уже не было, то есть все время, свободное от занятий и нарядов, этот молодой представитель славного офицерского корпуса был сам себе хозяин. Вместе с обязательным комплектом офицерской формы (чего только туда не входило, вплоть до матраца и байкового одеяла!) этот счастливчик получал еще и холодное оружие в виде шашки и шпоры в придачу. Сколько же к моменту нашего появления в Ростове по городу ходило анекдотов, баек, слухов и сплетен про этого молоденького офицера с шашкой на боку! Обычно количество баек возрастало после очередного праздника, который начинался, как правило, парадом войск гарнизона, элитой которого были «коробки» нашего училища. После парада — праздничное застолье в какой-нибудь крепкой ростовской семье, где обязательно было милое создание на выданье — претендентка на роль офицерской жены. Очень по-разному заканчивались такие застолья! Частенько бывало, что молодой лейтенант (по-моему, именно в Ростове родилась крылатая фраза «Курица — не птица, младший лейтенант — не офицер») засыпал, как и положено, при полной парадной форме с шашкой на боку и, естественно, в шпорах, а просыпался — под боком это самое создание, а в дверях — ее папенька с маменькой с иконой, готовые благословить молодую пару. Чего только не случалось с нашими молодыми ребятами в славном, веселом городе Ростове! Был даже один трагикомичный случай, который произо-

шел с одним нашим выпускником. Молодой лейтенант перед выпуском женится на прекрасной ростовчанке и, получив распределение, отправляется с любимой женой в отдаленный гарнизон где-то под Новгородом. Как-то так получилось, что молодая жена повела себя, мягко говоря, не очень адекватно местным моральным принципам и устоям, и в результате собрание гарнизонных жен принимает решение — выселить возмутительницу их спокойствия из гарнизона. Не без помощи парторганизации был оформлен развод, и бывший морально убитый муж остается дальше нести службу, а бывшая, но гордая и оскорбленная жена возвращается в Ростов. Успокоившись и придя в себя, она вновь выходит замуж за очередного выпускника, которого (превратности судьбы!) направляют служить в тот же злосчастный гарнизон под Новгород. Что делать? Новый молодой муж принимает мудрое решение: обратиться к командованию. Суть его пламенной речи сводилась к следующему: «Товарищи генералы! Я — солдат. Готов защищать рубежи моей горячо любимой Родины там, куда поплет меня партия и правительство. Но давайте посмотрим на эту проблему в другом, морально-этическом аспекте. Может ли моя жена, нежное, легкоранимое создание, утонченная, но красивая женщина быть брошена в чуждую, враждебную для нее среду, может ли она вернуться в коллектив, так незаслуженно ее обидевший. А если она вспомнит про своего бывшего мужа и, не дай бог, встретится с ним в тот момент, когда я буду нести боевое дежурство. Пожалейте бедную, несчастную женщину! Отправьте меня служить в любую другую точку нашей необъятной Родины, вплоть до Москвы». «Товарищи генералы» пожалели бедную, несчастную женщину и направили служить рьяного защитника рубежей нашей Родины в Перхушково, что в нескольких километрах от Москвы. Ну вот, а еще говорят, что женщины только мешают делать карьеру. Не знаю, о каких женщинах идет речь, но к ростовским это не относится.

Задолго до приезда в Ростов мы уже настраивались на такую вольготную, полную романтических

приключений жизнь. Кто же не хочет покрасоваться перед ростовской красавицей, поигрывая саблей и позванивая шпорой. Я даже привез с собой подарок отца — шпоры, изготовленные по индивидуальному заказу, которые он хранил как память о своей артиллерийской молодости. Особенность их в том, что по ходу движения они издавали мелодичный, «малиновый» перезвон и были просто элегантны и красивы. Но, увы! Нас всех и меня с моими серебряными шпорами ждало большое разочарование. К моменту нашего появления в училище вышел приказ министра, по которому слушатели высших военных учебных заведений получают первичное лейтенантское звание только после окончания этого учебного заведения. Вот мы и «трубили» все четыре года простыми слушателями, из которых год — в общей казарме на двухъярусных койках и только со второго курса нас разместили в офицерском общежитии по четыре человека в комнате. Ну и естественно, увольнение только по субботам и воскресеньям, да и то если за неделю у тебя не было проступков. Если учесть и МАПУ, то в общей сложности долгих четыре года я спал в колллективе, в одной огромной общей спальне с койками в два этажа, а выходил на свободу только по увольнительной.

И еще одна особенность нашей новой жизни немало смущала. Опять-таки именно с нашего набора на каждом факультете училища было по два учебных отделения — слушателей-рядовых и слушателей-офицеров. Нам, привыкшим по МАПУ относиться к офицерам как к воспитателям и учителям, было на первых порах как-то не по себе, когда рядом с тобой за учебной партой сидит капитан или даже подполковник, и мало того, что он добросовестно вместе с тобой конспектирует лекцию, но еще и умудряется списывать у тебя контрольные и домашние задания. Чудеса, да и только! Потом, конечно, привыкли друг к другу, подружились и активно обменивались шпаргалками на экзаменах. Многие из наших офицеров были женатыми, ютились на частных квартирах, воспитывали между лекциями и экзаменами детей, а

некоторые даже успели за время учебы пополнить свое семейство. Я дружил со многими однокурсниками-офицерами и любил бывать у них дома. Приятно после однообразной училищной пищи в уютном семейном кругу попробовать горяченького, наваристого борща, а под настоящую котлету пропустить с хозяевами бокал хорошего донского винца или чего-либо покрепче. Приятные воспоминания вызывают хорошие, добрые отношения с нашими старшими товарищами — однокашниками. От каждого из них мы, молодежь, обязательно брали себе на вооружение пусть, может быть, маленькую, но полезную крупицу их жизненного и войскового опыта. И пожалуй, главное, это не жениться молодым, во всяком случае, до тех пор, пока не станешь твердо на ноги и не сумеешь содержать семью. Лично я этому правилу твердо придерживался до тридцати лет, пока не стал капитаном и не заимел свой собственный угол, куда я мог привести молодую жену и где никто не поучал бы нас, как жить дальше.

Четыре года жизни и учебы в Ростове, тот непосредственно учебный процесс представлялся как длинная, почти бесконечная вереница лекций, лабораторных работ, коллоквиумов, семинаров, курсовых проектов, зачетов и экзаменов. В приложении к нашему диплому об окончании училища числилось более 40 предметов и спецкурсов, за которые мы отчитывались за эти годы перед своими преподавателями. Беглый анализ этих предметов в приложении к моему диплому и особенно оценок по каждому из них дает основание для однозначных выводов: я не очень жаловал точные, фундаментальные и общеобразовательные науки, за что они и ответили мне четырьмя-пятью «тройками» в дипломе, зато по спецпредметам (они у нас назывались «К-14», «К-51» и т. д.), где изучалась реальная техника, у меня сплошные «пятерки». Что мне особенно нравилось и что мне несомненно пригодились в моей дальнейшей службе и работе, так это ползание по различным схемам — электрическим, монтажным, комплексным (как правило, такая схема занимала место в пол-

стены аудитории). На практических занятиях мы дружно под руководством преподавателя выискивали сложные, порой очень запутанные пути прохождения какой-либо команды или сигнала, гордились, когда находили с помощью схемы неисправность или отказ в технике. По одному из спецкурсов у меня был курсовой проект, цель которого — разработка схемы автоматического подзаряда аккумуляторной батареи. Это была моя первая самостоятельная работа по проектированию. Я сделал ее с любовью и добросовестно, а в отзыве руководителя записано, что курсовая работа выполнена грамотно, предложены оригинальные решения, схема получилась простой и удобной в эксплуатации. Вот какие комплименты можно заработать на элементарной схеме зарядки батареи!

Лекции и практические занятия проводились как гражданскими, так и военными преподавателями. Гражданские, как правило, преподаватели ростовских институтов, читали нам фундаментальные науки: высшую математику, начертательную геометрию, сопромат, а военные — специальные предметы, по которым и определялся профиль нашей будущей деятельности в войсках. Материальную часть — макеты самих ракет, огромные автомобильные КУНГи, напичканные сложнейшей аппаратурой подготовки и пуска ракет, электрооборудование, подъемные и транспортировочные агрегаты мы изучали в огромных ангарах, куда даже нас пускали по спискам. Базовым изделием, которое мы на всех факультетах изучали, была жидкостная ракета средней дальности Р-2 разработки все того же Королева. Эта ракета по своей конструкции, своим боевым и техническим характеристикам, а также эксплуатационным возможностям значительно превосходила своих предшественниц. Но еще в учебных классах на некоторых макетах и разобранных частях ракет стояло немецкое клеймо «Фау».

Из всех преподавателей мне наиболее запомнился и оставил хорошую, добрую память о себе по тем временам старший лейтенант Николай Михайло-

вич Ходов, который как раз и читал нам эту самую, которая на полстены, комплексную схему электрооборудования ракеты. Так уж получилось, что именно Ходов был руководителем моего дипломного проекта. Темой моего проекта была какая-то очередная электрическая схема, реализованная в виде прибора. Пояснительная записка, расчеты, чертежи и схемы были выполнены, с моей точки зрения, безукоризненно и в заданные сроки. По-моему, «пятерка» была гарантирована. Но то ли руководитель толком не разобрался в моем проекте, то ли у него просто времени не хватило, но Ходов перестраховался и поставил мне «четверку». Внешний оппонент, который изучал мой диплом, решил не отставать от руководителя и, не мудрствуя лукаво, поставил тоже «четыре». Я, конечно, расстроился, и не потому, что это могло как-то повлиять на мое распределение, а просто было обидно, что так отнеслись к моему творению. Защита дипломных проектов перед госкомиссией проходила в августе 1958 года. Я по плану должен был защищаться где-то в двадцатых числах. Но госкомиссия на пару дней раньше решила начать свою работу, первые дипломанты оказались не готовы, и командование бросило клич: ну, кто смелый? Таким смелым, а точнее нахальным, оказался я. Здравомысленно оценив ситуацию и смекнув, что члены комиссии еще не успеют «войти в роль», я храбро ринулся в бой и второго или третьего августа первым на факультете защитил диплом, получив справедливо заслуженную оценку «отлично»! Три недели я блаженствовал и снисходительно посматривал на своих товарищей, которые в поте лица готовились к защите. Мои расчеты оказались правильными. Когда я присутствовал на защите в той подкомиссии, где я так триумфально выступил, то понял, что, если бы я защищался в плановые сроки, то прыгал бы от радости, получив «четверку». Естественно, что мои родные в Москве очень за меня переживали, они с нетерпением и страхом (впрочем, как и я) ждали двадцатых чисел августа. Каков же был их восторг, когда я им позвонил после защиты и в конце разговора вроде бы как невзначай

сказал, что я защитился и почти лейтенант. Прошел уже не один десяток лет с момента этого телефонного звонка, но до сих пор мой разговор с родителями, который я помню до мельчайших подробностей, вызывает во мне сильное душевное волнение! А с Николаем Михайловичем Ходовым с годами мы стали добрыми друзьями, и каждую нашу очередную встречу я начинал канючить: за что же вы мне, товарищ руководитель, поставили незаслуженную «четверку», которую комиссия заслуженно переправила на «пятерку». И каждый раз милейший Николай Михайлович вполне искренне и горячо приводил веские доводы в свое оправдание. И так при каждой встрече! Причем каждый раз оправдательные мотивы были новые. К сожалению, несколько лет назад ушел от нас и Коля Ходов.

Освоение азов науки шло своим чередом. Уже с конца третьего курса, когда мы побывали на заводской практике в Днепропетровске, Харькове, Саратове, войсковой стажировке и своими глазами увидели, а руками пощупали ту технику, которую заочно изучали в аудиториях и ангарах, стали подходить к учебному процессу «творчески» и даже с некоторыми элементами авантюризма. Например, в училище широко практиковалась и даже поощрялась нашими преподавателями и воспитателями досрочная сдача экзаменов до наступления очередной экзаменационной сессии. Я, например, широко пользовался такой возможностью. Но каждый раз очередной сдаче экзамена экстерном предшествовала большая творческая подготовительная работа, соучастником, а в последующем и соисполнителем которой был мой друг и однокурсник Анатолий Батюня. Стратегия была простая: накануне очередной сессии мы обращались к преподавателю с просьбой разрешить нам его экзамен сдать досрочно. Как правило, он соглашался, будучи полностью уверенным в нашем сверхвысоком уровне знаний предмета. А причину для досрочной сдачи можно было придумать любую, вплоть до того, что я, мол, возможно, в сессию планирую жениться. Получив принципиальное согласие, мы с Ба-

тюней в течение нескольких дней изучали повадки и линию поведения нашего преподавателя и находили нужный для нас момент — как правило, после обеда, когда на кафедре практически никого не было. Остальное — дело техники. Пара вопросов (экзаменационные билеты преподаватель еще не успел подготовить. Мы это тоже учитывали!), на которые мы готовили пространные, туманные ответы, по ходу — разговорчики про то про се, иногда анекдотец к месту вставишь — и «пятерка» в кармане! Наш расчет был прост: у преподавателя в голове не укладывалось, что так нахально можно прийти на досрочную сдачу, имея в голове лишь поверхностное представление о предмете. Здесь пальма первенства была за Анатолием. Он умел красиво, если надо, долго и нудно говорить и, как Сирена, заговаривать слушателя, причем не очень отступая от предмета и сути разговора. Я у него был на подхвате. Он иногда так «запудривал» мозги преподавателю, что я, выступая вторым голосом, зачастую путался и не успевал понять — а по какому же предмету мы получили свою законную «пятерку»? Ну, а если честно, то все было не так уж комично и не так просто. Мы, естественно, готовились, добросовестно учили предмет, волновались, переживали, шли со страхом, но все же с тайной надеждой в душе, что наша авантюра удастся. Кстати, сбоев не было.

В последней, преддипломной экзаменационной сессии мы с Толей умудрились почти все экзамены сдать досрочно, и этот факт имел для нас неожиданные последствия. Последний год мы, слушатели выпускных курсов, уже несколько вольготно себя чувствовали, поэтому после досрочной сдачи экзаменов последней сессии, имея в запасе две-три недели свободного времени, мы с другом почти нелегально отправились в Москву на заслуженный отдых. Живем у меня дома, гуляем, блаженствуем, ходим на танцы в ЦДСА. И вот однажды мы забрели в ГУМ (кто не знает — огромный магазин на Красной площади), слышим по трансляции — приглашают в демонстрационный зал на показ мод. Ну, мода нас особо не

волновала, а вот на тех, кто ее демонстрирует, нам очень захотелось полюбоваться. Заходим (мы, естественно, в гражданском платье), садимся, оглядываемся вокруг и — ба! — кого мы видим: полковник Григорьев собственной персоной и при полном параде! Михаил Григорьевич был у нас заместителем начальника училища, затем его направили формировать первые части будущих Ракетных войск стратегического назначения. Мы, будущие выпускники училища, слышали о его миссии, и каждый из нас при распределении хотел попасть под его начало, хотя ходили слухи, что к нему будут направлены только выпускники офицерских отделений. И вот этот самый полковник Григорьев, не подозревая, что мы сидим рядом, жадным взором изучает образцы моды весны—лета 1958 года. После небольшого замешательства мы с Толей быстро пришли в себя и между выходами моделей браво представились своему бывшему (а может, и будущему?) командиру. Небольшой шок уже со стороны Михаила Григорьевича (вот, мол, зашел в перерыве между заседаниями в Генштабе чуть отдохнуть, глаз порадовать). Мы деликатно дали ему время прийти в себя и уже через пару минут оживленно, на равных, с элементами профессионализма обсуждали и образцы моделей весенне-летнего сезона, и объекты, которые демонстрировали эти модели. Результат: из тридцати выпускников нашего слушательского отделения только мы с Батюней были распределены во вновь формируемое соединение к тому времени уже генерала Григорьева. Вот что значит вовремя подсутиться с экзаменами и хорошо разбираться в сезонной моде! Правда, если уж быть объективным до конца, то какую-то роль в распределении сыграли и наши с Толей отцы. Но это, по нашему глубокому убеждению, вторично. Все же первопричина — встреча профессионалов женской красоты в демонстрационном зале ГУМа. Здесь наша с Анатолием совесть чиста. Мы не просили наших отцов (у Толи — начальник штаба Северо-Кавказского военного округа, мой — в те времена полковник Генштаба) направить нас после

окончания училища в Москву (такие прытки среди нашего выпуска были), а попросились в строевую часть, которая только формируется, да еще и непонятно — где.

Четыре года жизни в Ростове это, конечно, не только познавательный, учебный процесс, но и время нашего возмужания, формирования нас как личностей, расширения жизненного кругозора и накопления житейского опыта.

Из воспитанников нашей 3-й батареи МАПУ в Ростов были распределены человек семь-восемь (Юра Проклов, Юра Тарелкин, Саша Кулаков, Женя Гайван, Виталий Дождев), из которых только я и Виталий попали вместе на один факультет, остальные были распределены по другим факультетам, хотя на первых порах, пока мы жили в казарме, это нас особо не тяготало. Первое время мы старались кучковаться вместе, нас как бы дух и традиции МАПУ оберегали от сложностей и неожиданностей нашей новой жизни. В последующем, по мере втягивания в учебу, стали формироваться уже группы и компании по факультетским интересам. Но это потом. А на первом курсе, когда учебные дисциплины для всех факультетов были практически одинаковыми и при этом первые курсы всех факультетов жили в одной огромной и неудобной казарме, мы частенько собирались и вспоминали с грустинкой о нашем МАПУ, о наших офицерах и преподавателях, о нашей милой, беззаботной школьной жизни. Но и в нашей теперешней ростовской действительности все чаще и чаще появлялись новые аспекты, которые со временем не оставляли места для грусти и воспоминаний о прошлом. Ну действительно, когда же здесь грустить, когда некая загадочная личность ходит по казарме, собирает с каждого из нас по рублю, обещая вечером показать фильм из серии «Взято в качестве трофея...» И верно, где-то уже после отбоя появляется передвижная киноустановка, мы, в нижнем белье и завернутые в одеяла (в казарме жуткий холод!), тесной кучкой рассаживаемся между рядами наших двухъярусных коек в ожидании чего-то прекрасного и

волнующего. Как правило, предчувствие нас не обманывало. «Серенада Солнечной долины», «Сестра его дворецкого», «Большой вальс» — вот далеко не полный перечень фильмов, которые мы с восторгом смотрели в холодной казарме после отбоя. Не дремали и политработники. Как уличные зазывалы, они старались нас чем-то увлечь, агитируя за разнообразные кружки и секции. Поддавшись их агитации, а также учитывая, что нас поначалу вообще долго не пускали в увольнение, многие из нас, и я в том числе, решили от нечего делать записаться в хор (мужской, естественно). Руководила этим хором молодая, очень энергичная и увлеченная своим делом девушка. На первые занятия хора мы шли чуть ли не в приказном порядке под контролем курсового офицера. Но потом как-то незаметно и, в общем-то, к нашему всеобщему удивлению, мы не только стали с энтузиазмом посещать спевки, но и задерживались сверх отведенного времени. Эта маленькая девчушка сумела заразить нас своей любовью к музыке, заставила нас учить ноты и даже петь по ним! Когда мы уже достаточно хорошо спелись и выступали как единый музыкальный коллектив, подчиняющийся беспрекословно дирижерской палочке нашего кумира, нас стали выпускать в эфир. Местный, конечно. Вершина нашего мастерства — «Ноченька» Даргомьжского. Достаточно сложное сочинение на несколько голосов. До сих пор испытываю чувство почти профессиональной гордости, вспоминая, как с умилением слушал трансляцию Ростовского радио с записью нашей «Ноченьки». Для многих это было первое приобщение к музыкальной культуре. Но как-то со временем хор почему-то распался, и мы, его участники, демонстрировали свои вокальные возможности уже частным порядком, в основном за праздничным или дружеским застольем. Все последующие годы, когда мне приходилось попадать в общество любителей музыки, я всегда находил возможность небрежно вставить фразу о том, что мне, мол, приходилось исполнять сложные произведения Даргомьжского, а если было к месту, то и демонстрировал пару «ля» все

из той же «Ноченьки». И сразу становился среди музыкантов своим человеком.

В те далекие трудные послевоенные годы театральная жизнь Ростова только еще восстанавливалась. Знаменитый некогда Ростовский драматический театр (огромный макет трактора ЧТЗ — пример советского кубизма) стоял еще в развалинах. Приезжие гастролеры выступали, как правило, в областной филармонии или в окружном Доме офицеров. Кинотеатры — вот основной вид нашего культурного отдыха, когда мы попадали в увольнение. Да еще вечера танцев все в тех же Доме офицеров и филармонии. А еще чаще — на вечерах отдыха в одном из ростовских институтов. На этой территории нам иногда приходилось вступать в схватку с извечными соперниками в борьбе за сердца очаровательных ростовчанок — курсантами мореходного училища. Мне думается, что ростовские студентки, зная о перспективах после выпуска каждой из воюющих сторон, пальму первенства отдавали все же нашему брату.

Помнится, на вечерах училищной самодеятельности мы с удовольствием слушали наших доморощенных артистов, среди которых особо выделялся своими голосом, обаянием и осанкой лейтенант Поцелуев. Как правило, аккомпанировала ему очаровательная женщина — Лилия Александровна. Романсы, песни советских композиторов в исполнении этой симпатичной пары пользовались у всех нас, и особенно молодежи, всеобщей любовью. Мы все любили Сашу Поцелуева. Одна фамилия училища были только два золотых медалиста, и один из них — Саша. Пройдет много лет, и начальник кафедры Академии имени Дзержинского доктор технических наук, профессор, генерал-майор Александр Васильевич Поцелуев будет руководить моей диссертационной работой. Как-то так получалось, что наши жизненные пути периодически где-то пересекались, и мне приходилось общаться с приятным для меня семейством Александра Васильевича и Лилии Александровны и в казахских степях, и в Москве, и в хорошие времена, и в

трудную годину. Эта семейная пара всегда была для меня примером для подражания и тогда, когда я ходил еще в холостяках, и даже сейчас, когда я сам уже глава большого семейства. Я глубоко убежден, что если в моей семье постоянно присутствуют любовь да согласие, то во многом я обязан этим Александру Васильевичу и его очаровательнейшей супруге. Время берет свое — наши контакты ограничиваются сегодня, к сожалению, лишь телефонными звонками, но они регулярны, длительны и, надеюсь, взаимно интересны.

Спорт — вторая после самодеятельности сфера приложения нашей молодой, кипучей энергии. Бокс, гимнастика, тяжелая и легкая атлетика, борьба — почти каждый из нас занимался в какой-либо секции. Ну а футбольные баталии между факультетами всегда были предметом жарких споров и даже стычек между наиболее ярыми болельщиками. Я выступал за факультетскую футбольную команду и продолжал заниматься своей любимой гимнастикой. Схема почти московская — три раза в неделю, кстати, включая субботу, я с группой таких же энтузиастов вечером, после самоподготовки, собственным ходом, по увольнительной записке отправлялся в спортзал окружного Дома офицеров. Тренировался много, с желанием, отдавая предпочтение тренировкам в ущерб субботним и воскресным свиданиям, дружеским вечеринкам и вечерам отдыха. Мне нравился сам процесс тренировки и все, что с этим связано, — возможность три раза в неделю прокатиться на трамвае по городу, общение с новыми людьми — тренерами, товарищами по команде. В эти времена я уже повадился летом в каникулы загорать на берегу Черного моря. Там уж есть где и кому продемонстрировать результаты моих упорных тренировок в спортзале. Чуть не заделался «моржом». Целый год упорно каждое утро зимой и летом принимал холодный душ с последующим обтиранием. Прекрасная зарядка бодрости на весь день! А зимой договорился с ребятами в очередное увольнение искупаться в проруби Дона. Но что-то не решился. Помню, в фев-

рале, в день моего рождения родители прислали телеграмму: «Поздравляем с днем рождения. Умоляем не купаться в Дону». Я, как послушный сын, выполнил их просьбу.

Учеба, самодеятельность, спорт — на то уходило практически все наше время. Но сказать при этом, что мы не бегали на свидания, не влюблялись, не совершали ради любимых «самоволки», не страдали и не ревновали, не ссорились и не мирились, — это значит серьезно погрешить против истины! Никто, конечно, не поверит, что у восемнадцати-двадцатилетнего парня, да еще не где-нибудь, а в Ростове, не было юношеских увлечений, страстной, а может, и трагической безответной любви, томных свиданий и интимных прогулок по набережным Дона. Конечно, все это было! И этому способствовала сама ростовская атмосфера, его особая аура. Ведь Ростов особый город: красивый, очень зеленый, с крутыми спусками к Дону, с темпераментными, по-южному веселыми и любвеобильными жителями. Господи! Что творится в городе в весенние майские дни, когда цветет акация и сводит с ума дурманящий аромат сирени, а воздух прямо-таки пропитан любовью. Какая там весенняя экзаменационная сессия, какие там тренировки, какие там «Ноченьки» Даргомыжского, когда ты с огромным нетерпением ждешь увольнения, чтобы послушать соловушку с какой-нибудь казачкой где-нибудь или в тенистой аллее парка на Садовой, или на берегу Дона. Большинство моих коллег-однокурсников, как правило, не дожидались субботы с воскресеньем, а бегали на свидания тайком, через забор (по уставу это действие называется самовольной отлучкой). Конечно же в дурманящие майские дни количество таких самовольных отлучек резко возрастало. К слову сказать, за все время учебы я очень редко пользовался возможностью попасть в город не через проходную, а через забор. Это не значит, что в мае я переставал дышать или меня никто не ждал за забором училища. Наверное, высокое чувство ответственности и воинского долга удерживали меня от этого проступка. А может, просто боялся. Уже

не помню. И тем не менее за законное время, отведенное мне увольнительной запиской, я успевал ускоренными темпами наверстать упущенное и догнать (а то и перегнать) своих ретивых однокурсников. В городе, где есть университет и около десятка институтов, сделать это было нетрудно.

Южный город Ростов испокон веков славился двумя вещами: красивыми женщинами и нездоровой, как сейчас принято говорить, криминогенной обстановкой (более просто — полно жулья, аферистов и хулиганья). По первому критерию достаточно пройтись летним вечером по центральному проспекту — Садовой (помните: «Улица Садовая, скамеечка кленовая, Ростов-город, Ростов-Дон») и не надо никаких комментариев — одна другой краше. Выбирай любую! По второму критерию достаточно попасть в поезд, который следовал на южное побережье через Ростов: «Граждане пассажиры! Наш поезд прибывает на станцию Ростов. Стоянка — 20 минут. Просьба закрыть все окна, от своего вагона далеко не отходить, беречь кошельки и сумки». Такая уж реклама была у нашего города, особенно в послевоенные годы. Вот уж действительно: Одесса-мама, Ростов-папа!

В нашем слушательском отделении нас собралось человек тридцать, в основном воспитанники подготовительных и суворовских училищ, один даже из нахимовского училища, а также выпускники гражданских школ Москвы, Ростова и других городов. Компания довольно-таки разношерстная. Как-то практически по инерции после МАПУ меня назначают командиром отделения, присвоив звание «сержант». Это, я вам скажу, не МАПУ с его сознательной, образцово-показательной дисциплиной. Управлять коллективом в 30 слушателей оказалось куда сложнее, чем сотней воспитанников! На первых порах, пока народ присматривался, да и жили мы в одной общей казарме, куда хоть изредка заглядывал начальник курса или курсовой офицер, еще куда ни шло, можно было потренировать командирские навыки и отработать командирский голос. Сложнее стало на последних курсах, когда наше отделение за-

нимало несколько комнат в офицерском общежитии. Мне, например, с огромным трудом удавалось разбудить по команде «Подъем!» мирно спавших по своим комнатам коллег, уговорить их встать, одеться (почти круглый год — брюки, сапоги, голый торс), спуститься с четвертого этажа, построиться и после легкой пробежки выполнить обязательный комплекс утренней зарядки. А вечером нужно было уговорить их (именно попросить, уговорить, ибо приказной тон не воспринимался тонкими натурами моих однокурсников) опять же спуститься вниз и строем, с песнями сделать пару кругов вокруг общежития. По уставу это вечерняя прогулка перед отбоем. Конечно, ребята уже взрослые, самостоятельные (один из нас — Толя Зарицкий успел даже жениться на третьем курсе), рядом — такие же «студенты» — офицеры, попробуй совладай с ними такой же слушатель, но с сержантскими лычками. Это сложно, несмотря на мое рвение и энтузиазм. Да здесь еще отцы-командиры иногда такое придумают, что хоть стой, хоть падай. Взять ту же баню (любимая тема!). В Москве — это марш победителей, в Ростове — дорога на Голгофу. В период нашей учебы в Ростове тогдашний министр обороны (кажется, Малиновский) издал приказ, по которому все передвижения личного состава в строю должны проводиться только строевым шагом (это когда ты задираешь прямую ногу на полметра, а потом с грохотом опускаешь ее на землю). И вот представьте картину, когда взвод из тридцати слушателей идет в баню. Это вам не триумфальное шествие воспитанников МАПУ под барабанный бой. Это нудная пятикилометровая дистанция по улицам и бульварам города, причем половина этого пути — дорога в горку. И никаких тебе оркестров и барабанов. Вот этот маршрут нужно было преодолеть строем и только строевым шагом! Независимо от времени года, холода или жары в баню мы приходили вспотевшие, усталые и злые. Конечно, при всем моем командирском усердии мне такая задача была явно не по силам, тем более что жаждущие попасть в баню с других факультетов преодолевали эту же дис-

танцию значительно более комфортно — на трамвае. Здесь уже рвение выполнить приказ министра проявлял наш начальник курса подполковник Волков, Герой Советского Союза. Под его суровым взором мы отрабатывали строевые приемы и туда, и обратно. Немного не повезло нам в этом отношении с командиром, хотя немножко было и приятно, что дубасим асфальт ростовских улиц под командой Героя всего Советского Союза. Сами бани почти в центре города, на Ворошиловском проспекте. Со временем, когда этот, мягко говоря, непопулярный приказ как-то сам собой забьлся, процесс посещения центра города, а заодно и городских бань, был куда более приятен. Таковы уж наши войсковые будни: один и тот же параграф устава в одном случае — радость, в другом — мука.

Но вообще-то со своими коллегами — подчиненными я жил довольно-таки дружно и мирно, конфликтов и криминала не было, но это отнимало у меня много сил, да и учеба стала от этого страдать. В период моего командования много моей кровушки попили и Саня Меркулов, и Володя Семенов, и Гена Близицецов, и даже наш интеллигент Валера Платов. Каждый из них изошрялся по-своему, но больше всего мне доставалось от Меркулова — умнейшего парня, но разгильдяя. Бывали моменты, когда мне хотелось его просто убить! Вот как эту страшную крамольную мою тайну со временем он сам и прокомментировал при нашей встрече через много лет: будучи уже преподавателем в рижском училище, он в очередной раз «качал свои права» в кабинете у начальника политотдела училища и докачался до того, что замполит, доведенный до отчаяния, в качестве контраргументов врезал сгоряча Меркулову по физиономии. Саша, по его словам, быстренько сориентировался в ситуации и выиграл дело. Перепуганному замполиту ничего не оставалось делать, как согласиться с доводами оппонента. Вот такой был один из моих подчиненных! Валера Платов спорил со мной в основном по юридическим аспектам моей командирской деятельности (имею ли я, например, право в приказном порядке

заставлять его заниматься самоподготовкой). А Володя Семенов, так тот вообще меня не видел в упор как командира. Короче, я подумал-подумал да и написал рапорт с просьбой освободить меня от столь высокой должности. Просьбу мою удовлетворили, правда, сержантское звание оставили. Я считаю, что это мое первое самостоятельное и продуманное решение. Поначалу было нелегко ходить в общем строю, выполнять команды моего преемника Виктора Кучеренко, но потом как-то привык и все стало на свое место. Конечно, этот юношеский экстремизм (и мой, и моих однокурсников) со временем прошел, и все последующие годы мы встречаемся уже как старые, добрые друзья. Но и в те годы со многими моими однокашниками у меня сложились хорошие товарищеские отношения. Это, прежде всего, ребята, с которыми я жил в одной комнате: Виталий Дождев (дружок еще по МАПУ), Толя Батюня, Леня Мурзаев, продолжал дружить с Юрой Тарелкиным, Юрой Прокловым, хотя и были они уже на других факультетах. Уже в училище познакомился и подружился с Витей Кучеровым, Сашей Морозовым, Витей Перемышлевым, Борей Лопусовым, Лешей Бичеровым да и со многими другими ребятами наладил и поддерживал хорошие отношения. Годы сводили и разводили нас, но на каком бы этапе нашей жизни мы ни встречались, ростовский период всегда вызывает у нас добрые, ностальгические воспоминания. К сожалению, нет уже среди нас Толи Батюни, Вити Кучерова, Саши Кулакова. О многих я уже просто не имею сведений и не знаю, где они и что с ними. О бывших моих однокашниках, осевших в Ростове (в основном преподавателями в родном училище), периодически сообщает Иван Бутко — наш однокашник, который в каждый свой приезд в Москву тщетно пытается собрать нас, старых ростовчан. Иногда с трудом, но собираемся, вспоминаем былое, хвалим Ивана за его инициативу, даем клятву встретиться еще, но что-то всегда нам мешает. А мешает-то понятно что: болезни и недомогания, старческая лень и инертность, нелегкая жизнь пенсионера и всякие бытовые неуряди-

цы. Но что самое главное — когда мы все же собираемся, то болячек и проблем как и не бывало! Первые годы после окончания училища мы организованно приезжали в Ростов отмечать юбилейные даты: 10, 15, 25 лет со дня окончания училища. Интересные это были встречи! Мы с тайным любопытством придирчиво осматривали друг друга: кто в каком звании, у кого какая орденская колодка на груди, кто потолстел, а кто полысел, кто какую занимает должность и кто поможет решить какую-либо жизненную проблему (как правило, помочь с переводом или устроить детей). Такие встречи заканчивались обычно веселым застольем где-либо в ресторане или в каком-нибудь тихом пансионате на Левбердоне (левый берег Дона). Думаю, что командование училища с облегчением вздыхало, когда мы разъезжались. Со временем эта хорошая традиция как-то отмерла сама собой. А ведь в 1998 году мы должны были бы отметить 40-летие нашего выпуска. Но, увы! Не нашли инициаторы такой исторической встречи.

Период учебы в Ростове был для меня знаменателен и еще одним событием — вступлением в ряды КПСС, кстати, первым в нашем слушательском отделе. Здесь я — сын своего отца, выпускника Московского военно-политического училища имени Ленина, кадрового политработника, воспитанного на основах марксизма-ленинизма и насквозь пропитанного идеями этого учения. Надо отдать должное моему отцу — он никогда не отказывался от этих идей и не предавал их. Правда, уже в последние годы жизни отец стал несколько критически оценивать действия наших идейных вождей — отцов перестройки, но все равно он их пытался оправдать и защитить. Еще в семи-восьмилетнем возрасте я был принят в пионеры (этот торжественный ритуал проходил в траурном зале Музея В. И. Ленина в Москве), а в 14 лет, как и положено, вступил в ряды комсомола. Поэтому, когда мне исполнилось восемнадцать, я, не задумываясь, подал заявление в факультетскую парторганизацию с просьбой принять меня кандидатом в члены КПСС. Как же я готовился к этому событию! До сих

пор помню почти все 18 пунктов обязанностей члена партии, был в курсе всех международных событий, знал биографии всех членов Президиума ЦК КПСС, мог назвать имена всех лидеров международного коммунистического движения, почти прекратил все связи, которые могли бы опорочить моральный облик будущего молодого коммуниста, подтянулся с учебой. На собрание шел одухотворенный, физически и морально готовый вступить хоть сейчас в бой за наше правое дело. Первое мое разочарование наступило сразу же, как только я переступил порог аудитории, где собрались мои будущие товарищи по партии — преподаватели факультета, офицеры, — слушатели нашего курса. Аудитория маленькая, опоздавшим сидячих мест не хватало. За последним столом разместился один из наших преподавателей (молодой, симпатичный подполковник, который частенько вместе с нами лихо отплясывал на вечерах отдыха), который обложился тетрадами и приготовился заняться их проверкой. На традиционный вопрос: кого в президиум собрания? — один из опоздавших назвал фамилию этого подполковника. Проголосовали, подполковник со своими тетрадами ушел в президиум, а ретивый опоздавший на законных основаниях занял его место. Ну занял и занял, что здесь такого, если бы не бурная реакция на это перемещение со стороны этого преподавателя. Я, дрожащий, стоял рядом и слышал, как он ругал последними словами своего обидчика. Я был поражен до глубины души! Как же так — собираются идейные борцы, единоверцы, должны говорить о чем-то благородном, возвышенном (о мировой революции, например), а здесь — оскорбления, мат, угрозы. Это была маленькая трещинка, червоточинка в моих дальнейших многолетних отношениях с партией. Но это было потом. А пока меня, идейно напичканного, приняли в кандидаты. Проходит год кандидатского стажа. Зимняя сессия. Я получаю свою первую «тройку» по какому-то предмету. Терзает мысль: имею ли я моральное и этическое право вступать в партию с «тройкой» в зачетной книжке. Моя будущая

партийная совесть подсказала — нет! И я подал заявление с просьбой о продлении моего кандидатского стажа еще на полгода. По-моему, даже мой отец не ожидал от меня такого самопожертвования. А на собрании, где рассматривалось мое заявление, меня приняли за какого-то ненормального, но стаж все же продлили (от греха подальше). Через полгода я уже почти автоматом стал членом нашей родной Коммунистической партии, в которой и пробыл около 35 лет, до момента ее расформирования. Все эти годы я был добросовестным, активным коммунистом, регулярно платил членские взносы, неоднократно избирался секретарем парторганизации, но случай с этим подполковником не выходил у меня из головы, он постоянно определял, регулировал мое отношение как к самой партии, так и к поступкам и действиям ее лидеров и функционеров различных уровней. Сегодня я бы уж точно не просил продлить мой кандидатский стаж, да и хорошо бы подумал, стоит ли вообще вступать в такую партию. Вот так жизненные реалии и время превратили восторженного юного ленинца в разочарованного критикана.

Ну что ж, годы учебы подходят к концу. Волнующая весна 1958 года — предварительное распределение по будущим местам службы, вызовы в отдел кадров для уточнения отдельных деталей биографии, поездки по ателье Ростова и близлежащих городов, где нам по индивидуальным заказам шьют офицерскую форму, свободное расписание занятий — идет подготовка дипломных проектов — все это волнует, возбуждает, настраивает на какой-то праздничный лад. И вот все тревожения позади — и мы все замерли в ожидании приказа министра о присвоении нам высокого лейтенантского звания. И вот где-то в конце августа такой приказ пришел! Помню, это были будни и тем не менее все дружно (и я в том числе!) отправились через забор в город, в ближайший ресторан. Мне даже кажется, начальство об этом нашем действии знало, но решило закрыть на это глаза и правильно поступило — кто бы смог удержать эту молодую, ревущую массу, жаждущую ворваться в ре-

сторан не как какой-то там курсантишко, а как офицер с полным карманом денег. Но самое интересное, что практически все рестораны на Садовой нас уже ждали! По-моему, приказ о присвоении нам званий дошел вначале до общепита Ростова, а потом уже до училища. Так оно, наверное, и было. Ростов есть Ростов! Дальше — торжественный момент получения лейтенантских погон, напутствия отцов-командиров, получение предписаний о прибытии на свое первое место службы. Слушателей, точнее уже лейтенантов! — нашего отделения разбросали практически по всей стране, где стояли ракетные части. А мы с Толей Батюней отправились в Москву для получения направления к нашему другу генералу Григорьеву. Как-то он нас примет и что нас ждет впереди — с этими мыслями и чемоданами, набитыми офицерской амуницией, я сел в поезд Ростов — Москва.

НАШ АДРЕС — МОСКВА-400

Июль 1959 года... На бетонке вдоль монтажно-испытательного корпуса второй площадки полигона Тюра-Там выстроилась войсковая часть полковника Михеева, только что произведшая успешный запуск межконтинентальной ракеты, принятой на вооружение нашей армии. Главный маршал артиллерии Неделин перед строем благодарит всех за успешную работу. Это — первая боевая часть вновь создаваемых Ракетных войск стратегического назначения. В ее строю — два начальника расчета — лейтенанты Буйновский и Батюня.

Месяц отпуска после окончания училища пролетел незаметно и как во сне. Первые дни пребывания дома я не отходил от зеркала — любовался собой в лейтенантской форме. И это понятно, ведь я долгих семь лет ждал этого звездного часа! Потом выслушивал вполне заслуженные и в то же время искренние комплименты в свой адрес со стороны моих близких — сестры и родителей. Естественно, что мы все приходили к единому мнению — форма мне очень даже к лицу, я в ней просто неотразим! Далее я решил проверить эти вновь приобретенные качества на своих подружках, которых — увы! — за время моего

четырёхлетнего отсутствия осталось не так уж и много. Оставшиеся верными мне подруги подтверждали мнение моих близких и при этом как-то так невзначай, ненавязчиво начинали туманные разговоры о том, что вот я уже и офицер, вполне самостоятельный мужчина, которому недостает лишь прелестной верной спутницы по трудным армейским дорогам. Кстати, эта тема стала злободневной и в кругу друзей нашего семейства, особенно среди тех, где, по их мнению, имелась достойная кандидатка на эту почетную должность. Но я был тверд, как скала, и ни на какие происки не поддавался. Я так думаю, что у меня в те времена был период активного самолюбования и мне не нужны были свидетели, а тем более участники этого приятного процесса. Пожалуй, я только не спал в форме и где-то к концу отпуска уже поднадоел сам себе. К концу сентября в Москву прибывает еще один лейтенант — Анатолий Батюня. Быстренько пробежав по нашим постоянным «точкам», а это в основном танцзал ЦДСА, мы стали готовиться к визиту в Главное управление кадров Минобороны, где нам должны дать предписания для прохождения дальнейшей службы.

И вот такой день пришел. Нам объявили, что мы назначаемся начальниками (начальниками!) расчетов во вновь формируемую войсковую часть соединения генерала Григорьева. Все по плану! Я думаю, что кадровики просто не знали о наших дружеских отношениях с Михаилом Григорьевичем, а то и должностишки дали бы повыше. Ну да ладно, дослужимся. А часть-то наша формировалась не где-нибудь, а в Тюра-Таме! Куда мы с Анатолием и направились.

Скорый поезд Москва — Ташкент все дальше и дальше уносил нас от Москвы, от родных и близких. Позади остались годы учебы, возмужания и становления, наша беспечная юность. На купе СВ мы еще не заработали, так что расположились в обычном купейном вагоне. Ехали весело, так как в вагоне кроме нас с Толей разместились еще человек пять наших коллег по Ростову, имеющих направления в ту же часть, что и мы. Соседом по купе у нас оказался до-

вольно-таки известный по тем временам писатель из Ташкента, который по годам был нам ну если не де-душка, то уж папа точно. Половину пути, а ехали мы суток трое, писатель интересно рассказывал про свою бурную молодость (борьба за Советскую власть в Средней Азии, погони за басмачами попеременно со своими любовными похождениями). А в это время наши коллеги по вагону кокетничали с попутчицей, которая ехала то ли из Москвы после развода, то ли направлялась в Ташкент, чтобы развестись. Пустив вперед тяжелую артиллерию в лице нашего писателя, мы, усыпив бдительность девушки, пригласили ее к нам в купе сыграть в карты — «кинга», ибо других интеллектуальных картежных игр мы с Толей не знали. По решению писателя выигрыш — не фанты, не деньги, а поцелуй с проигравшим в зависимости от количества выигранных очков. Почему-то все, помоему, включая и нашу партнершу, были уверены, что проигравшей будет именно она (не целоваться же мне с Анатолием!). От блестящей перспективы голова у молоденьких лейтенантов закружилась. Наконец-то! Экспресс, мчащийся в ночи, прекрасная незнакомка, вино, карты, демон-искуситель. Вот она — разгульная, бесшабашная, авантюрная гусарская жизнь, о которой мы так мечтали еще в Ростове! И вот наступил час расплаты! Конечно, дамочка проиграла, а мы, мужики, выиграли, причем значительная часть выигрыша осталась за «инженером человеческих душ». Все-таки жизненный опыт сказался! Партнерша наша проявила характер и заявила, что целоваться будет только при выключенном свете. Опуская детали, скажу, что мы с моим приятелем забрали свой законный, весьма незначительный выигрыш. А вот с писателем произошла осечка! Не буду с ним целоваться! И все тут! Мы с Толей были искренне возмущены и переживали за своего партнера, но он нас успокоил — после Тюра-Тама до Ташкента еще 18 часов езды. Долго мы потом еще муссировали эту тему — восторжествовала ли после того, как мы их покинули, справедливость в поезде Москва — Ташкент? Я был уверен, что «да». Толя сомневался.

Как-то за поцелуями мы и не заметили, что наш поезд поздно вечером притормозил около незаметного полустанка. Это и была станция нашего назначения — Тюра-Там. Сразу поникшие и притихшие, мы тесной стайкой — человек восемь — стали выяснять, куда же нам двигать дальше. Темно, холодно, неуютно, никто не встретил. И это после веселого, теплого купе с милым писателем! Куда мы попали? И зачем нас занесло когда-то в этот несчастный ГУМ? Служили бы сейчас в Москве, рядом с папой-мамой, и забот бы не знали. Вот влипши! С такими крайне невеселыми мыслями мы добрались до солдатской казармы (опять двухъярусные койки!), где нас определили на ночлег. Ну ладно. Утро вечера мудренее.

За четыре года до нашего появления в Тюра-Таме правительство принимает решение по созданию специального полигона для проведения испытаний и отработочных пусков новой мощной межконтинентальной ракеты Р-7 (в обиходе «семерка»). Место расположения и возможности существующего полигона Капустин Яр не позволяли обеспечить испытания ракеты, имеющей дальность стрельбы уже не сотни, а тысячи километров. Специально созданная государственная комиссия под председательством начальника кап-яровского полигона генерала Вознюка долго выбирала место для нового полигона. Трасса полета ракеты должна была проходить, исходя из режима безопасности, по малонаселенной территории, при этом полет ракеты должен быть с запада на восток (в этом случае сама Земля за счет своего вращения добавляет скорость ракете), должны быть созданы условия для сбора и транспортировки боковых блоков ракеты, которые отделяются по ходу ее полета. Учитывая, что полигон Тюра-Там, а впоследствии — космодром Байконур сегодня принадлежит другому государству и за его аренду Россия ежегодно платит сотни миллионов долларов, резонно вспомнить варианты, на которых остановилась комиссия Вознюка. Первый — в районе города Перми в Сибири. Вариант хороший, но длина трассы в сторону Чутокки недостаточна. Второй вариант — Северный

Кавказ. Место расположения прекрасное, трасса протяженностью до семи тысяч километров нормальная, с выходом на Камчатку, боковые блоки падали бы в районе черных степей, севернее Махачкалы. Одно только «но». Первые отработочные варианты «семерки» были оснащены системой радиоуправления. В этом случае два выносных пункта этой системы должны располагаться строго перпендикулярно к траектории на расстоянии 250 километров. При этом правый по ходу трассы пункт должен находиться прямо посередине Каспийского моря. Вариант отпал. К величайшему нашему сожалению. Тем более что со временем эта система с ракеты была снята. Остался последний из проработанных вариантов — Тюра-Там.

Множество возникало проблем при строительстве такого грандиозного сооружения посреди пустыни с резко континентальным климатом. Одна из постоянных проблем — скрытость объектов, сохранение режима секретности. Основная база будущего полигона — площадка № 10 располагалась за невысоким холмом, и пассажиры поезда Москва — Ташкент, проезжая станцию Тюра-Там, ничего не могли видеть. Также не должны быть видны из вагона поезда и пусковые установки. С трудом нашли в тридцати километрах от площадки № 10 участок, чуть-чуть скрытый складками местности. Именно из-за этих режимных соображений на первом и последующих стартах появился так называемый «козырек». Вырывается котлован метров 50 глубиной (вынуто где-то до одного миллиона кубометров грунта), на краю которого сооружается стартовая «нулевая» отметка — «козырек», где устанавливается ракета, под которой — газоотвод для выхода газов при запуске ракеты. О тех трудных временах строительства полигона вспоминает его первый начальник генерал Алексей Иванович Нестеренко: «Первое впечатление было удручающее — степь, такыры, солончаки, пески, колючки, жара и ветер, иногда переходящий в песчаную бурю, бесчисленное множество сусликов и ни одного дерева». Да! Это вам не зеленые луга предгорья Кавказа! И тем не менее самоотверженным тру-

дом тысяч военных строителей к апрелю 1957 года первая стартовая площадка была готова. Поблизости от нее в шести бараках расположились все, кто принимал участие в сборке, проведении испытаний и пуске первой «семерки». А среди них и первые выпускники ростовского училища.

Межконтинентальная ракета представляла собой «пакет» из пяти блоков: центрального и четырех боковых. Вес ракеты порядка 300 тонн, заправлялась она смесью: до 170 тонн жидкого кислорода и 70 тонн керосина. Это — компоненты топлива для 20 двигательных установок, по четыре на каждом блоке. Система управления ракеты отслеживает ее траекторию, обеспечивает стабилизацию по всем ее осям, в заданные моменты времени дает команды на разделение блоков и выключение двигательных установок. Оригинальна система крепления ракеты в стартовом устройстве. Многоотонная заправленная ракета как бы «висит» на четырех опорах. После запуска двигателей ракета начинает подниматься, освобождает опоры, которые за счет мощных противовесов «раскрываются», как тюльпан, и освобождают ракету от стартовых сооружений. Для того чтобы это все собрать, отладить, провести автономные и комплексные испытания всех систем ракеты, провести ее транспортировку на старт, заправку, предстартовую проверку, запуск и еще по сотням параметров отслеживать характеристики ее полета, сооружаются многочисленные технические комплексы полигона, создаются его испытательные, пусковые и обслуживающие подразделения. В общем, это сложнейшее техническое хозяйство, разбросанное по территории в несколько десятков километров. И все это было построено и отлажено в степях Казахстана за какие-то полтора года!

Первый пуск ракеты Р-7 был произведен 15 мая 1957 года. Двигательные установки ее проработали 98 секунд. Задача полета выполнена не была. Но сделано главное — выполнена задача пуска. Сама ракета, уникальное стартовое оборудование, системы заправки и транспортировки — все эти элементы старта с высоким качеством и надежностью выдер-

жали испытание огнем, подтверждены проектные решения и конструкторские задумки. В сообщении ТАСС по данному пуску необходимо было указать место старта новой ракеты. Опять же в интересах секретности было принято решение местом старта считать точку на Земле, над которой должно происходить выключение двигательных установок ракеты. На карте Казахстана эта расчетная точка спроецировалась на населенный пункт с названием Байконур. Так Тюра-Там стал Байконуром. А где-то после полета Гагарина досужие журналисты из полигона сделали космодром. Аэродром, космодром — место, откуда взлетают и куда возвращаются. К сожалению, на космодром Байконур вернулся пока всего лишь один аппарат — многоразовый космический корабль «Буран». Так что полигон в Казахстане сегодня не совсем обоснованно называют космодромом.

Хотелось бы особо отметить, что первым ведущим специалистом от Министерства обороны по ракете Р-7 был военный представитель при ОКБ, возглавляемом Королевым, подполковник Александр Александрович Максимов. Пройдет еще немного времени, и Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий генерал-полковник А. А. Максимов возглавит части космического назначения Министерства обороны. Лично я около двадцати лет прослужил под непосредственным началом этого талантливого инженера, мудрого руководителя и просто хорошего, разносторонне развитого человека. К сожалению, нет уже среди нас Александра Александровича.

А прославленная «семерка» и ее модификации еще много лет служили верой и правдой отечественной космонавтике. Стояла и на боевом дежурстве, запускала космонавтов, выводила на орбиту и научные объекты, и грузовые корабли.

А вот встретивший нас полигон Тюра-Там образца осени 1958 года — это бескрайняя казахская степь, по которой во всех направлениях гуляет холодный, пронизывающий ветер, когда днем где-нибудь в закуточке можно даже позагорать, а ночью мороз про-

бирает до косточек. Резко континентальный климат в полном его проявлении. На железнодорожной станции — пара чахлах деревьев да десятка два-три глинобитных мазанок, где проживают местные жители — казахи и где полным-полно детворы различной масти и возраста. С элементами цивилизации только площадка № 10, что в паре километров от станции. Это административный, командный и культурный центр строящегося полигона, в будущем — город Ленинск. А пока это штаб, казармы, обязательный Дом офицеров, с десятков панельных пятиэтажек, госпиталь, магазины, школа, ну и все то, что нужно для обеспечения более-менее сносной жизни для огромного количества офицеров и их семей, волей судьбы и решением командования определенных жить и служить в этих, прямо скажем, не райских условиях. Ну и конечно же огромная одноэтажная деревянная гостиница, где нас и разместили на первых порах и куда мы частенько наведывались уже в те времена, когда были разбросаны по различным точкам полигона. И все это — на берегу бурной, коварной, изменчивой и в те времена еще достаточно полноводной реки Сырдарьи — единственной отрады и спасения в испепеляюще-знойные летние дни. Много зеленых посадок, но это сейчас они тенистые аллеи, а тогда тонюсенькие веточки, в листе которых еле-еле можно было скрыться от изнуряющей жары. В общем, летом не знаешь куда деться от палящего солнца, а зимой трясешься от 40-градусного мороза, помноженного на пронизывающий ветер. На таком фоне очень романтично и даже экзотично звучал почтовый адрес, по которому мы, и офицеры и солдаты, могли переписываться со своими родными и близкими — «Москва-400». Ну не смешно?! Кто-то же додумался так поиздеваться над нами. Ладно еще, что климат явно не московский, но ведь бывали случаи, когда сердобольные родители наших солдат бродили по Москве в поисках своего любимого сыночка, который, по их глубокому убеждению, служит где-то рядом с Кремлем.

Но у суровой казахской степи есть и хорошие, да-

же красивые моменты. Ранней весной огромная, идеально ровная степь покрывается нежной зеленой растительностью, куда-то торопятся большие шары перекасти-поля, и над всем этим красиво парит орел — выискивает добычу. Воздух горчит от запаха полыни, и ветры вроде бы не так сильно дуют, и вообще все прекрасно и удивительно! А закаты и восходы солнца! Огромный раскаленный шар медленно и устало опускается за горизонт, после чего мгновенно наступает черная, как тушь, но еще знойная темнота. Ну и самое главное — где-то в конце апреля степь покрывается ковром из тюльпанов. Как же это красиво! Красные и желтые (почему-то только эти два цвета) тюльпаны везде, даже умудряются пролезть между плитами бетонки, при этом водители машин из всех сил стараются их не задеть и не помять. Кажется даже, что в период цветения тюльпанов жители полигона становятся как-то добрее и ласковее друг к другу, а количество проступков и нарушений дисциплины в частях точно уменьшается. А вот интересно: никто из политработников не догадался написать трактат или даже диссертацию о влиянии периода цветения тюльпанов на уровень дисциплины в частях полигона. Злободневная и актуальная была бы диссертация. Когда проезжаешь по такой «тюльпановой» степи, невольно в голове даже еще и в те далекие, не рыночные, времена зарождается навязчивая мысль: вот бы собрать всю эту красоту, нежно упаковать и привезти на рынок в Москву. Голова кружится от той суммы, которая получается после умножения стоимости на количество. Но вот за многие годы моего любования весенней казахской степью я что-то не припомню, чтобы тюльпаны Тюра-Тама собирались на продажу. Ранней весной их привозили в Москву, охапками дарили близким и знакомым, но никогда не продавали. Есть хорошее, очень лирическое стихотворение местного поэта о «тюльпанах байконурской стороны». Стихотворение это любил и очень проникновенно читал Герман Титов.

Основное целевое предназначение нашей молодой части — обеспечение подготовки к пуску и пуск

боевой ракеты Р-7 с боевым зарядом в ее головной части. Это первая войсковая часть Ракетных войск стратегического назначения, которая становилась на боевое дежурство. Практически все, что было связано с нашей частью, подходило под определение «впервые». Даже по структуре это новое войсковое образование существенно отличалось от обычных, общепринятых армейских понятий: взвод, рота, батарея. Может быть, из расчета, чтобы запутать вероятного противника, наша войсковая часть состояла из подразделений, которые носили несколько необычные по тем временам названия: группа, команда, отделение, расчет. Структура — «пирамидальная»: несколько расчетов составляли отделение, команда формировалась из отделений, а в группу входило несколько команд. Основная «боевая» единица — расчет. Начальниками (не командирами, тоже новшество) команд и групп были офицеры, как правило, бывшие артиллеристы-ракетчики (легендарные «Катюши»), многие из которых были участниками войны. Поначалу они имели очень смутное представление о той технике, которую должны эксплуатировать. Расчет — наиболее массовое подразделение, имеющее по своим функциям непосредственные контакты с техникой. Именно поэтому начальниками расчетов назначались, как правило, выпускники ростовского училища, как наиболее подготовленные специалисты. Правда, и их не хватало. Поэтому среди нас были и выпускники авиационных и даже военно-морских высших училищ. Если среди авиаторов особого шума не было, то моряки доставляли нашему начальству много хлопот. Помнится, они демонстративно не снимали свою черную морскую форму (это при 40-градусной жаре) и единственно, что допускали, так это заправляли свои широченные клешни в огромные кирзовые сапоги (пески Казахстана — это тебе не ласковый морской прибой). На моей памяти одному лишь такому ракетчику, потомственному моряку чуть ли не в пятом поколении, разрешили вернуться в родную стихию. С этим было очень строго. Были ростовчане

и среди начальников отделений, но это в основном более старшие выпуски. Государство не жалело средств на создание «ракетного щита Родины». Поэтому практически весь офицерский состав части имел высшее инженерное образование. А для эксплуатации и обеспечения боевой готовности маломальски значимой части или системы ракеты и создавались специальные расчеты. Вот и было, например, подразделение с таким витиеватым названием: «Расчет автономных испытаний автомата угловой стабилизации центрального блока ракеты Р-7». Несведущий сразу и не поймет, о чем идет речь. Придется пояснить.

В полете на ракету с работающими двигателями действует множество внешних и внутренних возмущающих факторов: перекос тяги за счет неравномерности работы двигателей, конструктивные особенности самой ракеты, факторы атмосферы и другие непрогнозируемые воздействия могут сбить ракету с расчетной траектории, что может привести к крайне нежелательным последствиям — ракета просто не долетит туда, куда надо. Жесткая «привязка» ракеты к заданной траектории и осуществляется как раз автоматом угловой стабилизации. Физическую основу этой системы составляет всем известная детская игрушка — волчок. Раскрутите сильно такой волчок и после этого попробуйте внешним усилием изменить положение оси, вокруг которой он вращается. Она, эта ось, будет упорно сопротивляться и сохранять свое исходное положение. Причем чем сильнее скорость вращения, тем стабильнее положение оси и тем сильнее она сопротивляется. В действительности роль таких волчков в ракетной технике выполняют сложнейшие гироскопические приборы (гироскопы), маховик (волчок) которых раскручивается до десятков тысяч оборотов в минуту. Кстати, это настолько сложный и капризный прибор, что для его обслуживания и проведения автономных испытаний имелся отдельный боевой расчет под командой лейтенанта Владимира Бахановского (тоже ростовчанин и мой земляк, как потом мы установи-

ли, мы родились в одном роддоме Новочеркаска с разницей в 10 дней. И такое бывает в ракетной технике!). А что, если расположить эти «волчки» на ракете так, чтобы сохраняющие свое положение оси маховиков трех гироскопов совпадали с тремя осями самой ракеты (вдоль оси, вращение «вправо — влево», «вверх — вниз» или по-ракетному: «по вертикали» и «по горизонтали»), а корпуса этих гироскопов «жестко» связать с корпусом самой ракеты. Если ракета начнет отклоняться по одной из этих осей (по «тангажу», по «рысканию» и по «вращению» — термины, знакомые любому ракетчику), то образующийся на датчике гироскопа электрический сигнал, пропорциональный углу отклонения, после сложных преобразований попадает на поворотные устройства двигательных установок, которые, отклоняясь в нужную сторону, возвращают ракету в исходное положение. Продолжается движение по расчетной траектории. Несмотря на такое упрощенное представление принципов работы автомата угловой стабилизации, это одна из сложнейших и интереснейших систем любой ракеты. И таких систем на ракете не один десяток. Была, например, такая система, которая отслеживала синхронность расхода топлива и окислителя во всех баках ракеты — тоже борьба за то, чтобы ракета не отклонялась от заданной траектории. Бдительно следил за подготовкой и испытаниями этой системы тоже отдельный боевой расчет, которым командовал выпускник авиационного училища Юра Михаленко. А Анатолий Батюня возглавлял боевой расчет (в составе одного подчиненного), который проверял работу системы аварийного подрыва ракеты в том случае, если она отклонилась, например, от заданной траектории, что могло бы привести к крайне нежелательным последствиям.

Задача начальника расчета автономных испытаний автомата угловой стабилизации центрального блока с вверенным ему личным составом (техник — лейтенант, старший сержант и рядовой) сводилась к тому, чтобы на этапе, когда ракета находится еще в монтажно-испытательном корпусе, проверить нор-

мальное функционирование «цепочки», последовательно состоящей из угловых датчиков гироскопов, нескольких приборов усиления и преобразования сигналов, полученных с этих датчиков, и механизмов поворота двигателей. Повернул датчик на небольшой угол — сигнал прошел на двигатели, которые отклоняются на некоторый угол и разворачивают ракету так, чтобы сигнал с датчика сводился на «нет». Все просто и понятно. На бумаге. На деле — это знание и четкое выполнение боевой инструкции членами расчета, знание и умение работать с каждым элементом этой самой «цепочки» (датчики — в головной части ракеты, рулевые машинки — в хвосте, расстояние между ними где-то метров 30), умение разобраться в возможных нештатных, а то и аварийных ситуациях. А такие ситуации бывали, и не раз. И вот тогда начинаешь «ползть» вдоль этой «цепочки»: отключать, проверять и обратно подключать приборы, проверять целостность электрических соединений, а также пытаться доказать, что причина отказа не в твоих приборах, а у «смежника» (например, не идет сигнал с датчика гироскопа — виноват уже Володя Бахановский со своим расчетом). После того как все маленькие и большие системы и подсистемы ракеты будут автономно проверены, уже другие расчеты проводят серию комплексных испытаний, когда максимально имитируется работа одновременно всех систем ракеты в соответствии с единой полетной циклограммой работы. Для нас это все было ново, интересно, познавательно, и мы с большим энтузиазмом проводили такие испытания. А ведь такие расчеты, отделения, команды были и по двигателям, и по системам заправки, и по стартовому оборудованию — в общем, по каждому элементу, входящему в понятие «ракетный комплекс». За каждой из таких систем — свой главный конструктор, свои разработчики, свои испытатели. И ведь все это надо собрать в единый, до мельчайших деталей отработанный механизм, в котором каждая система имеет свои функции, включается и выключается по единой циклограмме и при этом не создает помехи для работы

других систем. А если полезной нагрузкой такой ракеты является спутник или космический аппарат с человеком на борту! Это уже «ракетно-космический комплекс». И задача по его сборке, отработке, подготовке и проведению испытаний на полигоне неизмеримо усложняется. И все это доверили нам, молодым лейтенантам, только что со школьной скамьи. Мы старались изо всех сил!

Основным, базовым местом формирования части полковника Михеева была определена площадка № 2, что в километрах сорока от площадки № 10. Условия жизни как у солдат, так и у офицеров были не очень комфортными, к нам относились как к прикомандированным со всеми вытекающими отсюда последствиями. Да мы не очень-то и тужили. Солдаты — в казармах, офицеры — где придется. Короткий, правда, период, но приходилось жить и в купированных вагонах, и даже в землянках. Но потом все обустроилось, и нас, молодых и неженатых, разместили в бараках — длинных одноэтажных щитовидных тоскливых строениях с местами общественного пользования в полсотне метров в стороне. Мы с Батюней попали в хорошую, веселую компанию — соседями у нас были Юра Лупинос, наш однокурсник по Ростову, и Володя Магичев — симпатичный, компанейский парень, правда, не дурак выпить. Так мы и жили вчетвером, бегали на службу, питались в офицерской столовой, по вечерам «травили байки», которых больше всего знал и мастерски рассказывал Володя.

Мы с Батюней, как два начальника расчета, попали под начало нашего старого приятеля по Ростову капитана Анатолия Кепова, нормального, хорошего парня, у которого была одна «специфическая» особенность — он носил пенсне, что не раз являлось причиной розыгрышей и шуток в его адрес еще в ростовские времена. Однокурсник-то он был хороший, а каким будет командиром — посмотрим. У меня по моей должности были три подчиненных. Как звать-величать рядового с сержантом — не помню, а лейтенант Леня Лохматкин запомнился, правда, не по служебному рвению, а по своим донжуановским лихим

подвигам. Этот сплоченный воинский коллектив (коммунист, два комсомольца, беспартийный) под моим чутким руководством должен был решать в соответствии со штатным расписанием задачу — проведение автономных испытаний одной из важнейших систем — автомата угловой стабилизации ракеты. Впрочем, каждая из систем ракеты является важнейшей! Хотя с самого зарождения ракетной техники идет извечный спор между фирмами, разработчиками, испытателями — кто важнее и главнее и без каких систем и агрегатов ракета не взлетит или не долетит до цели. Многолетний опыт запусков ракет имеет и печальную статистику: ракеты взрывались на старте из-за того, что в приборе реле стояло не того типа, а космонавты гибли оттого, что не вовремя срабатывал какой-то клапан. И несмотря на это я влюблен был в свой автомат стабилизации и считал его самым главным в ракете! Конечно, мы, молодые лейтенанты, имели пока еще очень смутное представление о той технике, которую мы должны эксплуатировать после постановки ее на боевое дежурство, о той ответственности, которая ложится на наши еще неокрепшие плечи. Все это придет с годами.

Итак, мы формировали новую ракетную воинскую часть, а в это время здесь же на полигоне разработчики, представители промышленности и военные испытатели полигона отработывали многочисленные бортовые и наземные комплексы этой ракеты и производили ее опытные пуски. Они-то и были нашими учителями и наставниками. Основная масса испытателей полигона — это наши же ростовчане более ранних годов выпуска. Военные испытатели! Это — уникальнейшая когорта военных ракетчиков. Придет время, и мне и моим коллегам придется работать бок о бок с ними. А пока ответственным по отработке и испытаниям системы угловой стабилизации от полигона был капитан Поцелуев Александр Васильевич. Тот самый! Это наша с ним первая встреча, с которой и началась наша многолетняя дружба.

Что такое армейские будни в воинской части на этапе ее формирования? Здесь две основные зада-

чи — создание и сплачивание воинского коллектива и освоение матчасти. Как все просто — так, во всяком случае, думали мы, молодые лейтенанты. Но, как говорится, жизнь вносит свои коррективы. Учитывая, что мы были на полигоне на правах бедных родственников, нам всем, от командира части до рядового солдата, приходилось решать такие проблемы, о которых мы и слыхом не слыхивали. Ну, например, замполит поставил боевую задачу — срочно сделать и красочно оформить стенд «Ракетчики — надежный щит нашей Родины». А из чего делать, не сказал. Забыл, наверное. А кто нам даст краски, материал, тушь, да и простой линейкой-то не разживешься. А где достать лист фанеры, как основу для этого самого щита? Вот и ходишь по площадке — у кого попросишь, у кого обменяешь или купишь, а где и просто стащишь. Делали мы это с чистой совестью, ибо брали без разрешения не для своих корыстных целей, а ради благородной идеи повышения уровня боевой подготовки нашей молодой части.

Отработывали свои командирские навыки и командирский голос. С этой целью нас, молодых лейтенантов, назначали дежурными по части. Ответственная должность! Ты на сутки второе лицо после командира части, а в случае его отсутствия — первое. Поскольку командир все время здесь же крутится (а куда он денется в этой бескрайней казахской степи!), то до роли первого лица дело не доходило, а если честно, то и до второго тоже. И все же был момент, когда ты — в центре событий. Это — утренний развод части на учебные занятия и работы. На плацу в строю стоит вся наша часть — офицеры от лейтенанта до подполковника, сержанты, солдаты — огромная людская масса. Напротив строя стоишь ты, молодой лейтенант, дежурный по части. Сотни людей ждут твою команду. И ты начинаешь осипшим от волнения голосом: «Равняйся! Смирно!» — и ждешь появления командира части для доклада. Если ты смелый и хочешь покуражиться, то можешь дать команду «Отставить!» и заставить всех (и подполковников!) подравнять строй, подтянуть ремешки, прекра-

тить разговорчики в строю, выровнять носочки. И они все обязаны выполнить твою команду! Если ты уж совсем наглый и тебя прямо-таки распирает от ощущения власти над такой массой людей, то эту процедуру (выровнять, подтянуть, заправить) ты можешь повторить еще раз. Далее под марш оркестра (со временем он у нас появился) ты направляешься в сторону командира с докладом: «Товарищ полковник! Часть для развода на утренние занятия и работы построена. Дежурный по части лейтенант...» Бывало так, что Михеев просил передоложить, указав на недостатки и изъяны в твоём докладе. И это все на глазах у сотен людей, которые только что безропотно выполняли твои команды! Чувство собственного величия и упоения властью как-то смазывалось. Сдаешь смену — и ты опять простой лейтенант, которого любой старший лейтенант или капитан может послать куда хочет и заставить делать, что он посчитает нужным. Вот такие парадоксы лейтенантской службы!

Непосредственные контакты с сержантским и рядовым подчиненным личным составом запомнились мне по двум моментам. Помнится, ко мне как-то подошел мой сержант и прямо-таки убил меня проблемой, с которой он ко мне обратился. Мать написала ему в письме, что она отказывается от него как от сына, причем по смехотворной причине — сын редко пишет ей письма. Парень чуть не плачет, просит как-то помочь. Непростое начало моих контактов с подчиненным личным составом! Сели мы с моим опечаленным сержантиком, поговорили о житейском бытии, о его родных и близких, о его отношениях с мамой, а после этого сочинили душевное письмо домой. В письме рассказали, как хорошо парень служит, что начальство им довольно, а задержки с письмами связаны с выполнением сложнейших заданий, требующих много сил и времени. Вроде бы и парень, и его маманя успокоились. Но было и еще одно обстоятельство. У Юры Лупиноса в команде был сержант Заболотный — хороший, добросовестный парень. Я его знал. Как-то Юрина команда несла

караульную службу. В какой-то момент после смены караула один из солдат, фамилию не помню, но знаю, что он уже закончил техникум, взял из пирамиды автомат и хладнокровно выпустил половину обоймы в Заболотного, после чего спокойно отдал автомат разводящему. На следствии он так объяснил свой поступок: «Заболотный мне не нравится, он придирился ко мне». Вот как все просто и как мало нужно, чтобы отправить на тот свет хорошего человека. Это чрезвычайное происшествие — как взрыв бомбы в нашем молодом коллективе. Мало того, что у тебя чуть ли не на глазах убивают человека, так это все происходит в части, которая только еще формируется. Меня тоже вызывали к следователю: нет ли в нашем подразделении случаев издевательств сержантов и старослужащих над молодыми солдатами (по сегодняшнему — «дедовщина»). Я, конечно, все отрицал, хотя где-то незадолго до этой трагедии с удивлением увидел, что у одного солдата зашиты карманы брюк, а сами карманы набиты песком. Страдалец объяснил, что он часто ходил, засунув руки в карманы, за что сержант и приказал зашить карманы, предварительно заполнив их песком. Может, не педагогичное, но оригинальное решение! Если бы я не отменил это мудрое сержантское приказание, то уж точно, что этот солдатик где-нибудь обязательно потерял бы свои портки — при мне он высыпал из карманов килограмма два песка. Собственно, по этому поводу меня и таскали к следователю — может, я еще кого спас от сержантских издевательств. Но я честно признался, что это был мой единственный гуманный поступок.

Более интересно и целенаправленно решалась вторая задача — освоение матчасти. Собственно, матчасть — сухое, уставное слово. Его несколько несправедливо применять при рассказе о той технике, которую нам приходилось изучать на полигоне. Конечно, нам повезло. Ведь на полигоне: в его лабораториях, на испытательных стендах, пусковых площадках отрабатывалась современнейшая, уникальная техника — продукт самой передовой по тем временам научной, технической и конструкторской мыс-

ли. А отработку этой техники производили ученые, конструкторы, испытатели под руководством Сергея Павловича Королева. Мы, молодые, пока наблюдали за всем этим сложным процессом как бы со стороны и не предполагали, что совсем скоро станем его непосредственными участниками. Помнится, как с большим любопытством и интересом мы рассматривали и даже трогали руками в монтажно-испытательном корпусе площадки № 2 наш первый советский спутник Земли (помните: бип-бип-бип с орбиты?). Правда, это был его дублер, но все равно было приятно, что вот он рядом с тобой. Когда мы, будучи еще в Ростове, летним вечером 1957 года вместе с тысячами ростовчан вышли на набережную Дона посмотреть на пролетающий спутник (его хорошо было видно на фоне темного южного неба), то мы уж точно не предполагали, что придет время и мы сможем этот самый спутник потрогать руками. Если честно, то он на меня поначалу не произвел должного впечатления. Я никак не предполагал, что первый в мире спутник Земли, запуск которого произвел такой фурор в мире, на деле всего лишь маленький блестящий шарик диаметром не более метра, с четырьмя длинными, метра по три, усами — антеннами. Кстати, я долго не мог понять, как же эти пружинные антенны выполняют свои функции, если встречные потоки воздуха должны прижимать их к корпусу спутника. Потом мне популярно объяснили, что на тех высотах, где летают эти спутники, никаких встречных потоков нет, как нет и самой атмосферы. Вот с такого элементарнейшего ликбеза началось мое приобщение к космосу. Успокаивает и тешит лишь мысль, что это было не где-нибудь, а на полигоне, рядом с этим самым первым искусственным спутником нашей планеты.

Ракеты ракетами, служба службой, но мы не забывали и о культурном досуге. Начальству нашему было не до того, как мы проводим свое свободное от службы время. А это — субботний вечер и воскресенье, если ты не в наряде, конечно. Основное культурное субботнее мероприятие — прокрутка в бараке, клубе

второй площадки, какого-либо фильма, но явно не из серии «Взято в качестве трофея...», а после этого — здесь же, в зале, танцы. Партнерши — немногочисленные представительницы промышленности и работники пищеблока. С первой категорией сложновато — мужская половина гражданских командированных от промышленности, изрядно подогретая спиртом, не очень-то подпускала нас к своим коллегам, со второй — значительно проще, но похоже, российские кулинарные техникумы отправляли по разрядке в казахские степи не самых лучших своих представительниц. Поэтому местные эстеты, любители танцев и утонченной женской красоты (я, естественно, среди них) любыми правдами и неправдами стремились субботний вечер провести в обществе дам площадки № 10. Как правило, мы не успевали на мотовоз, который увозил по домам местных офицеров, поэтому добирались на попутных машинах. Бывало, повезет сразу, а бывало, что и стоишь на бетонке в шинелишке и в брючках навывпуск на пронзительном ветру, пока совсем не окоченеешь, плюнешь на все и вернешься в объятия местного пищеблока. А помню, один раз мы, человек пять, остановили грузовик, дружно забрались в кузов, тесно прижались друг к другу, чтобы не замерзнуть, и мигом домчались до цели — Дома офицеров на десятой площадке. Выходим на свет и к своему ужасу убеждаемся, что мы все с ног до головы, как кочегары, в угольной пыли. Оказывается, этот грузовичок привез уголь для котельной нашей площадки, водитель как-то запомнил предупредить нас об этом, а мы в темноте и на радостях поначалу и не обратили на это внимания. Культурное мероприятие было сорвано. И еще об одном культпоходе на «десятку» память сохранила зарубку. Со временем практически у каждого из наших любителей танцев на площадке № 10 появилась своя постоянная партнерша (пусть она так называется). Во всяком случае, мы по молодости были уверены, что эта дама сердца неделю сидит у окошка, вздыхает и ждет очередной субботы, когда на попутках примчится ее донжуан. Помнится

мне такой случай. В один из очередных «наскоков» на танцплощадку мне удалось познакомиться с девушкой по имени Лида. Естественно, что мы договорились, что продолжим наше томное танго в следующую субботу, в мой очередной приезд. Стал думать, чем отметить это знаменательное событие. А это были времена, когда на полигоне был строжайший «сухой» закон, с промышленниками — держателями спирта, мы еще тесно не контактировали, поэтому для нас, молодежи, это всегда была проблема. Проведя в течение недели сложные временные расчеты, в следующую субботу я был на станции Тюра-Там к тому моменту, когда проходил поезд Москва — Ташкент. Через три часа я был уже в соседнем городке Джусалы. Полчаса на то, чтобы в местном магазине купить пару бутылок портвейна с символическим названием «Лидия», и еще через три часа я уже подходил к танцплощадке, где меня конечно же с нетерпением ждала Лидия. Но увы и ах! — моя бывшая партнерша лихо отплясывала уже с другим лейтенантом. Все мои намеки на возможные сюрпризы, позвякивания драгоценными бутылками не увенчались успехом. Быстро оценив обстановку, я сразу же понял, что мой так хорошо продуманный план рухнул! В условиях острейшего дефицита по женской части это и понятно. Вокруг Лидии неотступно крутилась пара моих приятелей, а теперь уже — конкурентов и гнусных разлучников. Ситуация катастрофическая, я на грани поражения, в голове лихорадочно бродят мысли: самовольно покинул гарнизон, нарушил «сухой» закон, из скудного лейтенантского пайка потратил кучу денег. Факт налицо — я остался с «Лидией», но без Лидии. Печальный каламбур! Согрела лишь мысль, что хоть бутылки сохранию. Вот уж Володя Магичев обрадуется. Скажу, что специально ездил в Джусалы, чтобы доставить ему удовольствие. Вот так мы и веселились — молодые, здоровые, не обремененные еще семейными заботами и житейскими проблемами, жизнерадостные лейтенанты. Фантазии у местных и наших политработников хватало лишь на то, чтобы устраивать различные смот-

ры художественной самодеятельности да вечера семейного отдыха, в простонародье — все те же танцы. Да особо и винить их было не за что. Ни у кого даже и мыслей не было пригласить на полигон на гастроли столичный театр или популярную музыкальную группу. Не положено! Секретно! Ну мы-то ладно. Народ временный, через некоторое время покинем полигон (молодо-зелено! Мы были уверены, что наше постоянное место расположения будет где-то невдалеке от цивилизации!), а каково местным офицерам, о которых никто не знает и к которым никого не пускают. В 1958 году Н. С. Хрущев в одном из своих зарубежных выступлений так сказал о первых ракетчиках, первых испытателях: «...А кто конкретно эти люди — пока широко не известно. Тем, кто создал ракету и искусственные спутники Земли, мы воздвигнем обелиск, золотом напишем их славные имена, чтобы они в веках были известны потомкам. Да, когда придет время, будут опубликованы фотографии и имена этих прославленных людей, и они станут широко известны в народе. Мы очень ценим этих людей, дорожим ими, оберегаем их безопасность...» Хорошие слова! Вот только с безопасностью можно было бы и послабее. Куда уж безопаснее бескрайние казахские степи и строжайшие запреты на общение с внешним миром!

С большим интересом работали мы, молодые инженеры, в лабораториях и в тематических отделах полигона. От изучения документации мы постепенно переходили непосредственно к технике — приборам, блокам, коммутационным устройствам, бортовым источникам питания, сложному кабельному хозяйству ракеты. Нам это все было очень интересно, мы с удовольствием проводили много времени с офицерами полигона, к которым нас прикрепили, пытаясь познать как можно больше и быстрее все, что касается наших подопечных систем. Наш порыв руководством полигона и нашими командирами был замечен, и вскоре группа молодых специалистов нашей части была допущена к боевым работам — пускам опытных образцов ракет, которые проводи-

лись совместными расчетами разработчиков и испытателей полигона. Я был назначен дублером к Александру Поцелуеву. Если честно, все это было более привлекательно, чем проводить политзанятия с солдатами, заниматься обустройством нашей части, мастерить из воздуха агитационные щиты и ходить в наряды. Правда, наш друг и однокурсник Кепов потихонечку стал проявлять командирскую твердость и требовательность. Уж больно резкие переходы — еще полгода назад мы с ним ходили патрулем по центральной ростовской улице Энгельса, которая сейчас Садовая, со знанием дела обсуждали детали, достоинства и недостатки встречных представительниц прекрасного пола, а сегодня он с нами на «вы», а меня публично отчитал за то, что мой подчиненный рядовой заснул на политзанятиях. Я-то здесь при чем! На мое законное и справедливое возмущение товарищ капитан Кепов прочитывал мне маленькое нравоучение, поворачивал «кругом» и отправлял к подчиненному личному составу нести службу дальше и повышать уровень своей боевой и политической подготовки. Со временем все потихонечку уладилось, мы, молодежь, научились разумно сочетать отношения служебные и дружеские. И все же мой командир один раз, по моему глубокому убеждению, сорвался и несправедливо использовал свое служебное положение. Где-то в конце 1958 года прошел слух, что группа специалистов нашей части будет направлена на два-три месяца на практику в организации промышленности, где разрабатывались наши системы. А эти организации почти все расположены в Москве или под Москвой. Вот здорово! Каждый из нас думал, что именно он попадет в заветный список командирюемых в Москву. После уже поднадоевшего полигона с занудой Кеповым — попасть домой, к маме с папой, отоспаться и отъесться, нормально помыться в ванне, пощеголять в гражданском платье (лейтенантская форма уже стала обыденной, серой и скучной). Мы начинали бредить этой поездкой, особенно москвичи, прикидывали, анализировали, кто может поехать, а кто — нет. Вот, например, я — систе-

ма стабилизации сложнейшая, на полигоне ее не освоишь, в Москве проблем с жильем не будет, подчиненного личного состава — кот наплакал. У Батюни те же убедительные доводы (жить он будет у меня). Ну не Кепову же ехать в Москву, когда у него на плечах большое хозяйство, десятки офицеров и солдат, которыми надо же кому-то командовать. Так мы рассуждали с Батюней по вечерам, валяясь на кроватях после ужина. Как всегда наши доводы совпали с мнением начальства: я, Батюня и Юра Лупинос едем в Москву, Кепов остается с любимым личным составом. Все правильно и справедливо. Стали готовиться к поездке. Но как-то за неделю до этого долгожданного события, в субботу, мы закончили занятия с нашими расчетами где-то минут на 20—30 раньше, чем это положено (суббота ведь!), и со спокойной совестью разбрелись по своим баракам готовиться к вечерним культурным мероприятиям. И вдруг открывается дверь в нашу комнату, на пороге — сам капитан Кепов! «За срыв занятий объявляю вам двое суток ареста с содержанием на гауптвахте. В Москву вы не поедете». Я даже в первые мгновения и не понял, что эта его пламенная речь предназначалась для меня. А когда понял, то уже моего бывшего ростовского приятеля и след простыл — побоялся адекватной реакции с моей стороны, которую, я не сомневаюсь, поддержали бы не только словами, но и активными действиями мои товарищи по комнате и почти коллеги по командировке. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Что делать, куда бежать, кому жаловаться, когда все начальство разбрелось на выходные по своим баракам, землянкам, квартирам. Положение аховое. Москва растворяется в дымке казахских горизонтов. Все едут, а я нет! — эта мысль убивала меня наповал, был бы под рукой пистолет, я бы, наверное, произвел роковой выстрел с единственной светлой мыслью, что за это Кепов получит не двое суток гауптвахты, а несколько лет тюрьмы. Ни о каких танцульках в клубе не могло быть и речи, вся энергия моя была направлена на посылку проклятий и угроз в сторону Кепова и проработку вариантов выхода из

создавшегося критического (катастрофического!!!) положения. Так в муках и терзаниях, в жалости к самому себе и сетовании на несправедливости и несовершенство советской военной доктрины я провел два дня и одну бессонную ночь. За это время похудел, наверное, на пару килограммов. К утру понедельника я принял несколько оригинальное, но, думаю, правильное решение — пошел к замполиту капитану Морозову. Суть моей сбивчивой, но пламенной речи: «Отец родной! Наша партийная совесть! Не допусти разгула тирании во вверенном вам подразделении, защити ветерана партии, не дай потерять веру в справедливость, останови беззаконие! Спаси Буйновского! Если он не поедет в Москву изучать новую матчасть, то уровень боевой и политической подготовки нашего горячо любимого подразделения резко снизится!» Все это было выпалено на одном дыхании, вперемежку со сдерживаемыми рыданиями (почти настоящими) и должно было произвести надлежащий эффект. В конце своей пламенной речи я, по-моему, действительно чуть не захлопал носом и проникновенно попросил отпустить меня к папе с мамой. Не знаю, что больше подействовало на нашего добрейшего дядьку — замполита — личное ли обращение ветерана партии (не у всякого члена партии полтора года кандидатского стажа), или просто жалко стало сопливого парнишку, но Морозов обещал разобраться. Это — почти победа! Еще пара дней волнений и ожиданий — и вот справедливое, гуманное решение командования: взыскание — двое суток ареста — остается, но без отсидки, в Москву пусть едет. Вот так, Кепов! Не надо было будить во мне зверя! Со временем наши отношения с Кеповым наладились. Более того, еще даже до нашей командировки мы как-то собрались у нас в комнате, распили с трудом добытую бутылку спирта, с пониманием выслушали взволнованную речь Кепова, с сочувствием отнеслись к его проблемам (и в Москву хочется, и командовать нравится) и серьезно восприняли его обещание снять при первой же возможности с меня это несправедливое взыскание. На чем и разошлись. То-

ля Кепов оказался обязательным товарищем. Как-то подходит ко мне и сообщает радостную весть, что он снял с меня взыскание. Пришлось опять бежать к промышленникам клянчить очередную бутылку спирта. А вот пять лет спустя, когда я был уже в Звездном городке, меня вызвал начальник отдела кадров и, несколько смутившись, спросил, почему у меня есть неснятое взыскание (все те же двое суток гауптвахты!). Я удивился, стал тихим добрым словом вспоминать Кепова, его заверения и обещания, незаконно распитую бутылку спирта. А кадровик разволновался по другой причине: в отряд космонавтов попал человек с низкими моральными качествами, почти уголовник. Как же это он пропустил?! После долгих обсуждений мы с кадровиком приняли правильное решение — по обоюдному согласию сняли с меня взыскание, сделав соответствующую отписку в моей карточке взысканий и поощрений. По инерции хотел опять сбежать за бутылкой, но вовремя вспомнил, кто я теперь и что этот мой благородный порыв может обойтись мне боком. Почему этот случай с Кеповым вызвал у меня такую волну воспоминаний? Все очень просто! За 35 лет моей службы это единственное взыскание, записанное в моей учетной карточке, при наличии в ней более 50 поощрений от командиров различных уровней, вплоть до министра обороны.

И вот мы в Москве! Мы с Батюней живем у моих родителей, с утра добросовестно отправляемся на свои фирмы, а вечером навестываем упущенное и потерянное за время нашего отсутствия в столице, здесь нам помогает наш старший товарищ — Юра Лупинос. Кажется, делал это он с большим усердием! Как-то, помню, после очередной практической отработки теоретических знаний в условиях, максимально приближенных к боевым (в ресторане), мы с Анатолием ослабили бдительность и оставили Юру одного с моим отцом — уже пару лет, как на пенсии, но еще с полковничьей хваткой. Юра держался и молчал, как Зоя Космодемьянская, а мой заботливый папа прочитал ему небольшую, минут на тридцать, лекцию о вреде алкоголя и растленном влиянии на

зеленую молодежь типов, подобных Юре. И это вместо того, чтобы предложить нашему учителю бутылку пива! С его стороны это было бы своевременно и педагогично.

В этой командировке я впервые переступил порог института, где Главным конструктором был Николай Алексеевич Пилюгин — один из ближайших соратников Королева. Мне все здесь нравилось! И как разработчики колдуют над схемами, постоянно их дорабатывая и совершенствуя, и как рождается макетный образец будущего прибора, который потом долго испытатели отрабатывают на стенде, и как в монтажном цехе с помощью тоненьких девичьих пальчиков из хитроумнейших переплетений разноцветных проводков и бесчисленного количества электромагнитных реле, сопротивлений и конденсаторов прямо-таки на глазах рождается умнейший прибор системы управления ракеты. Мне нравилось общаться с создателями этих приборов, уточнять нюансы в схемах, отыскивать и устранять дефекты, или, как их называли, «бобы», я с удовольствием работал с испытателями на комплексных стендах, где на стеллажах была развернута практически вся система управления реальной ракеты — то, что никогда не увижу на полигоне. Особо мне нравилась работа с так называемыми «аварийными ситуациями», когда ты условно вводишь в схему какой-нибудь дефект, оцениваешь его последствия и затем ищешь пути выхода из этой самой аварийной ситуации.

Месяц командировки пролетел как один день. И вот снова знакомый поезд Москва — Ташкент, но уже — увы! — без писателя, быстренько Домчал нас до полигона, где с распростертыми объятиями нас ждал любимый Кепов. Времени на постепенное вхождение в армейскую жизнь нам не дали, ибо часть готовилась к ответственному мероприятию — контрольному запуску ракеты как заключительному этапу нашего формирования. На этом пуске должен быть маршал Неделин — командующий нашим молодым родом войск. Здесь уже не до выяснения отношений с Толей Кеповым. Мы все старались показать товар

лицом. Драили до блеска наши казармы, чистили территорию (хорошо хоть песок вокруг, а то в порыве энтузиазма и травку покрасили бы зеленой краской), отрабатывали строевые приемы, готовились к строевому смотру, украшали комнаты политпросветработы, ну и, конечно, самое главное — готовились к самостоятельной работе по подготовке ракеты на технической позиции и кульминации — ее пуску. Удачно пустили — всем «спасибо» и раздача благодарностей, авария по вине нашего расчета — раздача взысканий и, что самое обидное, отсрочка в признании нас как первой боевой единицы нового рода войск. Так что мы старались изо всех сил. Наши волнения и старания были не напрасны. Пуск прошел удачно, ну а строевые смотры, чистота в казармах и прочее — это все вторично. Здесь все нормально. До сих пор перед глазами картина: весь личный состав нашей части замер в едином строю, а перед строем — маршал Неделин. Он благодарит нас за удачный пуск, за то, что в сжатые сроки мы сумели сформировать коллектив и создать боеспособную часть. В заключение маршал объявил всем нам «благодарность» и приказал нашему командиру полковнику Михееву записать эту благодарность в карточку взысканий и поощрений каждого офицера.

Неделю мы приходили в себя после такого события. Пришло время, и мы стали готовиться к переезду (по-военному, передислокации) к нашему постоянному месту службы — где-то далеко на севере, под Архангельском. Во всяком случае, об этом ходили упорные слухи. Уже в августе 1959 года первые эшелоны с личным составом и техникой двинулись в сторону севера.

Командование полигона обратилось к нашему командиру с просьбой откомандировать нескольких наиболее подготовленных офицеров нашей части в распоряжение полигона для участия в очередных пусках ракет-носителей с космическими аппаратами на борту. Это обращение было воспринято нашими командирами как факт признания компетентности и авторитета нашей молодой части. Разрешение,

конечно, было дано. Все уехали, а несколько молодых лейтенантов, включая и меня с Батюней, остались на месяц на полигоне. Мы, конечно же, сразу перебрались жить на площадку № 10 и как местные старожилы каждый день ездили к месту своей работы на мотовозе. Кстати, в один из вечеров нас с Толей пригласил к себе домой на чашку чая Александр Васильевич Поцелуев. Вот тут-то я впервые встретился и познакомился с Лилией Александровной. Очарование этой встречи сохранилось до сих пор.

Приятные воспоминания оставил этот месяц. Мы как заправские испытатели принимали участие в подготовительных работах, отыскивали и устраняли многочисленные нестыковки и неувязки, ведь в те времена что ни пуск, то впервые, отрабатывали документацию, уже начинали потихонечку спорить с представителями промышленности. В эти времена у нас сложились хорошие отношения и деловые контакты с местными офицерами — большими энтузиастами ракетной и в последующем космической техники: конечно же с Александром Поцелуевым, Леонидом Кабачиновым, Василием Караваевым, Виталием Соколовым, Николаем Дмитриевым, Владимиром Патрушевым, Виктором Ионовым. Так уж получилось, что со многими из них судьба меня сводила не единожды.

Тот, кто прошел через полигон, кто начинал испытывать ракеты и спутники еще с Сергеем Павловичем Королевым, тот считался золотым фондом Ракетных войск со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как правило, большинство из «старичков» полигона заканчивали службу в Москве или Ленинграде в больших должностях и высоких званиях. Помнится, мы, еще будучи на полигоне, с интересом следили, как производил построения полигонной стартовой команды ее командир — старший лейтенант Рязских, кстати, тоже ростовчанин. Самым необычным было то, что докладывал ему (Равняйся! Смирно! Равнение направо!) его начальник штаба — подполковник. Интересно было наблюдать со стороны, как подполковник тянется в струнку перед стар-

шим лейтенантом. Придет время, и генерал-полковник Рязских будет одним из руководителей Ракетных войск стратегического назначения. А Виталий Григорьевич Соколов, Владимир Семенович Патрушев и Николай Егорович Дмитриев одно время даже будут моими начальниками, и так они хорошо выполнят эту миссию, что на пенсию уйдут в звании «генерал-майор», а Виталий Соколов — даже «генерал-лейтенант». Но ведь многие отдали и жизни на этом интересном, но тяжелом поприще. В конце 1960 года вместе с маршалом Неделиным погибли и много наших ростовчан. К сожалению, за годы становления ракетно-космической техники такие трагедии не единичны. Светлая память ребятам, в чью честь на полигоне установлен не один обелиск.

Ну что ж, пролетел и этот месяц. Грустно было расставаться с ребятами полигона, как-то мы уж втянулись в их работу, привыкли к общению с ними. Но впереди нас ждала Москва, целый месяц отпуска и, возможно, солнечное побережье Кавказа. О том, что через месяц нам предстоит отправиться на север, не хотелось думать.

А пока поезд Ташкент — Москва мчит нас в Москву!

17 декабря 1959 года... На тогда еще секретном полигоне «Плесецк» боевыми расчетами части полковника Михеева ведется напряженная работа по проведению испытаний и подготовке к пуску боевой ракеты Р-7. Заправленная ракета на старте. Остается одна команда: «Пуск». Но пуска не последовало. Топливо слили, ракету — в монтажный корпус, расчетам — «Отбой». Среди подразделений, выполнивших боевую задачу на «отлично», были и расчеты лейтенантов Буйновского, Батюни и Михаленко. Придет время, и этот день станет официальным праздником — Днем Ракетных войск стратегического назначения.

Слухи, бродившие в нашей среде еще в Тюра-Таме, оказались верными — новым местом расположения нашей части действительно был небольшой северный городок Плесецк, в нескольких километрах от которого и было развернуто большое строительство технических сооружений и жилых комплексов — всего того, что со временем открыто назовут северным полигоном «Плесецк». Но до этого было еще далеко. А пока мы выступали в роли первопроходцев.

Вот уж действительно из огня да в полымя! Если на

юге нас окружала бескрайняя пустыня, где каждое деревце на вес золота, то здесь, на севере, мы попали в царство вековых сосен и елей, где дремучие леса широко раскинулись на сотни километров вокруг и где обитали так хорошо знакомые нам по детским сказкам зверюшки: медведи, волки, лисы да зайчата. Вообще-то с ними тоже нежелательно встречаться в лесной чаще, но это все же не так страшно, как, к примеру, когда скорпион или фаланга заползет к тебе ночью под одеяло и подло всадит в тебя свое смертоносное жало. Наше северное зверье предпочитает, как правило, открытую схватку. К нашему приезду леса и все вокруг было уже покрыто толстым слоем чистейшего снега. Красота!

Плесецк образца поздней осени 1959 года — небольшой провинциальный город со сплошь деревянными постройками. В тихий, солнечный, морозный денек городок очень красив: из труб маленьких домишек уютно вьется дымок, а сам дом — точно крепость, со всех сторон окружен огромными сугробами из искрящегося на солнце снега. Основной вид транспорта зимой — лошадка с санями-розвальнями — тоже смотрится как-то мило и по-домашнему. Таким, в зимнем убранстве, мне и запомнился деревянный город Плесецк.

Была у этого симпатичного городка и своя достопримечательность, довольно-таки оригинальная. Суровые, дремучие леса (почти непроходимая тайга) являлись подходящими условиями для создания в окрестностях Плесецка многочисленных исправительных женских и мужских колоний и лагерей для заключенных, начало которым положено в печальные еще 30-е годы. В какой-то степени это отразилось и на самих жителях города: в общении с незнакомыми людьми чувствовался элемент настороженности и подозрительности. К началу строительства полигона значительная часть этих мрачных организаций была передислоцирована в другие, не менее отдаленные места. Наверное, за компанию с колониями убрали и переселенцев, которые после освобождения оставались жить здесь же неподалеку в крепких

добротных хуторах. Мы об этом могли лишь догадываться по брошенным многочисленным домам с хозяйственными пристройками вокруг нашей части, полностью пригодным для жилья. Такие пятистенки командование с удовольствием предлагало для жилья нашим молодым семейным парам (легко решалась жилищная проблема!), но практически никто на это не шел по вполне понятным причинам: молодая московская или ростовская девчужка не знала даже, с какой стороны подойти к русской печи и как ее затопить, да и страшно жить в одиночестве, в дремучем лесу, тем более что добраться до этого дома в распутицу можно было только на тракторе. Так что надежды наших командиров не оправдались, молодые семьи снимали углы у жителей Плесеца и ждали ордера в новые дома, которые интенсивно строились на площадке № 10 (как в Тюра-Таме!) нового полигона.

Мы, молодые, холостые, особо не обременяли наших отцов-командиров, поэтому о нашем житье-бытье они или вообще не думали, или вспоминали о нас в самый последний момент. Пришлось пожить нам и в бывших, еще не снесенных бараках для заключенных. При этом, насколько мне помнится, наше общежитие отличалось от жилья наших предшественников лишь персональными матрасами, чистым бельем да утепленными входными дверями. Рано утром, когда еще сумерки окутывают все вокруг и крепко держится ночной морозец, в бараке раздаётся: «Молоко привезли!» (а в тех условиях слышалось как: «Барак, подъем! На работу марш!»). Все-таки начальство о нас заботилось — договорилось с каким-то местным хозяйством или совхозом, что они по утрам будут доставлять нам, молодежи, утренний завтрак: пол-литра молока и полбуханки хлеба на каждого. И вот ежедневная утренняя процедура: каждый представитель славного офицерского корпуса хватает пол-литровую банку или что есть под рукой, вплоть до бутылки из-под вчерашнего пива, и в ночном одеянии мчится к дверям барака. Очень живописная, я вам должен сказать, картина — очередь из

молодых ребят в кальсонах и с кружками в руках! Да еще если учесть, что на улице уже крепенький морозец, а в бараке отсутствует почему-то паровое отопление. Но надо отдать должное нашим кормильцам: молоко свежайшее, почти парное, а хлеб — пышный, мягкий и еще теплый. Получив свою порцию, мы ее тут же уминали и после примитивного туалета двигались на службу — к любимому личному составу, к технике или на многочисленные хозяйственные работы.

Чтобы окончательно покончить с жилищной проблемой, пару слов о том, как мы жили до того момента, когда я покинул часть. На площадке № 2 (опять же как в Тюра-Таме!) стоит огромное, знакомое по своему назначению сооружение — монтажно-испытательный корпус, где проводятся работы по сборке, монтажу и испытаниям ракеты. Это здание где-то этажей семь-восемь высотой и метров под сотню длиной. Вот в этом-то «теремке» и нашло наше командование где-то под крышей большую комнату, куда в приказном порядке расселило 13 молодых лейтенантов, которые не сумели устроиться на «десятке» или не нашли убедительных аргументов в пользу проживания на частной квартире в Плесеце. Конечно, среди этих холостяков были и мы — я, Батюня, Михаленко. Наконец-то койки у нас были одноярусные. Это уже прогресс и шаг к цивилизации. Тепло. Вот уж за что действительно «спасибо» нашим заботливым командирам. При входе — маленькая раковина, естественно, с холодной водой, которая периодически отключается в интересах производственных нужд. И за это тоже спасибо — зубы почистить и физиономию ополоснуть хоть есть где. А вот с другими местами удовлетворения остальных естественных потребностей дело обстояло значительно хуже. Если вдруг, не дай бог, такая потребность появится в вечернее время, то нужно встать с койки, одеться потеплее, спуститься ногами (без лифта!) с восьмого этажа, пройти через весь монтажный корпус, выйти на улицу и проследовать еще метров 50 в сторону леса, где и расположено это самое место удовле-

ния твоих законных потребностей. А что делать? Верна русская пословица: хочешь жить — умей вертеться! (В данной ситуации можно чуть перефразировать.) Здесь и еще один фактор имел место. Волки. Уже были случаи, когда эти кровожадные звери загрызли двоих или троих человек в непосредственной близости от строительных площадок и жилья. А товарищу волку все равно, где обгладывать молодые лейтенантские косточки, — на дороге в Плесецк или рядом с интимным домиком с гордым одиноким названием «М». Я бы и не муссировал так подробно эту «естественную» тему, если бы время нашего проживания в монтажном корпусе не совпало с новой установкой верховного командования: теперь наш почтовый адрес не «Москва-400», а «Ленинград-300». Ну не смешно?! Уже позже я все-таки через отца, бывшего работника Генштаба, докопался до истины — какой же шутник придумывает для военных объектов такие закодированные, «отвлекающие» названия. Оказывается, где-то в коридорах Генштаба разместилось специальное подразделение, где в течение рабочего дня умные дяди (уж, наверное, подполковники и полковники!) только и делают, что листают словари в поиске «мудреных» слов. Дело-то это, конечно, нужное, но поручили его, я в этом уверен, большим острякам! Уже много позже, работая в центральном аппарате Минобороны, мне приходилось сталкиваться с научно-исследовательскими работами с условными названиями типа «Кирза-8», «Капрон-3». Помню, даже пришлось как-то писать объяснительную записку большому начальству с разъяснением одного из таких экзотических названий.

Служба наша проходила, с одной стороны, уже вроде бы как и однообразно (традиционная борьба с Кеповым, общение с личным составом, совершенствование навыков работы с техникой, хождение в нарядах и т. п.), но с другой — суровые условия Севера и стремление выжить в этих условиях вносили свои специфические тонкости в наш воинский быт. Например, вызывает начальник штаба и дает вводную:

«Вот тебе десять солдат, два бульдозера, пять бензопил (кажется, знаменитая «Дружба») и марш в лес на заготовку дров». Приказ есть приказ. Надо выполнять. Но как?! Ну, с солдатами ясно: равняйся, смиренно, в лес шагом марш! У пилы дернул за веревочку, пила завелась, прислонил ее к вековой сосне — она упала. Здесь тоже все вроде бы ясно. Но с какой стороны подойти к бульдозеру и каковы его функции в этой операции — никто не счел нужным мне разъяснить. А дрова нужны! По планам наших командиров, наш рядовой и сержантский состав собирался зимовать в больших, человек на сорок, утепленных палатках, где всю ночь должна топиться огромная железная печь. Даже в состав суточного наряда был введен специальный дневальный, чтобы следить за этой печью. Ну что ж, надо же заботиться о своих подчиненных — стал изучать устройство бульдозера и, самое главное, как управлять его рычагами, чтобы этот монстр двигался в нужном направлении. С грехом пополам разобрались с рычагами и даже определили функции, которые должен выполнять этот чертов бульдозер. Мы решили, что он будет у нас трелевочным трактором. Решение свежее и оригинальное! Теоретически подковавшись, я двинул свою механизированную колонну в лес на заготовку дровишек. Скажу честно: мы наломали дров больше, чем набил тарелок и плошек слон, попавший в посудную лавку! И какой лес мы губили! Говаривали, что еще со времен Петра Первого эти места славились отборным мачтовым лесом. И действительно, стоит стройная, прямая, как игла, многолетняя сосна без единого сучка и задоринки. Легонечко спили ее, аккуратненько положи на землю, обруби верхушечку — и готов прекрасный строительный материал. Хоть с ходу отправляй на экспорт. В порыве нездорового азарта мы, точнее я, как командир-бригадир, тоже выбирали стройненькие, высоченные сосенки, валили их как попало, бросали, если она, бедненькая, где-то зацепилась верхушкой, переходили к следующей, если наш универсальный бульдозер-трактор не мог ее зацепить, то мы ее тоже бросали и намечали следую-

щую жертву. Конечно, задание мы выполнили, наши солдаты зимовали в тепле, но во что это обошлось нашему тогда еще социалистическому государству — одному Богу известно.

Пришлось мне немножко поработать и такелажником. Опять же вызывает командир и дает вводную: бери солдат, отправляйся в автопарк и организуй погрузку на железнодорожную платформу трех спецмашин (огромные МАЗы, крытые кузова которых забиты приборами и оборудованием) для отправки их на завод-изготовитель. «Есть!» — бодро ответил я и пошел выполнять приказ. Думал, управлюсь за пару часов. А что тут такого — сел за руль, подкатил к платформе, подставил пару бревнышек, забрался на платформу — всего делов-то! Но жизнь, как всегда, вносит свои коррективы. Короче, я с этими машинами провозился три или четыре дня! Во-первых, мне пришлось изучить кучу железнодорожных инструкций и наставлений о том, как в соответствии с ГОСТами грузить, крепить и транспортировать крупногабаритный груз на железных дорогах Советского Союза. Далее выяснилось, что бревнышками не обойдешься, надо искать железнодорожную ветку, где есть специальная погрузочная площадка. И дальше пошло-поехало! То провод для крепежа не того диаметра, то солдаты куда-то разбежались, то платформа где-то застряла, а когда я ее нашел и с радостью пригнал машины к этой самой погрузочной площадке, то выяснилось, что она не под ту массу и габариты. В общем, к тому моменту, когда я все же погрузил и отправил эти злосчастные спецмашины, я был уже почти профессионал в области погрузки-разгрузки крупногабаритных железнодорожных грузов. Ну, а профессия строителя вообще стала почти для всех нас второй специальностью. Наш быт создавался нашими же руками. Хочешь жить в тепле и уюте — подстраивай, подмазывай, конопать, утеплий, что мы и делали. Кстати, не только для себя, но и для своих подчиненных.

И все это под командой нашего неутомонного Кепова. Он все так же бегают, хлопочет, старается сде-

лать всем нам — своим подчиненным — как можно лучше (здесь он молодец, надо отдать ему должное), но при этом все же не забывает об одной из главных своих задач — воспитывать Буйновского. Кстати, условия сурового Севера заставили нашего командира заменить свое пижонское пенсне на обычные окуляры, такие же, как на фотографии у известного учителя и воспитателя советской шпаны Макаренко. А может, и не Север здесь виноват, а просто Толя «косил» под Макаренко, тем более что объекты их воспитательной работы в чем-то были схожи.

В ноябре 1959 года, перед октябрьскими праздниками, я упросил Кепова отпустить меня на праздники домой, в Москву, к родителям. Разрешил, причем безо всяких предварительных условий и каких-то обязательств с моей стороны.

С огромным удовольствием и удовлетворением провел три дня в кругу своих родных — отца, матери, сестры. Я хоть и с 14 лет вроде бы как самостоятельный мужчина и почти на государственном обеспечении, но где бы я ни находился и какие бы расстояния меня ни отделяли от Москвы, я всегда остро чувствовал особый, кажется, присущий именно нашей семье уют, радушие, доброжелательное, внимательное, какое-то подчеркнуто-влюбленное отношение друг к другу, царившее в нашей семье. Ни между папой и мамой, ни между родителями и нами, детьми, не было скандалов и каких-то крупных разборок, все проблемы решались сообща, на семейных советах, при этом, если меня не было в Москве, свою точку зрения я отправлял письмом, и мне было приятно, что к моему мнению, как правило, прислушивались. Я уж не говорю о том, что с мамой у меня были особые, заложенные еще в военные годы теплые, трогательные отношения. Папа у нас был философом, глубоко убежденным, что любой конфликт, любую сложную ситуацию можно разрешить мирным путем, через убеждения, сравнения, неопровержимые факты и доказательства. Я его за это называл «марксистом». А какие душевные, умные и поучительные поздравительные открытки, точнее послания, писал он нам —

вначале маме и нам с сестрой, а со временем не обходился своим вниманием внучат и даже правнуков, которые еще и читать-то не умели. Каждому он находил мудрое слово, каждому индивидуально желал именно то, о чем мечтал или к чему стремился юбиляр. К концу 1959 года моя семья жила уже в уютной отдельной (!) двухкомнатной квартире в большом «генеральском» доме, что прямо у метро «Сокол». Примечателен двор этого дома тех времен — весной это огромный цветущий сад (это в Москве-то!), благоухающий запахами цветущих вишен и яблонь вперемежку с дурманящим ароматом сирени и роз. Красота неопишная с балкона нашего девятого этажа! И я находился в каких-то пятнадцати часах езды поездом от моего родного дома! Спасибо Кепову, что он отпустил меня домой, где я получил заряд бодрости и родительской ласки.

Постепенно мы начали втягиваться в нашу повседневную воинскую действительность с ее обязательными, каждодневными проблемами: работа с техникой, воспитательная работа с подчиненным личным составом, наряды и вечная проблема обустройства. Мы, неженатая молодежь, при этом еще прилагали дополнительные усилия в поиске мест и времени для проведения своего досуга с одновременным повышением культурного и эстетического уровня. О спортзале пока говорить не приходится, так что моя любимая гимнастика, на что я с удовольствием тратил массу свободного времени, уходит на второй план, с художественной литературой тоже пока напряженка: какая там библиотека, когда на носу зима! Так что пошли старыми испытанными тропами: дружеское холостяцкое застолье, у любителей — картишки, ну и, конечно, походы на танцы куда-нибудь в Дом культуры военных строителей, а то и в Плесецк. Кстати, женская половина этого культурного мероприятия мало чем отличалась от тюратамского варианта: представители пищеблока да пара молоденьких офицерских жен, каким-то образом сумевших усыпить бдительность своих пока еще неопытных мужей. Среди моих коллег находились и

такие приткие искатели приключений, которые в свободное от службы время повадились ходить в гости в близлежащие лагеря для заключенных. Женские, конечно. С ходу так и не сообразишь, что же их туда манило? Думаю, что в порядке шефства молодые комсомольцы-добровольцы типа моего подчиненного Лени Лохматкина проводили индивидуальную воспитательную работу с наиболее выдающимися и трудновоспитуемыми обитательницами этого оригинального учебного заведения. Нетрудно представить выражение лица и словесную реакцию нашего замполита Морозова, когда он узнал о творческой инициативе своих подчиненных. Так вот и отдохали и идейно обогащались.

Приближался 1960 год. Мы небольшой компанией решили встретить этот праздник в Плесецке, у нашего приятеля Володи Жадаева, который снимал комнату у одной старушки. Ну, закупили, что положено, каждый наметил для себя даму сердца, которая должна разделить с ним праздничное застолье. Поработал в этом направлении и я. Как-то, прогуливаясь по проспектам и бульварам нашего «северного Парижа», я познакомился с симпатичной девушкой по имени Лариса. Основываясь на своем богатом в этой области жизненном опыте, я попытался пойти по проторенной дорожке — поискать что-либо типа портвейна с названием «Лариса». Как ни странно, в близлежащей округе любовного напитка с таким эротическим названием не было, а до Москвы далеко. Пришлось так, на словах, через туманные намеки и обещания просить Ларису составить мне компанию на нашем импровизированном новогоднем балу. Согласилась. За два дня до Нового года, 30 декабря, на разводе Кепов, как всегда, раздавал указания и ставил задачи перед личным составом. Закончил эту процедуру он следующей пламенной речью: «Ну а теперь я вас всех поздравляю с наступающим Новым годом. Желаю встретить его тепло и радостно в кругу своих друзей и близких. Новогоднюю ночь с подчиненным личным составом проведет лейтенант Буйновский, которого я отпускал домой на октябрь-

ские праздники. Прошу расходиться». Все разошлись, а я один остался стоять как вкопанный и с открытым ртом. Опять Кепов поставил передо мной трудноразрешимую задачу: что делать? Куда бежать? Кому жаловаться? Как достойно ответить Кепову, которого, кстати, и след простыл. Что ж, я действительно ездил на праздники в Москву, но при этом не давал никаких обещаний, что за это буду веселить наших солдат в новогоднюю ночь. Прикупил меня мой бывший дружок. Мысленно трансформировав Кепову все, что я о нем думаю, я стал лихорадочно прикидывать, как достойно выйти из сложившейся ситуации. Прежде всего, я договорился с ребятами, чтобы они не все съели и не все выпили до моего прихода, а оставили мою законную порцию. Обещали. Сложнее с Ларисой. Хватит ли у нее силы воли и комсомольской выдержки, чтобы дождаться моего прихода. Как поведут себя друзья-товарищи? Печальный тюратамский опыт подсказывает мне, что на них надеяться особо не приходится. С такими печальными мыслями 31 декабря в 23 часа 45 минут я построил в казарме личный состав нашей команды, поздравил их с Новым годом от имени ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС, ЦК комсомола и лично от товарища капитана Кепова (пусть шампанское попадет ему не в то горло!). После боя курантов я разрешил молодым ребятам немножко повеселиться, попеть и поучаствовать в аттракционах. Помню только один — на веревке развешаны на ниточках сладости. Жаждающий получить конфетку с завязанными глазами с помощью ножниц пытается это сделать. Кому-то повезло. Но мысли мои были далеки от этого бурного веселья. Где-то уже через полчаса после Нового года мне удалось утихомирить своих подопечных и уложить их спать. Выполнив эту печальную миссию, я побрел к себе под крышу монтажного корпуса, где мои оставшиеся немногочисленные коллеги (такие же неудачники, как и я) тихо-мирно встречали Новый год. Хорошо помню утро первого дня 1960 года. Прекрасный солнечный денек, легкий морозец, все покрыто чистейшим, искрящимся на солнце снегом. Автобус

в Плесецк будет ближе к вечеру, поэтому я не придумал ничего лучшего, чем встать на лыжи и по свежему снежку побродить по близлежащим опушкам. В лес не углублялся, боялся, что встреча с волками может нарушить мои вечерние планы. Вечером же на крыльях любви и надежды примчался на бал к Володиной старушке. Скажу коротко — ребята не подвели, Лариса держалась стойко. И снова жизнь прекрасна! Праздник продолжается!

Милый Кепов! Если доведется тебе прочитать эти строки, не обижайся и не суди меня строго. И двое суток ты мне конечно вlepил, и в Москву не отпускал, и Ларису чуть из-за тебя не потерял. Все это было, и против исторических фактов не попрешь. Но все это было не так уж трагично. Где-то я чуток сгустил краски, где-то преувеличил, а где-то приукрасил. Это так, для красного словца. Так уж получилось, что наши с Анатолием Кеповым жизненные пути и наша служба кроме Севера дальше нигде не пересекались. Но память моя хранит воспоминания о нем как об исключительно честном, порядочном, интеллигентном человеке и все-таки справедливым командире, верном, отзывчивом друге и просто хорошем человеке! А пару лет назад мне вдруг звонок. Кепов! Прочитал, мол, в Интернете твои воспоминания, давай встретимся. Лихорадочно мыслю: к чему бы это? Просто так или для разборки? Я предложил встретиться и посидеть где-нибудь в кафе. Нет, сказал Анатолий, давай на улице. Я забеспокоился — бить, что ли, собирается? Напряженно жду его около своей машины, уточнив, на всякий случай, местонахождение монтировки. Дело обошлось без драки. Часов пять мой ростовский дружок рассказывал мне о своем житье-бытье, о невзгодах, которые выпали на его плечи, сетовал, что я веду спокойный пенсионный образ жизни, и удивлялся, что не встречал меня на баррикадах у Белого дома. Я уж сам стал спрашивать про мои воспоминания. «Нормальные», — коротко ответил Кепов и продолжал активно агитировать меня вступить в ряды макашовцев, при этом читая выдержки из трактатов и книг, которые он привез с собой. Я был согласен на

все, только чтобы он отпустил меня домой. Вот такой мой однокурсник, товарищ и командир Анатолий Никитьевич Кепов!

Где-то с декабря 1959 года наша часть начала готовиться к ответственному мероприятию — контрольному пуску ракеты. Сложная, большая работа. Военными строителями и промышленностью построены огромный комплекс зданий и сооружений, проложены заправочные и топливные коммуникации, развернуто техническое и стартовое оборудование. Это все мы будем эксплуатировать. А пока все это нам, будущим хозяевам, нужно изучить, освоить, понимая при этом, что у тебя за спиной уже не стоит Саша Пецелуев, который в любой момент может предотвратить твои неправильные действия.

В подготовительных работах по обеспечению пуска ракеты принимали участие многочисленные представители различных промышленных организаций и заводов, среди которых были и специалисты института Николая Алексеевича Пилюгина, где я когда-то проходил двухмесячную стажировку. По роду своих небольших, но ответственных служебных обязанностей мне приходилось контактировать с «пилюгинцами» и с представителем Минобороны на этой фирме — подполковником Михаилом Наумовичем Брегманом, явно не донским казаком, но человеком симпатичным, интеллигентным и, естественно, умным. Вот с ним-то я и заговорил впервые о возможном моем переводе в Москву, в представительство заказчика при организации Пилюгина. Михаил Наумович, пообщавшись со мной по делам чисто техническим, понял, что я в системах управления ракет что-то соображаю, и сразу же положительно среагировал на мою робкую просьбу, но с одним лишь условием, что меня отпускает мое командование. А вот в этом самом «но» и была загвоздка. Генерал Григорьев только что издал приказ, категорически запрещающий обращаться к нему с просьбой о переводе в другое место службы (как правило, в Москву). У меня, как я полагал, были достаточные аргументы, которые позволили бы мне хотя бы записаться к не-

му на прием. Во-первых, я сам, по собственной инициативе попал в эту часть. Не очень что бы уж так убедительно и безотбойно, но все же. Вторая причина более веская. В 1957 году отца, 42-летнего полковника Генштаба и участника войны, увольняют из армии, хотя ему осталось дослужить до законных 25 лет каких-то полтора года. А по тем временам 25 лет выслуги — это и приличная пенсия, и ведомственная поликлиника, и другие материальные блага. Уйти из армии и устроиться на «гражданке» кадровому военному в 42 года, когда у тебя за плечами только довоенные курсы бухгалтеров-экономистов, военнополитическое училище, две войны и военная академия — это, я вам скажу, дело не простое. К месту будет вспомнить, когда приблизительно в такой же ситуации, но только лет так через сорок, ко мне (я в эти годы работал в институте Министерства иностранных дел) устраиваться на работу пришел 42-летний полковник, только что уволившийся из рядов армии. По его анкете он имел высшее техническое (Московский авиационный институт), высшее военное (Военная академия связи), высшее экономическое (Школа бизнеса при Академии экономики) образование. Свободно владеет английским языком, профессионально знает компьютер с современными программными продуктами. Я, конечно, готов был сразу же взять его на работу. Но не тут-то было! Хотя и престижная работа в этом ведомстве, но платят мало. Парень знал себе цену: пошел куда-то в коммерческую структуру. Да! Это тебе не полковник с довоенными курсами плановика. Другие времена — другие потребности и возможности. В общем, положение в нашем семействе в те годы было не из радостных. Оторванный от дома, я очень переживал за своих родных. Мне казалось, будь мы вместе, то если не материально, то уж морально нам точно было бы легче. Но как с этими нашими семейными бедами и проблемами идти к Григорьеву, у которого своих забот полно, я не знал, боялся и не решался. Первое время после увольнения отец был настроен еще более менее оптимистично, но по мере того как пол-

ковничьи запасы исчерпывались, а подходящей работы так и не было, все мы пришли в уныние, в котором и находились вплоть до начала 1960 года. Что делать, записался на прием к Григорьеву. Шел как на плаху, не очень надеясь на положительный исход. Михаил Григорьевич встретил меня довольно-таки любезно (мне явно повезло — видно, у него было хорошее настроение), про ГУМ впрямую не говорили, но по ходу разговора я понял, что это наше совместное посещение демонстрационного зала он помнит, вспомнили о встречах в Генштабе с моим отцом, спросил, как он. Ну, тут я ему с надрывом в голосе и рассказал о наших семейных бедах. Он воспринял мой сбивчивый рассказ с пониманием и... отпустил меня к моим родителям в Москву. Спасибо ему за это! Спустя некоторое время после того, как вопрос о моем переводе был окончательно решен, отец написал Михаилу Григорьевичу большое благодарственное и очень проникновенное (а это он умел) письмо. Больше судьба меня не сводила лично с генерал-полковником Григорьевым — первым заместителем главнокомандующего Ракетных войск стратегического назначения, но с подполковником Олегом Григорьевым мне пришлось послужить. Я всегда относился к нему с внутренней симпатией и добротой как к сыну человека, так повлиявшего на мою судьбу.

Дальнейшие события развивались по отработанному сценарию. Я отпросился у Кепова на пару дней в Москву, встретился с Брегманом, заполнил какие-то анкеты и с легким сердцем вернулся в Плесецк. Грустно все-таки было расставаться с моими однополчанами. Мало мы прослужили вместе. Но какие это были времена! Начинать новое дело всегда трудно, а если приходилось начинать практически с «нуля» в песках Казахстана или в северных болотистых лесах, то это трудно вдвойне. Многие конечно же мне завидовали, но больше всех переживал мой отъезд мой друг Анатолий Батюня. Ведь у него фактически были те же «козыри», что и у меня: и ГУМ, и отец к этому моменту вышел на пенсию. Правда, пенсия генерал-полковника была несколько больше пенсии

полковника, которому Хрущев не дал дослужить полтора года до нормальной «полковничьей» пенсии. Этот фактор, наверное, и удержал Толю от обращения к Григорьеву. Прощаясь с ребятами, я, конечно же, не знал, что со многими из них я расстанусь ненадолго, что придет время — и по разным причинам многие из моих войсковых друзей, с которыми я прощался в феврале 1960 года, тоже будут служить в Москве, и в числе первых среди них будет мой друг Батюня.

А жалел ли я сам о том, что вынужден фактически прервать свою карьеру войскового офицера? Даже и не знаю. Ведь с 14 лет я уже носил форму, рано отработал командирский голос, почувствовал уже «вкус» к командованию, мне нравился четкий воинский порядок, меня не смущали «тяготы и лишения воинской службы». Служи честно и добросовестно, проявляй смекалку и инициативу, и придет время, когда на твоих плечах засияют генеральские погоны. А если не хочешь быть генералом, тогда зачем все это?! Плох тот солдат, который в своем ранце не носит жезл маршала — мудрые слова прославленного полководца! Под таким девизом я и пошел служить в армию. Здесь я не оригинален. Но и армия уже не та! Звание мое было «инженер-лейтенант». Инженер! Как-то так получилось, что маршальский жезл я отправил в дальний угол своего ранца, а его место постепенно заняли приборы, схемы, сложнейшие бортовые и наземные комплексы ракет, а потом уже и космических аппаратов. А если появилась возможность принять посильное участие в разработке и создании таких комплексов, то здесь и думать нечего. Поэтому я и просил Григорьева отпустить меня в Москву не куда-либо в штаб или многочисленные интендантские военные организации, а именно в представительство заказчика, поближе к так полюбившимся мне электрическим схемам.

Моя служба в частях была короткой, но до предела «спрессованной» множеством событий и встреч, о которых я помню и которые дают мне в последующем полное право и основание говорить: «Да! Я слу-

жил в частях и горжусь этим». Конечно, годы войсковой службы — лишь маленькая толика, почти мгновение из 35 лет моей жизни, которые я отдал ракетной, а потом ракетно-космической технике. Но этот период был своеобразным трамплином, первоначальной ступенькой для моей последующей очень интересной, весьма насыщенной и многообразной службы. Да и жизни, наверное, в целом!

ИСПЫТАТЕЛИ РАКЕТ

Утро 12 апреля 1961 года... Только что прозвучало знаменитое гагаринское «Поехали!». Все бросились в здание, где в одной из комнат установлена аппаратура для связи с космонавтом после выхода его на орбиту. Народу — яблоку некуда упасть. А в соседней комнате три свидетеля этого исторического события выпили по стакану настоящей московской водки в честь первого советского космонавта, о полете которого никто еще и не знает. Выпили первыми в мире! Среди этих энтузиастов — участник этого пуска старший лейтенант Буйновский.

Ну вот я и в Москве! После девяти лет скитаний по казармам, гостиницам, столовым я дома, в кругу своих родных и близких. Первые восторженные дни после моего приезда прошли, жизнь постепенно вошла в свое нормальное повседневное русло. Я — военный представитель при организации, где создаются системы управления для ракет и космических аппаратов.

Среди многочисленных новшеств царя-преобразователя Петра Первого есть и указ от 11 января 1723 года о создании на Тульском оружейном заводе (по

сегодняшнему) службы контроля за качеством изготавливаемых заводом ружей, пицалей, пушек и другого военного снаряжения. При этом если дьяк, которому поручено вести контроль, пропускал некачественную продукцию, он должен был всенародно подвергнуться битью палками, а количество ударов зависело напрямую от степени вины этого контролера. Вот отсюда, наверное, и пошли военные представители (военпреды), основная функция которых — защищать интересы Министерства обороны на предприятиях и в организациях, где разрабатывается и производится военная продукция. Со временем эти самые «дьяки» составляли уже большую армию высококвалифицированных военных специалистов. В этом военном образовании были и свои специфические особенности. Например, только среди военпредов уже в советские времена была такая очень солидная и авторитетная должность «районный инженер» со штатной категорией «полковник», которая в армейской среде соответствует где-то должности командира дивизии. Но если командира дивизии в академии учат, как правильно командовать полками, то у военпреда за плечами лишь практические навыки да большой жизненный опыт.

Трудная, но и интересная военпредовская доля! Для того чтобы контролировать весь процесс создания нового образца от момента его задумки до воплощения в «железе», нужно обладать теоретическими знаниями и практическим опытом работы, по крайней мере, на уровне того специалиста, результат творческой деятельности которого ты принимаешь. Оригинальный вид вооруженных сил! Сами не стреляют, на амбразуру грудью не бросаются, да и под пули-то редко попадают, но военпреды — непосредственные участники процессов зарождения, создания и принятия на вооружение новых современных образцов военной техники. В годы войны каждый снаряд, каждая пушка, каждый самолет попадают на фронт только после того, как военпред поставит свою разрешающую подпись, которая значит, что пушка будет стрелять, самолет полетит. Даже в те су-

ровые годы страна считала необходимым сохранить институт военпредов. И история показала — военпреды не подвели! С 1943 года и до конца войны военпред Керимов принимал на заводе снаряды для знаменитых «катюш». А пройдет немного времени — и Герой Социалистического Труда генерал-лейтенант Керим Алиевич Керимов долгие 25 лет будет председателем государственной комиссии по пилотируемым пускам принимать предстартовые рапорты практически всех наших первых космонавтов.

В деле зарождения и развития отечественного ракетостроения и космонавтики большой отряд военпредов принимал самое активное и непосредственное участие. И надо отдать должное создателям этой техники — и Королев, и его сподвижники серьезно и с большим вниманием относились к деятельности представителя заказчика. В свое время достаточно четко определил место военных специалистов в ракетно-космической технике заместитель Королева Анатолий Петрович Абрамов: «Диапазон деятельности военных специалистов практически охватывает весь технологический процесс создания ракетного комплекса, начиная с проектирования и кончая испытаниями. Среди них много настоящих творческих работников, по своей подготовке не уступающих специалистам промышленности. Деятельность их исключительно важна именно в ракетной технике, так как в ракете, являющейся изделием одноразового применения, отказ одного узла или даже детали может привести к невыполнению задачи...» Хорошие, объективные слова!

Надо сказать, что по жизни умный, принципиальный, технически грамотный и логически мыслящий, умеющий сознательно идти на компромиссы, но никогда в ущерб интересов своего ведомства — такой военный специалист неизменно пользовался уважением и авторитетом среди разработчиков и создателей ракетно-космической техники. Есть такой культовый фильм «Укрощение огня», который вот уже многие годы показывают по телевидению накануне Дня космонавтики. Пожалуй, это единственное про-

изведение искусства, где как-то отражена роль военпреда в космической тематике и отношение к нему со стороны Главного конструктора Королева. И примечательно, что в 1952 году после окончания академии военпредом — ведущим специалистом по ракете Р-7 был назначен Александр Александрович Максимов, будущий Начальник космических средств Министерства обороны. Вот в таком специфическом воинском подразделении мне и предстояло нести дальнейшую воинскую службу!

Научно-исследовательский институт по системам управления ракет (НИИ 885) располагался в те времена на Авиамоторной улице, что в районе шоссе Энтузиастов. Директором института и главным конструктором по радиосистемам управления был Михаил Сергеевич Рязанский, а его заместителем и главным конструктором по автономным системам управления — Николай Алексеевич Пилогин. Оба — ближайшие сподвижники Королева, входящие в его знаменитую «шестерку» Совета Главных конструкторов. Естественно, что все, что проектировалось, создавалось, собиралось в этом институте, делалось под неусыпным контролем военного представительства, которым тогда руководил полковник Иванов Анатолий Михайлович. Я попал в тематическую группу, руководимую Михаилом Наумовичем Брегманом, моим пока единственным знакомым в этом новом коллективе.

Мой мудрый начальник сделал одно доброе дело: прямо на следующий день после моего прихода на службу он определил тематику моей будущей деятельности — контроль разработки системы управления новой королевской ракеты — и сразу же отправил меня на комплексный стенд, где начиналась отработка системы управления для этой ракеты. Мне было приказано дено и ночью находиться на стенде, изучать, осваивать, знакомиться с разработчиками и испытателями, работать со схемами. В общем, пустили меня, как говорится, в свободное плавание.

Это были времена, когда весь советский народ под мудрым руководством нашей партии в лице Никиты Сергеевича Хрущева занимался двумя важнейшими

проблемами: выращиванием где только можно кукурузы и созданием «ракетного щита Родины». Если по части кукурузы были проблемы (ну никак она не хотела произрастать за Полярным кругом!), то с ракетами было попроще. Бурными темпами формировался, развивался и креп военно-промышленный комплекс, куда со временем вошли все наиболее значимые отечественные научно-исследовательские, опытно-конструкторские и промышленные организации и предприятия всех республик тогдашнего Советского Союза. При этом наши мудрые руководители спустили в эти организации четкую директиву: наряду с основной тематикой каждое такое предприятие должно выпускать что-нибудь из ширпотреба. Идея в общем-то хорошая и разумная, ибо предприятия военных отраслей имели для этого хороший технический и технологический потенциал. А далее, как всегда у нас. Директиву «спустили», а разумно организовать работу забыли. Вот и получилось, что в Астрахани современный завод по изготовлению сложнейших бортовых вычислительных комплексов в качестве продукции народного потребления выпускал... прищепки для белья и заколки для женских причесок. А крупнейший завод по производству ракет в Днепропетровске наладил в двух полуразвалившихся бараках производство в качестве ширпотреба популярных тогда тракторов «Беларусь». При этом в год украинцы выпускали тракторов больше, чем Минский тракторный завод — основной производитель этой продукции! Вот такие «перекосы» социального планового хозяйства.

Подошло время заменить «старушку» Р-7 на более совершенную ракету с современными боевыми и техническими характеристиками. Естественно, что эту работу поручили ОКБ-1, возглавляемому Королевым. Так появилась ракета Р-9 (изделие 8К75).

Это была красивая, изящная, современная по тем временам ракета! Ее создатели не без гордости все время подчеркивали, что в ней реализован «принцип Циолковского», суть которого в том, что двигатели Р-9 работали последовательно: заканчивали ра-

боту двигателя первой ступени ракеты, после чего включались двигатели второй ступени (в отличие от «семерки», где двигатели всех ступеней «пакета» запускались одновременно прямо на старте). Как подсчитал в свое время гениальный Константин Эдуардович, выходной энергетический эффект получается значительный, что дало возможность существенно увеличить дальность полета новой ракеты. Одна маленькая «недоработка» была у этой ракеты. Команда на выключение двигательной установки поступала на борт ракеты по каналам радиосистемы управления. А это значит, что любой «недоброжелатель со стороны» может повлиять на процесс управления ракетой и привести к невыполнению боевой задачи. Естественно, что более современной и надежной должна быть и ее система управления. Вот над этим и трудился дружный коллектив энтузиастов во главе с Николаем Алексеевичем Пилюгиным, к тому времени уже членом-корреспондентом Академии наук, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии.

Конечно, система управления ракеты 60-х годов ни в какое сравнение не идет, например, с бортовыми программно-вычислительными комплексами ракет и космических аппаратов конца XX века. Но по тем временам ракета Р-9 имела систему управления, в которой были воплощены наиболее передовые мысли, конструкторские и технологические решения. Кроме уже упомянутой системы угловой стабилизации, ракетой в полете управляют, удерживают на расчетной траектории, регулируют тягу двигателей и в заданный момент их выключают еще несколько бортовых систем, построенных на различных физических принципах и имеющих свой состав бортовых приборов. В соответствии с заданной циклограммой управляют работой всей совокупности этих приборов бортовые программные электромеханические устройства. И ведь мало создать такой умный бортовой прибор, надо разработать и «подстыковать» к нему еще и сложную наземную аппаратуру, которая в режимах автономных, комплексных и предстартовых испытаний должна следить за на-

дежным функционированием бортовых систем вплоть до старта ракеты.

Создание современных систем управления для любых сложных комплексов, включая и ракетные, можно популярно и наглядно представить в виде знаменитого райкинского костюма. И действительно, в огромной армии «портных» — разработчиков системы можно выделить специалистов по созданию чувствительных элементов системы — гиросприборов, кто-то разрабатывает приборы усиления и преобразования, кто-то мудрит над сложным кабельным хозяйством, системные лаборатории «колдуют» над циклограммой работы всей системы управления, воплощая ее в многочисленные бортовые коммуникационные приборы, энергетики думают над созданием эффективных бортовых источников питания. Сложнейшая, кропотливая работа! И на каждом участке есть свой военпред-контролер, который внимательно следит и за выполнением требований военного ведомства (в виде исходных данных или технических заданий), и за соблюдением норм многочисленных ГОСТов и другой нормативной документации. В отличие от знаменитой интермедии Райкина, в общей схеме создания системы управления нового изделия есть объединяющее начало, общее звено, подразделение, куда стекаются как ручейки результаты творческих мук всего коллектива разработчиков (схемы, чертежи, графики, циклограммы) и где, собственно, и начинается долгий и сложный процесс рождения новой системы. Это — комплексные лаборатории, отделы, которые, как показала жизнь, первыми получают как благодарности и награды при удачных пусках, так и нарекания, вплоть до увольнений, — при отказах, сбоях и авариях, независимо по чьей вине это происходит. Моя трудовая деятельность на новом для меня поприще началась с непосредственного взаимодействия именно с таким подразделением.

С самых первых шагов своей практической деятельности я попал в несколько пикантное положение. С одной стороны, я — новичок, который впер-

вые на стенде увидел нагромождение приборов, разъемов, проводов, что в совокупности называется системой управления и что мне в самое ближайшее время надо досконально изучить. Конечно, с помощью разработчика этих приборов. А с другой стороны, я должен контролировать их действия, следить за тем, чтобы ни один дефект, ни одна недоработка схемы не осталась за пределами их внимания. Здесь нужно выбрать правильную линию поведения по отношению к разработчикам. Если есть необходимость, приходи и честно говори, что не могу разобраться в схеме или не знаю, как работает тот или иной прибор. И всегда с их стороны была помощь и поддержка. Но и представитель заказчика, когда находил в их работе ошибки, дефекты и несоответствия документации (а это одна из основных его функций), должен не стараться, грубо говоря, «тыкать их носом» (бывали среди нас и такие), а по мере сил и возможностей предлагать им для рассмотрения варианты правильного решения. Я, например, со временем выработал для себя четкое и строгое правило: мои знания схемы, прибора должны быть если не выше, то, во всяком случае, на уровне знаний разработчиков. В дальнейшем это правило позволило мне принимать правильные, технически грамотные и обоснованные решения, всегда достойно представлять свое ведомство, на равных вести диалог с разработчиками и принимать активное участие как в решении принципиальных вопросов, так и в поиске схемных ошибок и распутивании сложнейших комплексных «узлов». Было приятно, что к твоему мнению прислушиваются и приглашают тебя не как контролера, а как специалиста, когда надо разобраться с каким-то сложным, запутанным вопросом.

По отработанной технологии и сложившейся практике создания систем подобного класса общая идея и задумки проектанта воплощались в чертеже, в схеме, макете. Далее конструкторская и технологическая документация попадает в монтажные цеха, где эти самые электрические и монтажные схемы прямо у тебя на глазах кропотливым трудом техно-

логов, сборщиков и монтажниц превращаются в реальные сложнейшие и зачастую уникальные приборы. Мне нравились цеха пилюгинской фирмы. Они какие-то теплые, ярко освещенные и уютные, контингент — молодежь, здесь нет беготни, каждый занят на своем рабочем месте конкретным делом, разговор неторопливый, вполголоса. Температура, запыленность, влажность — параметры, которые для каждого производства должны быть свои и постоянно контролироваться. Особо жесткие требования в цехах, где собираются гироскопические приборы, — попасть в эту зону можно, только полностью сняв с себя одежду и облачившись в специальные костюмы, несколько раз в течение рабочего дня проверяется запыленность помещения — не более пяти-семи невидимых пылинок в одном кубическом метре воздуха. Но вот наступает время, когда первые, еще макетные образцы приборов будущей системы управления выходят из цехов и концентрируются в одном месте, где их собирают в единую схему. Вот тут-то на передний план и выходит совершенно уникальный отряд разработчиков — стендовики. Их уважительно и любовно все называли испытателями.

Комплексный стенд для нового изделия в упрощенном представлении — большое, светлое помещение, где на элементарных стеллажах аккуратно уложены приборы, опутанные со всех сторон разноцветными проводами, собранными в толстые кабельные жгуты и стволы. Да и задача вроде бы простая: при подаче питания на стенд нужно чтобы ничего не взорвалось, не загорелось, а все это сложнейшее переплетение приборов и кабелей работало в полном соответствии с программой, заложенной разработчиком. Каждый из сотрудников такого подразделения не только должен знать физическую суть и схему всего того, что развернуто на стенде, но и не гнушаться черновой работой: снять и заменить вышедший из строя прибор, разобрать и перебрать, если надо, весь стенд, перекладывать тяжеленные кабели и по тысяче раз отключать — подключать штепсельные разъемы и колодки (некоторые разъемы имели

до сотни контактов и весили несколько килограммов). В общем, интеллеktуал с некоторым «чернорабочим» уклоном. Все разработчики прямо-таки молились на стендовиков и моментально прибывали к ним на стенд по первому же их требованию. Начав свою военпредовскую деятельность на стенде, смело могу утверждать, что там трудились истинные энтузиасты своего дела, которые, не считаясь со временем и личными интересами, полностью отдавали себя этой сложной, но интересной и творческой работе. Вот у французского императора Наполеона была его любимая «старая гвардия», с которой великий полководец начинал свои первые победоносные походы в Африке и Европе. Император ценил, любил и берег эту свою гвардию, обращался к ней в самые трудные моменты. Вот такая же гвардия — «испытатели» — была и у Николая Алексеевича Пилюгина, и у Сергея Павловича Королева. Они беспредельно доверяли своим помощникам, верили их испытательскому чутью, они знали, что они их никогда и нигде не подведут и не подставят. Суровый по натуре, Сергей Павлович, например, с этой своей «старой гвардией» был прост и по-человечески душевен, всех их называл по имени, и у него даже голос, кажется, становился как-то спокойнее и мягче, когда он к ним обращался. И они все отвечали своим главным полной взаимностью. На любых испытаниях, особенно при пусках на полигоне, эти королевские и пилюгинские «маршалы» пропускали через себя все аварии, отказы, сбои, ошибки, нестыковки между системами различных организаций, а их природный ум и смекалка, дарования истинного испытателя, как правило, подсказывали в экстремальных условиях правильные решения. За что их и ценили и Королев, и Пилюгин и при каждом возможном случае представляли к наградам и званиям. Общение и деловые контакты с этими людьми многое дали и мне в моей последующей службе, а потом и работе. Я, так же как и все на стенде, не щадя своего пока единственного лейтенантского костюма, таскал кабели, несчетное количество раз подключал эти чертовы тяжеленные

отрывные разъемы (по предстартовой циклограмме в момент отрыва ракеты от стартового устройства эти разъемы автоматически отстреливаются), ползал по схемам в поисках хитроумных «бобов», увлекался и как работник стенда спорил и что-то доказывал разработчикам, заставлял их переделать, улучшить схему или конструкцию прибора. Прошло немного времени, и стендовики стали относиться ко мне как к равному, чем я очень гордился.

Прошли еще пара-тройка месяцев моей самоотверженной работы на стенде, и где-то к лету шестидесятого года я уже достаточно прилично знал свою подопечную систему и заодно, как говорится, по ходу освоил специфику и тонкости обязанностей военпреда. Мне нравилась эта работа! Хорошо помню свой первый самостоятельный выход «на дело» в качестве заказчика. Где-то осенью мы с сотрудниками стенда Николаем Михайловичем Лакузо и Евгением Александровичем Дымовым (оба, кстати, из числа пилюгинских «маршалов») отправились в Загорск на огневые испытания («прожиг») двигателей ракеты Р-9, где работала и наша система управления. Для меня это все было ново и интересно. Здесь я впервые попал в компанию, которая очень скоро стала для меня родной и близкой. В этой большой и в общем-то дружной семье, главенствующую роль в которой занимали представители головной организации Сергея Павловича Королева, были и управленцы, и двигателисты, и заправщики, и наземщики, и телеметристы, и радисты, и еще много-много самых различных специалистов — участников сложнейшего процесса разработки, создания и испытаний современных по тем временам ракетных комплексов. Эта командировка в Загорск памятна для нас и одним печальным событием. Мы были на двух-трех предприятиях и на каждом из них участвовали в траурной церемонии прощания с разработчиками и испытателями, погибшими при взрыве ракеты и пожаре на полигоне в Тюра-Таме.

Трагедия произошла 24 октября 1960 года. На площадке 41-го полигона готовилась к первому пуску

боевая ракета Р-16 разработки Конструкторского бюро Михаила Кузьмича Янгеля, упорно конкурирующего с Сергеем Павловичем. Отличительной особенностью этой ракеты являлось использование высококипящих (но при этом очень токсичных!) компонентов топлива для ее двигателей. Это, в свою очередь, давало возможность обеспечить длительное хранение на боевом дежурстве заправленной ракеты, что существенно повышало боеготовность всего ракетного комплекса по сравнению с ракетами типа Р-7 и Р-9, где в жесткий временной цикл боевого пуска входило и время (довольно-таки длительное) на заправку ракеты жидким кислородом. В этом новая ракета имела явные преимущества. Как это часто бывает на первых пусках, при работах на старте было много дефектов, отказов, неувязок, несоответствий документации, неправильных действий расчетов и испытателей от промышленности. Все это при наличии времени естественно и устранимо. А вот его-то у испытателей и не было! Подарок советскому народу от Ракетных войск — запуск новой ракеты — нужно было осуществить к 43-й годовщине Октябрьской революции. Такая уж у нас традиция! Все предстартовые работы проводились под наблюдением и при участии главкома Неделина. Конечно же, «временной» фактор, наличие большого начальства — все это не могло не сказаться на ходе предстартовых работ. К тому же испытательные бригады военных и промышленности были на пределе физических возможностей. Пошли действия и операции, которые в нормальных условиях никто бы не санкционировал. Главная заповедь испытателей — около заправленной ракеты никто не должен находиться — здесь была проигнорирована полностью! Заправленная ракета, как виноградная гроздь, была вся «обвешана» номерами расчетов и испытателями. В какой-то момент прошла несанкционированная команда на разблокировку запуска ракеты. Запустились двигатели второй ступени, прожгли топливные баки первой ступени и — взрыв! По рассказам немногочисленных оставшихся в живых очевидцев — страшная,

Слушатели 3-го курса Ростовского училища Виталий Дождев и Эдуард Буйновский. 1957 г.

Мой дед Леонтий Буйновский
накануне Первой мировой войны.
1912 г.

С родителями и сестрой перед
отъездом в Ростов. Август 1954 г.

Сергей Иванович
Плюшев — командир
3-й батареи 2-го МАПУ.
1946 г.

Офицер-воспитатель
3-й батареи 2-го МАПУ
Борис Селезнев.
1949 г.

Воспитанники 3-й батареи 2-го МАПУ выпуска 1954 года. В первом ряду: четвертый слева — генерал-полковник Ю. И. Плотников; пятая — вдова нашего комбата Г. И. Плюшева; шестой — офицер-воспитатель Б. П. Селезнев; третий справа — генерал-майор Ю. А. Проклов. 2001 г.

Выпускники 2-го МАПУ герой Афганистана Юрий Березовский и Эдуард Буйновский.

Пройдет немного времени, и воспитанник 2-го МАПУ старший вице-сержант Ю. И. Плотников сам станет воспитателем молодых ракетчиков. 1997 г.

Капитан А. Н. Кевов — гроза молодых лейтенантов-ракетчиков. 1959 г.

Старший вице-сержант 2-го МАПУ выпуска 1954 года Ю. А. Проклов.

Начальник Академии им. Дзержинского генерал-полковник Ю. И. Плотников и начальник Института им. Можайского генерал-полковник летчик-космонавт Л. Д. Кизим с коллегами. 1997 г.

Юрий Гагарин — первый космонавт планеты. 1961 г.

Герман Титов. Слова дарственной надписи оказались пророческими — мы много лет служили в одной части.

Звездный городок с высоты птичьего полета.

Первая женская космическая группа. Слева направо: Жанна Сергеевич, Валентина Пономарева, Ирина Соловьева, Татьяна Пицхелаури.

В. М. Жолобов
на тринадцатом
году ожидания
своего
космического
полета.
И дождался все-таки!

Юрий Гагарин
с «космическими»
детьми.

Титов — он и в Америке Титов. С президентом США Дж. Кеннеди. 1962г.

Инженеры второго отряда слушателей-космонавтов. 1963 г.

Юрий Гагарин и на парашютных прыжках первый!

Готовимся
к первому
парашютному
прыжку.
1963 г.

Инструктор
Н. К. Никитин
дает последние
указания.

Рабочие будни в сурдокамере.

После первого прыжка все остались живы.

Перегрузки центрифуги.

Они были первыми.

Буйновский
с александром
тотчас
звонит
случай
Космо
Вилер

Валентина Терешкова — наша «Чайка».

Валентина Терешкова на Волге.

опустошительная картина. Погибли около ста человек: рядовые, офицеры, испытатели полигона (среди них и наши ростовчане), гражданские специалисты, разработчики новой ракеты и просто те, кто в силу своих служебных обязанностей находился в это время на 41-й площадке. Среди погибших — старожилы, руководители полигонных служб Александр Иванович Носов (к этому времени уже Герой Социалистического Труда), Евгений Иванович Осташев, Рубен Мартиросович Григорьянц и многие другие. На боевом посту погиб и наш первый главнокомандующий.

Славный боевой путь прошел Митрофан Иванович Неделин! Участник трех войн — Гражданской, в Испании, Великой Отечественной. Войну закончил командующим артиллерией фронта, Героем Советского Союза. С 1955 года — заместитель министра обороны по специальному вооружению и реактивной технике. С этого момента Митрофан Иванович — организатор и активный участник работ по созданию и вводу в эксплуатацию боевых ракетных комплексов. Ни один пуск новой ракеты не проходит без участия Неделина. Уважительно относились к нему Сергей Павлович Королев и вся его знаменитая «шестерка» главных конструкторов. Все в том же фильме «Укрощение огня» прекрасный ленинградский актер Владимиров очень хорошо, правдиво раскрыл образ Неделина. Не забываем для нас, молодых лейтенантов, момент, когда на площадке № 2 Тюра-Тама после удачного первого пуска Митрофан Иванович поблагодарил нас за успешную работу и сказал несколько добрых слов напутствия. Примечательно, что приказ о назначении Главного маршала артиллерии Неделина первым главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения был подписан 17 декабря 1959 года — в день, когда наша часть становилась на боевое дежурство. Погиб Митрофан Иванович в 58 лет. Это еще так мало!

В августе 1960 года я получил очередное воинское звание. Теперь я не просто лейтенант, а старший инженер-лейтенант. Как только до меня дошла эта радостная весть, я где-то нашел две звездочки, кое-как

прилепил их к погонам, одну даже, помнится, чуть ли не пришивал нитками, и помчался в столовую принимать поздравления народных масс. Странно, но на мои погоны никто не обратил внимания! Ну ладно, министру обороны и моим большим начальникам — им просто не до меня. Это я еще допускаю. Но мои коллеги-разработчики, почему же они обходят молчанием этот, можно сказать, исторический факт?! Я уж и так и сяк, и погонами чуть ли ни каждому в лицо тычу, и глазами вроде бы показываю, куда надо смотреть. Никакой реакции! Помнится, обиделся я на них по молодости сильно. А на следующий день уже и сам забыл про свое новое высокое воинское звание.

И вот наступает кульминационный момент! К концу 1960 года разработчики должны сдать нам, заказчикам, штатный комплект бортового и наземного оборудования, предназначенного для отправки на полигон и проведения летных испытаний новой ракеты. Ответственная, хлопотливая пора как в жизни создателей нового образца, так и тех, кто этот образец принимает на вооружение. Здесь уж я представлял свое ведомство и был тверд (но справедлив) при проверках и приемке аппаратуры и документации к ней на соответствие требованиям заказчика. Очень мне пригодились здесь мои круглосуточные бдения на стенде. Я, конечно, при сдаче-приемке был «Матильдой в центре событий», хотя в этом сложном и ответственном для нас процессе принимал участие практически весь личный состав нашего военного представительства. Как и положено в плановом социалистическом хозяйстве, сдача-приемка была завершена в последний день месяца, последний месяц квартала и последний квартал года — 31 декабря 1960 года часов в 10 — 11 вечера, прямо накануне Нового года. Все прошло успешно. Конечно, много было замечаний и предложений со стороны заказчика, но сам Николай Алексеевич Пилюгин заверил нас, что до отправки техники на полигон все дефекты будут устранены. На этом мы и договорились, после чего в узком кругу стендовиков-испытателей коротенько рюмашкой отметили это событие и понеслись

домой встречать Новый год. Впереди ответственный этап летных испытаний новой королевской ракеты с нашей системой управления.

Я, конечно, работал с полной самоотдачей, но все же не забывал, что я живу в Москве — культурном и спортивном центре всей нашей страны. Это к чему-то да обязывало. Прежде всего я стал искать место, где я могу продолжить трудную, но благородную работу по закаливанию своего тела и совершенствованию своей фигуры, то есть продолжить занятия гимнастикой. Когда-то в конце далеких 40-х годов мы, трое друзей-соседей по Песчаной улице: Анатолий Кулаков, Валентин Чучукин и я, начинали со школьных гимнастических кружков. Кулаков оказался природным гимнастом, где-то через пару лет стал уже мастером спорта, а к моему возвращению в Москву он был уже членом сборной Союза в компании знаменитых тогда гимнастов Юрия Титова, Бориса Шахлина, Павла Столбова. Долговязому Чучукину и мне с ногами футболиста оставалось только завидовать успехам нашего дружка и «болеть» за него на соревнованиях. Валентин на полпути сошел с дистанции и бросил тренировки, а я упорно и регулярно продолжал ходить в спортзал, хотя и понимал, что до Кулакова мне далеко. По приезде в Москву я каким-то образом умудрился попасть в одну из сборных команд по гимнастике Московского военного округа, тренировки которой проходили в прекрасном гимнастическом зале ЦСКА, что у станции метро «Аэропорт», в пяти минутах от моего дома. Команда эта состояла из солдат срочной службы, которые по гимнастическим возможностям не очень-то далеко от меня ушли, да я что-то и не помню, чтобы за два года наших совместных тренировок в каких-либо приличных соревнованиях они проявляли свое спортивное мастерство. Видно, такие же сачки, каким во времена МАПУ был и я, когда убегал на тренировки в ЦДСА от тягот и лишений воинской службы. Тренером у нас был симпатичный и обаятельный Борис Алексеевич Ипполитов, один из отпрысков знаменитой вело-конькобежной семьи Ипполитовых,

сам в прошлом гимнаст. По требованию нашего веселого тренера занятия начинались с того, что каждый из нас должен был рассказать какой-нибудь свеженький анекдот, после коллективного обсуждения которого мы и приступали непосредственно к тренировке. Я тренировался по уже отработанной в МАПУ и Ростове методе: самозабвенно, с полной отдачей сил выкладывался до конца. Бывали дни, когда я терял за одну тренировку пару килограммов веса. В эти дни я прибегал домой и, не снимая даже шинели, с ходу выпивал две бутылки кефира (любимейший мой напиток до сих пор!), а потом в течение вечера, растягивая удовольствие, выпивал еще три-четыре бутылки любимого напитка. Бедная мама в дни тренировок запасала для меня целую батарею бутылок. Ну и конечно же, перед каждой тренировкой я стирал и гладил свои спортивные вещички и на тренировку являлся всегда чистенький, в аккуратной подогнанной форме. Иногда в нашем спортзале тренировался со своим персональным тренером великий Кулаков. Своей отточенной техникой, сложнейшими упражнениями он всех нас очаровывал, я даже стеснялся к нему подходить. Со страхом и восхищением наблюдал его соскок «тройное сальто» с перекладины, ведь сам и простое-то сальто делал с грехом пополам. Пожалуй, Анатолий Кулаков и Валентин Чучукин — мои самые старинные друзья с 1949 года, когда мы бегали вокруг нашего дома на Песчаной в поисках пустых бутылок, чтобы их сдать и на вырученные деньги сбегать в кино. Как бежит время! Наши дружеские, семейные отношения сохранились до сих пор, но только, к сожалению, ограничиваются лишь телефонными звонками. Старые стали.

Работа работой, гимнастика гимнастикой, но жить в Москве и не увлекаться театром — никто не поверит! В те далекие времена, для того чтобы сходить в театр, требовалось одно лишь желание — билеты были дорогие, достать их особого труда не составляло. Я пересмотрел и переслушал весь тогдашний репертуар Театра оперетты, в Большом за-

слушивался ариями из опер Верди, одного из любимых мною композиторов до сих пор. Наверное, по молодости я очень эмоционально и искренне воспринимал все то, что происходило на сцене, — смахивал тайком скупую мужскую слезу, когда вместе с Альфредом прощался с Травиатой или провожал в последний путь Аиду (прелестная Галина Вишневская, в которую мы с отцом были безнадежно влюблены) с ее возлюбленным Радамесом. Если бы я вел свою личную Книгу рекордов Гиннеса, то в разделе «Впервые» я бы записал факт моего посещения Большого театра, где ставилась опера Бизе «Кармен» и где впервые вышли на профессиональную сцену Ирина Архипова и Александр Пархоменко, бывшие архитектор и офицер Советской Армии и ставшие со временем звездами нашей отечественной оперы. Но особо бы отметил факт своего присутствия на первом спектакле, поставленном Большим театром на сцене Кремлевского Дворца съездов, — балете Чайковского «Лебединое озеро» с несравненной Майей Плисецкой в главной роли. Это было сразу же после какого-то очередного помпезного съезда, и попасть в только что построенное чудо архитектуры, да еще не на торжественное мероприятие по специальным приглашениям райкомов партии, а всего лишь на спектакль — это, я вам скажу, событие по тем временам неординарное. До сих пор даже помню ряд, где сидел, — двадцатый. А первые триумфальные выступления Мариса Лиепы в «Корсаре» в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко! Не забывал, конечно, и про драматические театры. Бывал во МХАТе и в Малом, застал еще корифеев русской сцены Яблочкину, Царева, Хмелева (бесподобный Каренин), Турчанинову, Жарова. Бывал и в модном тогда «Современнике», который располагался еще в старом, сейчас уже снесенном здании на площади Маяковского. В общем, старался не отставать от культурной жизни столицы.

Посещая, так сказать, «салоны высокого искусства», я конечно же не забывал и про испокон веков любимое занятие царских, советских и российских

офицеров — танцы в присутственных местах (раньше это называлось более романтично: балы в Дворянском собрании). В любом военном гарнизоне, где бы он ни находился, — в тайге, в степи, в крупном городе или заштатном, забытом Богом городишке, — везде есть или должен быть культурно-воспитательный и развлекательный центр, у которого по планам политработников (или как они сами себя любовно называли — политработчие) огромное количество воспитательных функций, начиная от создания университетов марксизма-ленинизма и заканчивая кружками художественной вышивки. Где-то в конце этого перечня — культурно-массовые и спортивные мероприятия, среди которых танцы, или вечера отдыха, наиболее популярны среди офицерской молодежи. У этих центров, как правило, одно название: Дом офицеров (городской, окружной, гарнизонный). Центральный дом Советской Армии — тот же фактически Дом офицеров, только всеармейского масштаба, да еще располагался в красивейшем старинном здании с анфиладой парадных залов и комнат и более уютный по сравнению с другими Домами офицеров, где мне приходилось бывать. Для меня ЦДСА плюс еще и ностальгические воспоминания — ведь здесь я занимался гимнастикой, когда учился еще в МАПУ. И еще вспоминается, что накануне 23 февраля 1952 года — праздника Дня Советской Армии в ЦДСА был вечер отдыха генералов и офицеров Генштаба, куда отец пригласил нас с мамой. Я, воспитанник МАПУ, весь, конечно, вальжный, брючки выглажены, фольговые погоны излучают сияние по всему залу, единственный минус — я в то время был еще «хазаренком», то есть стриженным наголо, но это меня нисколько не смущало. Отец должен был прийти прямо с работы. Пришел и очень нас с мамой обрадовал — на плечах у него были новенькие погоны полковника. Как же мама была счастлива в этот вечер! То она танцует томное танго с мужем — молодым полковником (им тогда еще и сорока не было!), то вальсирует с сыном — молоденьким курсантиком, причем оба смотрят на свою очарователь-

ную партнершу откровенно влюбленными глазами. Был даже момент, когда мы с мамой остались в танце единственной парой, и, видно, настолько это у нас хорошо получалось, что нам даже аплодировали. Я хотя и самоуверенным типом был в те времена, но все же понимал, что это внимание и аплодисменты относились в первую очередь к моей партнерше — молодой, красивой женщине, моей маме.

В те молодые, лейтенантские годы два фактора заставляли нас регулярно посещать ЦДСА. Первое — билеты на танцы продавались только офицерам. Это очень важный момент! В субботу вечером гордый и красивый лейтенант идет к кассе по живому коридору, где справа и слева стоят очаровательные создания, мечтающие попасть на танцы в ЦДСА, и только и слышишь «Возьмите билетик для меня». Ты — ноль внимания, ты — хозяин положения, от тебя в данный момент, может быть, зависит судьба девушки, на тебя все смотрят с надеждой и ожиданием. Ради этих минут стоит жить! И все же ты посматриваешь незаметно по сторонам, выбирая достойную для себя партнершу. Выбор сделан, два билета у тебя на руках. Счастливая девушка смотрит на тебя влюбленными глазами, лихорадочно дает деньги («Ну что вы, я вас приглашаю». — «Ой, спасибо!»), и мы почти как влюбленная парочка направляемся в сторону танцзала. Проходим бдительную старушку-контролера, заходим в зал. И тут мгновенно происходят превращения, как у Золушки, когда часы пробили 12. Выбранная партнерша моментально исчезает, растворяется в общей массе, и если в ходе вечера удастся ее найти, то она смотрит на тебя удивленными, непонимающими глазами, а если ты начинаешь канючить о своих на нее правах, то она грозит обратиться к дружиннику. Вот оно, типичное женское коварство! Даешь себе слово больше никогда не идти на поводу у женщин. Но приходит очередная суббота, и ты опять идешь вдоль этого прелестного коридора, млея от своего величия и могущества. Далее картина повторяется.

Танцы в ЦДСА — это красивый музыкальный спектакль! Вот, например, вальсирует высокий, статный

подполковник (по-моему, он был в этом звании еще в царской армии) с холеной бородкой и в сапогах «бутылочкой» (не путать с сапогами «гармошкой»!). Его партнерша, которая больше как на лейтенанта и не рассчитывала, млеет в его объятиях, а когда ее партнер, элегантно опустившись на одно колено, грациозно обводит ее вокруг себя, то она медленно и плавно переходит в полуобморочное состояние. Я любил наблюдать такие сцены. И еще об одной особенностью этого заведения. Мои приятели и коллеги по МАПУ, Ростову, части, приезжая в отпуск или по делам в Москву, не могли не заглянуть в ЦДСА, зная, что там обязательно кого-либо встретишь, тем более гостиница здесь же, рядом. Как правило, встречи эти проходили эмоционально, бурно, с посещением буфета (стакан вина, похожего на портвейн, — 30 копеек!). Постоянным участником этих встреч ветеранов была моя подружка Люда (одна из немногих, которая признала меня после прохода в танцзал). Как-то так незаметно, в кругу друзей, бывало, наступал момент, когда Люда, пристально и внимательно всматриваясь в меня, спрашивала: «А ты кто такой?» А я не мог вразумительно ответить ей на этот вопрос. Все. Пора домой. Движение домой у нас состояло из трех последовательных фаз. Первая, наиболее простая, — добраться до дома Люды. По тем временам — без проблем. Это сейчас московские обыватели боятся выходить из дома уже после 10 часов вечера. Люда жила на Арбате, в переулке Сивцев Вражек на четвертом этаже (по сегодняшнему это шестой — седьмой этаж) большого старинного дома без лифта. Сейчас в этом доме какая-то «крутая» поликлиника. С трудом, морально и физически поддерживая друг друга и делая кратковременные, но приятные остановки на лестничных площадках, мы наконец-то добирались до нужной нам двери. Наступала вторая, более сложная фаза. Нам нужно было восемь раз позвонить и ни в коем случае не сбиться! Представляете картину: поздняя ночь, с первым звонком в дверь просыпается вся коммуналка и каждый лихорадочно начинает считать звонки — к нему или мимо (дух бериевских

времен был еще силен). Кто жил в коммунальной квартире, тот знает, какие утром могут быть разборки, если поздний клиент ошибается количеством звонков и попадает не по адресу. Собрав всю силу воли, мы с подружкой успешно решали почти всегда и эту проблему. Наступала последняя, самая сложная и ответственная фаза. Именно в тот момент, когда Людина мамаша открывала дверь, я должен был отпустить Люду, чтобы она плавно перешла в объятия мамы, а я — пулей вниз. Далее — такси (10 копеек за километр. Фантастика!), и через полчаса я уже уютненько устраивался на ночь в своем кресле-кровати. Так что комментарии Людиной мамы слушала только Люда (если, конечно, слышала). Ее мама боялась меня, а я боялся мамы. А зря она меня боялась. В те времена я был культурным, воспитанным, ответственным и, уж если честно, немного трусоватым (в плане того, чего боялась Людина мама) юношей. Так что им, считай, повезло. Я уж подзабыл, Люда не то училась, не то уже работала портнихой. Не без задней мысли, конечно, я заказал ей сшить для меня парадно-выходные трусы с гульфиком (по-тогдашнему — с ширинкой). Творческий процесс по созданию этого шедевра портняжного искусства проходил мучительно и долго, одних примерок было где-то около десяти. Получился продукт нашего совместного творчества, которому сегодня позавидовал бы и знаменитый мэтр Вячеслав Зайцев. Печальна судьба этого самого продукта. Придет время, когда моя молодая жена выбросит на свалку две самые дорогие вещи моего скудного холостяцкого приданого — трусы, сшитые на заказ, и автоматическое помойное ведро (нажмешь педаль — откроется, отпустишь — закроется). «Надо решительно рвать со старым холостяцким прошлым», — твердо заявила моя мудрая жена. Я, конечно, с ней был согласен. А что мне оставалось делать? Где ты сейчас, мой верный товарищ по лихим набегам в ЦДСА!

И вот в феврале 1961 года поступила команда двигаться на полигон. Испытания на полигоне организовывала и проводила фирма С. П. Королева — голов-

ной разработчик новой ракеты. Маршрут пока новый, но со временем станет родным и близким: Внуково, на минутку — ресторан, старенький Ил-14, посадка в Куйбышеве и вот снова Тюра-Там!

Испытания ракеты Р-9 проводились на знакомой площадке № 2, пока еще простой, не «гагаринской». Каждая организация, участвующая в летных испытаниях, имела свою «экспедицию», основная задача которой — встреча и размещение прибывающих сотрудников, материально-техническое обеспечение работ по подготовке и проведению испытаний. Была такая «экспедиция» и у фирмы Пилюгина. Нам, представителям заказчика, вообще-то не рекомендовалось размещаться и решать бытовые проблемы вместе со своими разработчиками, но наше начальство далеко, а местному, полигонному, было как-то все равно, где и как военпреды размещаются, как питаются, как преодолевают большие полигонные расстояния. Разместился я в знакомом мне по старым временам длинном одноэтажном уютном бараке, а ребята жили в новой, можно даже сказать комфортабельной гостинице. Руководителем испытаний по системе управления от фирмы Пилюгина был назначен Николай Михайлович Лакузо, а от заказчика я был сам себе командир. От королевской фирмы всеми работами командовал Борис Аркадьевич Дорофеев. Почти все время на полигоне были и Королев, и Пилюгин, но Николай Алексеевич частенько за себя оставлял Владилена Петровича Финогеева — своего любимца и ближайшего помощника, обладающего природным чутьем испытателя, прекрасно разбирающегося в любых схемах, который мог с ходу предложить нужное техническое решение там, где мы сутками ломали голову.

Летные испытания нового изделия в условиях полигона — это один сплошной рабочий день, который мог продолжаться 24 часа без перерывов на обед и ужин, без сна и отдыха и даже без глотка свежего воздуха, ибо на старте вся наша наземная аппаратура находится в бункере глубоко под землей. Начало летных испытаний сложного комплекса — это все рав-

но что первые репетиции большого симфонического оркестра, в состав которого вошли известные, а следовательно, и капризные, музыканты-виртуозы. Каждый знает себе цену, у каждого инструмент настроен на «свою ноту», каждый желает быть первой скрипкой. Без хорошего, но жесткого дирижера здесь не обойтись. Прямо как на полигоне, где впервые встречаются фирмы — разработчики систем ракеты! Каждый считает, что без его продукции ракета не полетит (и чего здесь спорить — ракета уже не ракета, если у нее нет двигателя или системы управления, или просто отказал какой-нибудь маленький дренажный клапанок, на который в ходе испытаний никто и внимания-то не обращал). В ходе совместных комплексных испытаний в случае появления каких-либо отказов или нестыковок каждый утверждает, что у него все в порядке, причину надо искать у соседа. И здесь тоже без «дирижера» — волевого, даже жесткого руководителя не обойтись. И таким руководителем у нас был Сергей Павлович Королев.

О Королеве много написано, много рассказано. Очень хорошо Кирилл Лавров раскрыл образ этого человека в том же фильме «Укрощение огня». А ведь у Сергея Павловича сложная и даже трагическая судьба! Почему-то широкая пресса, воздавая ему хвалебные оды (когда это стало возможным), или вообще об этом умалчивала, или писала как бы по ходу, одной фразой. В 1938 году Королев арестовывается и приговаривается к 10 годам тюремного заключения. Как вспоминал сам Сергей Павлович, его обвинили в том, что он состоял якобы членом антисоветской организации и проводил вредительство в области ракетной авиации. Королев на суде не признал себя виновным. Давая четкую, подробную информацию по каждому пункту обвинения, Сергей Павлович убедительно доказал, что все они ложные. Обращения Сергея Павловича в высшие инстанции, естественно, не дали положительных результатов. Уму непостижимо! Незаслуженно обвиненный человек, казалось бы, должен затаить в душе уж как минимум обиду на строй и режим, который его засадил за решетку на

долгие 10 лет. А «враг народа» в обращении к Верховному прокурору СССР пишет: «...Вот уже 15 месяцев, как я оторван от моей любимой работы, которая заполняла всю мою жизнь и была ее содержанием и целью... Прошу пересмотреть мое дело и снять с меня тяжелые обвинения, в которых я совершенно не виноват. Прошу Вас дать мне возможность снова продолжить мои работы над ракетными самолетами для укрепления обороноспособности СССР». В сентябре 1940 года Королева переводят в систему спецслужб НКВД, где он, находясь в заключении, может продолжать свою любимую работу. До 1946 года он работает вместе с авиаконструктором Туполевым в закрытом, а точнее, тюремном конструкторском бюро. Эти тяжелейшие годы испытаний не сломили дух и волю Королева, не заставили его идти на компромисс со своими убеждениями. Ничего не проходит бесследно. Необоснованные обвинения и годы тюрьмы конечно же наложили отпечаток и на характер Королева, и на его взаимоотношения с окружающими. Да и откуда быть ему веселеньким, добреньким и приветливым, если еще в 1957 году, когда Сергей Павлович был уже назначен Главным конструктором ракетной техники, он все еще был подследственным и нереабилитированным! Из воспоминаний Анатолия Семеновича Кириллова, ветерана Байконура: «Он был неоднозначной фигурой, очень противоречивой, но именно это и создавало какой-то своеобразный ореол вокруг его имени. Во всяком случае, как бы он себя ни вел, какие бы ни были столкновения, никто и никогда не оставлял у себя в сердце обиды на него, потому что знали, что сегодня он взбешен, а завтра ты будешь его лучшим другом. Это относилось только к тем, естественно, кто отдавал себя целиком делу, которому отдавал себя сам Королев». Это слова человека, который на себе не единожды испытал и гнев, и милость Сергея Павловича за годы совместной работы на полигоне.

Действительно, полигон — это сплошной цикл испытаний, другой работы здесь нет. И поэтому и Королев, и Пилюгин, и другие главные конструкторы

находятся здесь же, среди испытателей. Это и дало мне возможность понаблюдать за Сергеем Павловичем. Конечно, со стороны, ибо мы с ним находились на различных ступеньках иерархической лестницы. лейтенант и грозный Главный конструктор! О чем разговор! Конечно же, это был умный, талантливый ученый-организатор. Хотя, по моим наблюдениям, где-то к концу 60-х годов Сергей Павлович был уже больше организатор, чем ученый. Это естественно, полстраны работало над созданием «ракетного щита», кто-то должен был этим процессом технически грамотно и квалифицированно управлять. Мы все, и особенно молодежь, неважно — гражданская или военная, все его боялись и старались как можно реже попадаться ему на глаза. Зная его крутой нрав, мы прекрасно понимали, что в случае чего (непростительные ошибки или разгильдяйство в ходе испытаний, например) у тебя есть шанс в ближайшие пять-шесть часов покинуть полигон даже в том случае, если это место твоей постоянной работы или службы. Это еще большой вопрос: кто командовал военным полигоном, — его начальник-генерал или Сергей Павлович. «Разгоны», которые он устраивал, стали уже легендой. Делал он это мастерски: глаза метали молнии, слова уничтожали, он грозил отправить домой пешком по шпалам, советовал перейти в артель, где делают керогазы, или на стружкодробилку. Но это были только слова. Никого он не уволил, никого не обидел. Конечно, все его побаивались, но больше уважали. Был момент, когда я сам чуть не отправился в далекое путешествие по шпалам. Как-то возились мы с Дымовым в нашей пультовой, налаживали какие-то приборы и не заметили, как в пультовую вошли Королев и генерал Семенов — заместитель председателя госкомиссии по пуску нашего изделия. Я продолжаю работать и делать вид, что никого не вижу, но от страха душа ушла в пятки, а Дымову все равно — он человек гражданский. Большие начальники молча постояли пару минут, а затем Сергей Павлович говорит: «Ну как же так! Вошли академик и генерал, а этим двум даже дела нет до них. Разве это

порядок!» Здесь, конечно, мы с Дымовым встали по стойке «смирно», извинились и стали ждать решения нашей дальнейшей судьбы. Нам повезло, видно, у большого начальства было хорошее настроение. Сергей Павлович нас пожурил немножко, и они покинули пульттовую.

В какой уж раз вспоминаю фильм «Укрощение огня»! Смотрю с огромным удовольствием. Он вызывает во мне волну воспоминаний, на эти два часа я как бы возвращаюсь в те далекие времена, незримо участвую в событиях, которые разворачиваются на экране, знаю и когда-то общался практически со всеми реальными героями, которых очень хорошо играют наши известные артисты. В сценах на полигоне Кирилл Лавров — это настоящий Сергей Павлович — такой, каким я его видел в жизни. Думаю, что фильм получился очень близким к реальной жизни потому, что у него были хорошие консультанты — старожилы полигона и мои коллеги по космическому ведомству. Например, слова за кадром: «...Протяжка 1... Протяжка 2... Есть зажигание!.. Есть контакт подъема!.. Подъем!» — это осипший от волнения голос моего коллеги по работе в центральном аппарате Министерства обороны Вилена Егорова. А сотрудницу Королева, влюбленную в него и единственную, кого он допускал на старт (факт реальный — среди командированных была представительница фирмы Королева — Инна, фамилию не помню, и была ли она в него влюблена — не знаю, но ей одной разрешалось быть на старте до самого момента пуска ракеты), играет в этом фильме очаровательная Светлана Коркошко, сегодняшняя моя соседка по дому.

О Королеве можно говорить много, красиво и долго. Это действительно выдающаяся личность. Можно смело сегодня утверждать, что не будь его, никто не знает, по какому пути и как двигалась бы отечественная ракетная техника и космонавтика. Этот ученый и выдающийся организатор, целеустремленный, негибкой воли человек в полной мере и до дна испил ту горькую чашу, которую определила ему его судьба и наша советская действительность. Были

времена, когда 12 апреля — День космонавтики отмечался помпезно и во всем мире. Апогей этого праздника — торжественное собрание в Кремлевском Дворце съездов. Мне приходилось бывать на таких мероприятиях. В президиуме — члены Политбюро, правительства, два-три слетавших космонавта, министры, передовики промышленности и сельского хозяйства — в общем, все те, чьим умом, трудом, неимоверными человеческими усилиями наша страна превращена в великую космическую державу. Половина зала — чиновники — «космические труженики» рангом пониже. С трибуны — хвалебные оды партии и правительству, мудро ведущих нас по неизведанным космическим трассам, да две-три фразы в адрес таинственного, какого-то мифического, напроочь засекреченного Главного конструктора. Где он? А какой он? А есть ли он на самом деле? А где-то в пятом-шестом ряду партера сидит человек с суровым, тяжелым взором, который с тоской и обидой слушает красивые слова и лозунги, направленные явно не в те адреса. Ну разве это справедливо! Вот уж парадоксы нашей российской действительности: чем быстрее ты умрешь, тем скорее народ узнает о тебе и тех хороших делах и великих свершениях, организатором и вдохновителем которых ты был. Вот хорошо здесь подметил Анатолий Семенович Кириллов: «После полета Ю. А. Гагарина и других нам приходилось бывать на приеме в Кремле. Там собиралась масса народу, около двух тысяч человек, а нас, участников этих событий, были единицы, остальные были люди, просто празднующие это достижение науки и техники. Мы, как правило, стояли в сторонке отдельной кучкой, и, конечно, здесь главным действующим лицом был очередной космонавт, проявивший исключительное геройство, которого награждали, которого славил и прочее. И я наблюдал за С. П. Королевым. Он был спокоен, принимал все, как должное, но в глазах у него была вполне понятная и объяснимая тоска. Он был в какой-то мере обижен и оскорблен тем, что мы все — создатели этого вида техники, которые обеспечили запуск этого человека на орбиту,

который выполнил очень ограниченную задачу, которую может выполнить любой другой летчик, — мы оставались в тени, как будто мы здесь совершенно ни при чем, наравне со всей этой многотысячной толпой участников банкета. И эта тоска в глазах, эта боль всегда просматривались, но он ни разу не обмолвился ни одним словом на этот счет».

Приятный для меня факт: в испытаниях нашей ракеты принимают участие испытатели полигона — мои старинные (как-никак, а три года прошло!) знакомые и бывшие учителя: Поцелуев, что мне особо приятно, Патрушев, Соколов, Кабачинов, Караваев. Но только мы чуть поменялись местами. Теперь я уже в части системы управления выступаю в качестве знающего специалиста и с удовольствием помогаю им освоить новую для них технику.

Военные испытатели полигона! Это особая, уникальная когорта испытателей, которая готовится не за партой высшего учебного заведения, а рождается, как говорится, «в окопах» — в пультавой, на старте и закаляется в жарких спорах как с представителями разработчиков и промышленности, так и со своим братом, военным, если заказчики и военпреды почему-либо отступают от своих требований, занимают соглашательскую позицию. Королев доверительно относился к испытателям со стороны полигона, всегда прислушивался к их мнению и зачастую принимал их сторону в жарких спорах между промышленностью и военными на технических и стартовых позициях. Сергей Павлович строго придерживался правила: за своевременно признанную ошибку испытателей не наказывать. Как вспоминает Виталий Соколов, однажды на стартовой позиции он допустил грубейшую ошибку: при сборке электрической схемы неправильно подключил один из штепсельных разъемов, в результате — короткое замыкание, выход из строя кабельной сети, ракету надо снимать со старта и отправлять на завод. Исполнитель должен понести серьезное наказание, вплоть до уголовного. Этот вопрос решался на уровне Москвы, в Министерстве обороны. В процессе разбора сложив-

шейся ситуации виновник честно доложил о своих неправильных действиях. Это его и спасло. За него вступился Королев, и Виталий Григорьевич продолжал работать на полигоне. Сергей Павлович знал, кого надо защищать.

А испытания шли своим чередом. В начале каждая фирма в автономном режиме обрабатывала свою технику. Здесь не то, что работа на стенде в Москве, где много условностей и отступлений от реальной схемы. Приходилось на ходу, здесь же дорабатывать схемы, перепайвать приборы и наземное оборудование, корректировать документацию. Работы много и она очень ответственная. Иногда часами, а то и сутками искали ошибки и неполадки в наземном и бортовом оборудовании, радовались, когда находили, злились и ругались, когда дефекты были с какими-то особыми выкрутасами. Вот был такой казусный случай. Ракета на старте, готовится к пуску. Идет набор общей «Готовности». И вдруг — «минус» на корпусе (по законам ракетной техники корпус ракеты должен быть чист и от «плюса», и от «минуса»). Причина установлена — виновата наша система управления. Пуск отложили, Сергей Павлович со своей командой уехал, а мы, Лакузо со своими гвардейцами и я, остались разбираться с «минусом». Самое неприятное, что дефект самоустраняющийся, то он есть, то вдруг пропадает. Около суток мы не выходили из пультавой, измучили стартовую команду, заставляя то отключать, то подключать на борту ракеты наши приборы, чуть ли не на ощупь проверили все кабельные соединения, а «минус», как будто издеваясь над нами, то пропадет, то снова объявится. Обстановка напряжена до предела, а тут еще Сергей Павлович звонит через каждые полчаса: нашли «минус»? Наконец, нашли причину, по которой этот злополучный «минус» попадает на корпус ракеты. Стыдно даже было об этом докладывать Королеву! Помнится, что я первый заметил такую закономерность — бортовой расчет по нашей команде из пультавой (а мы сидим глубоко под землей, прямо под стартовым устройством) отключает или подключает кабельные разъемы, и ког-

да «минус» вдруг пропадает, кто-то из нас хватается микрофон и по «громкой связи» дает команду на борт прекратить работы! Микрофон ставят на стол — «минус» опять на борту! Никому и в голову не могло прийти, что этот самый микрофон, который никакого отношения не имеет ни к ракете, ни к ее системе управления, имел «минус» на своем корпусе! Когда кто-то хватал микрофон, чтобы дать команду наверх, — все в норме, а когда микрофон бросают небрежно на стол, он может по теории вероятности соприкоснуться с нашей проверочной аппаратурой, которая расположена здесь же, на столе, и нате вам: «минус» микрофона через наши пульта снова попадает на борт ракеты! И ведь так десятки раз! Как только установили причину, микрофон был тут же уничтожен. Физически. Ногами. Пуск, естественно, отложили на другое время. Встречались и более серьезные просчеты в наших схемах, но на то мы и сутками не вылезали из пульта, чтобы найти и устранить эти дефекты.

Конечно, после таких нервных потрясений русскому мужику нужна обязательная психологическая разрядка. А о какой разрядке может идти речь, если в регионе установлен жесточайший «сухой» закон! Но нет препятствий, которые не преодолел бы советский человек! Где-то пару раз в месяц (а то и чаще, если по ходу попадались праздники) собирался весь пилюгинский «колхоз» на составление заявки на получение спирта-ректификата. Работа сложная, ответственная, интеллектуальная. Каждая фирма, участвующая в летных испытаниях, имела святое право на получение этого дефицитного продукта. Но это право надо обосновать. Вот, например, заправщики. Им необходим спирт для промывки трубопроводов, диаметр которых может достигать 10—20 см. Можно, конечно, просто дунуть в эту трубу или визуально посмотреть, что там все в порядке. Но если в этом трубопроводе останутся частички масла, а через него пойдет жидкий кислород, то сэкономленный спирт пить уже будет некому. Так что заправщики это техническое средство используют почти по назначе-

нию. Или прицельщики. Они выписывают спирт на промывку оптической оси калориметра. Не важно, что такое калориметр, но его оптическая ось это то же самое, что Северный полюс или меридиан, все знают, что они есть, но никто их не видел и физически не ощущал. Но спирт на промывку этой мифической оси регулярно и добросовестно выписывали. У нас, системщиков, дело обстояло проще. По документации на каждый контакт кабельного разъема или на каждую пайку в приборе для их промывки (технической очистки) полагалось 0,0016 грамма спирта (или что-то в этих пределах). Так какие же сложнейшие математические расчеты нужно было проделать, какие обоснования привести, чтобы в заявке была суммарная цифра, например в 14,53 кг спирта-ректификата. Я вам скажу, это не так просто. Мы всем «колхозом» трудились над этой темой минимум пару вечеров. Далее заявка подписывалась старшим от фирмы — Лакузо (к великому сожалению, одному из активных потребителей этого продукта, что со временем его и погубило) и с помощью проинструктированного нашего представителя попадала в руки главного «распределителя» столь ценного и дефицитного продукта — Дорофеева. Борис Аркадьевич внимательно изучает заявку, в уме перепроверяет наши расчеты, сопоставляя их со своими возможностями, и в результате задает технически грамотный вопрос: «А сколько вас?» Ответ незамедлителен: «Нас пятеро, завтра прилетают еще двое». Руководитель испытаний опять сосредоточенно думает и в результате накладывает устную и письменную резолюцию: «Хватит вам пока шести килограммов». Спорить — ни-ни, а то вообще ничего не получишь. Далее схема отработана — с емкостью на склад, кладовщику бутылка, кому-то по дороге отдать долг, кому-то дать в долг. В общем, к Дымову, суровому хранителю этого бесценного продукта, попадало три-четыре кг. Дело прошлое, за давностью времен уже и не подсудное, но я тоже принимал участие как в составлении заявки, так и в активном уничтожении этого презренного продукта. Но ради справедливос-

ти хочу сказать, что как заказчик я всегда требовал, чтобы Витя Безлепкин, наш монтажник, использовал технический продукт по его прямому назначению — промывка с помощью кисточки контактов и паек. Витя выступил с рацпредложением: один раз кисточкой, а один раз «методом дыхания на пайку». Зная постоянный процент содержания технического продукта в Витином организме, я не возражал. Ну, а если серьезно, то тот, кто сутками напролет не покидал пульта, у кого голова идет кругом от этого нагромождения схем, контактов, разъемов, да при этом приходится еще отбиваться от вопросов и нападков смежников и специалистов полигона, тот согласится со мной — разрядка с употреблением небольшой дозы этого самого технического продукта просто необходима. Просто надо знать свою меру. Эту простую, как правда, истину подтверждает и более солидный руководящий товарищ — Анатолий Петрович Абрамов, один из заместителей Королева: «По вечерам в солдатском клубе кино, часто прерываемое возгласами: «Рядовой Иванов, на выход!» В таких условиях поистине палочкой-выручалочкой был «его величество спирт». Приезжающие из Москвы обязаны были «прописаться» — выставить для начала бутылку «Столичной» или коньяк, а «дежурным» напитком был спирт, который получали на складе для работы и сразу же предъявляли акт об использовании. Удобно, зачем второй раз приходиться. Я сам, хоть и практически не пьющий, считаю это не злом, а средством смягчения изматывающей обстановки. Конечно, не следует думать, что это была сплошная пьянка, тем более в ущерб работе. С. П. Королев очень строго наказывал за любой промах в работе, поэтому никто не рисковал встречаться с ним на работе со следами вчерашнего возлияния. А запретить он, по-видимому, считал нереальным или даже вредным. Иногда местное военное начальство пыталось бороться с пропиской, и на контрольно-пропускных пунктах изымали бутылки и разбивали. Результат нулевой. Еще никому на земле не удавалось установить настоящий «сухой» закон, но желающие не переве-

лись». Хорошие слова! И о нашем быте в те далекие времена, и о «сухом» законе.

Параллельно с подготовкой нашей ракеты к пуску здесь же на второй площадке в монтажно-испытательном корпусе и на старте активно велись работы под командой и неусыпным наблюдением лично Сергея Павловича по проведению испытаний ракеты-носителя и нашего первого космического аппарата «Восток», предназначенного для вывода человека в космос. Вовсю шли подготовительные работы — запуски макетных образцов космического аппарата с манекенами и собачками на борту. Кроме испытателей, в МИКе постоянно толпились медики, летчики, парашютисты и множество другого народа, имеющего отношение к подготовке человека к полету в космос. Над всей площадкой в воздухе витало предчувствие чего-то грандиозного и необычного. Что-то вот-вот должно случиться. А что — мы все, конечно, знали: готовится запуск первого человека в космос. Вначале эпизодически, а где-то с конца марта постоянно на площадке находилась группа молодых, одинакового роста офицеров в новенькой авиационной форме. Частенько их сопровождал Сергей Павлович, что-то им рассказывал, поднимался с ними к приборным отсекам ракеты и люкам космического аппарата. Ребята слушали серьезно и внимательно. Мы знали, что эта за группа и что один из них скоро полетит в космос. В начале апреля мне пришла команда от моего начальства подключиться к работам по подготовке системы управления носителя, предназначенного для выведения на орбиту космического аппарата с человеком на борту. С удовольствием воспринял это, я считаю, почетное задание. Из наблюдателя я превратился в участника этого процесса.

И вот 12 апреля 1961 года! Поистине историческое событие в жизни всего человечества! Многое об этом дне написано, рассказано, показано на экранах телевизоров. Для нас, непосредственных свидетелей и участников этого пуска, не было, конечно, неожиданностью экстренное сообщение по радио о запус-

ке Гагарина в космос. Как-никак, а все это происходило на наших глазах. Я, например, всю значимость этого события прочувствовал в момент, когда Левитан (по-моему, он) сообщил на весь мир о том, что впервые в мире... гражданин Советского Союза майор Юрий Алексеевич Гагарин... Я даже думал, что я ослышался или диктор ошибся — как же так, пару часов назад в корабль садился старший лейтенант, а на орбите, минуя капитана, он уже майор! И вот с этого момента до моего сознания дошло, что же в действительности произошло только что прямо у меня на глазах. Вот и еще одна страничка в мою личную Книгу рекордов! Хотя был один момент, который давал мне полное основание попасть и в настоящую Книгу рекордов Гиннеса. После старта ракеты с Гагариным на борту (кстати, при любом пуске всех жителей площадки эвакуируют в безопасные зоны, при пуске Гагарина этого не было — как гарантия того, что аварий не будет и все будет нормально) все бросились на узел связи, откуда должны вестись переговоры с космонавтом. Этот узел располагался в том же бараке, где была моя гостиница. Я, конечно, вместе со всеми бросился туда же. К этому моменту к зданию подошел автобус, из которого на узел связи спешил Герман Титов. Мы знали, что он был дублером Гагарина. В порыве огромного энтузиазма мы качнули его пару раз и отпустили на связь. Комната, где стояла аппаратура, была забита до отказа. Сергей Павлович начал разговор с Юрием Алексеевичем. Тогда мы троим — я, Иван Никитович Ионов и Юра Маркин — мои коллеги по работе — заходим в мою комнату и с ходу распиваем бутылку «Столичной», которую привез Юра для «прописки». Впервые в мире мы «сообразили на троих» за первый полет человека в космос! А корабль с этим человеком только что вышел на орбиту и мир об этом еще не знал. Как-то в праздничной суете я не успел оформить это юридически и послать заявку авторам книги, да и сам-то рекорд продержался не больше часа. Как только Левитан объявил о полете, вся наша площадка — да что там площадка! — весь полигон дружно и с огромным эн-

тузиазмом нарушили «сухой» закон. Здесь уж Борис Аркадьевич не скупился!

А за два дня до этого знаменательного события — 9 апреля 1961 года состоялся первый пуск нашей ракеты Р-9. Наша кооперация со своим новым изделием выходит на передовые рубежи — вывозить на старт ракету и готовить ее к пуску. Прибыла государственная комиссия, стало подтягиваться большое начальство. Помню, нас, всех военпредов, собрал на совещание один из наших начальников — генерал Юрышев. Совещание началось с доклада каждого военпреда: как дела, как идут испытания и сколько времени он сидит на полигоне. Неделя, две, три — срок, который генерал воспринимал нормально. Если чуть больше месяца — ругался, почему без замены, и приказывал незамедлительно отправляться домой. Когда очередь дошла до меня, я доложил, что на полигоне я уже два с половиной месяца. Генерал вначале не поверил, но когда посмотрел на меня — заросшего, похудевшего, с осипшим голосом, в застиранной рубашке, на коленях брюк заплаты — тут же дал команду чуть ли не под конвоем отправить меня на аэродром. Я взмолился, стал упрашивать, чтобы меня оставили на первый пуск, должен же я был увидеть своими глазами результаты нашего почти трехмесячного полигонного бдения! Еле уговорил.

И вот этот кульминационный момент наступил! Заправленная ракета — на пусковом столе. Объявлена 15-минутная готовность. Из нашей пультовой, которая находится под землей, прямо под стартовым устройством, все эвакуированы. Пусковая команда под руководством тоже одного из сподвижников Королева — Леонида Александровича Воскресенского готова приступить непосредственно к пуску. Сам Королев — здесь же, но старается не вмешиваться и не нарушать отлаженную систему предстартовой подготовки. Нас всех, не участвующих непосредственно в пуске, собрали невдалеке в укрытии. Волнение здесь такое же, как и в бункере. Все внимание на ракету: сейчас она должна (именно должна! обязана!) взлететь! Наступила тишина, все разговоры прекра-

тились сами собой. Кто пускал ракеты, тот прекрасно понимает эту почти осязаемую физически тяжесть мгновений, оставшихся до старта. И вдруг в этой напряженной тишине голос по «громкой» связи: «Буйновский, срочно в пультовую!» Растерянный от неожиданности и от этого ничего не понимающий, я сажусь в машину и пулей на старт! Пока доехал, пришел более-менее в себя и стал думать, что же там могло произойти? Спускаюсь в пультовую. Там Сергей Павлович и Лакузо. Оказывается, не набирается общая, суммарная «Готовность» всей ракеты. Пускать нельзя. «Что будем делать, лейтенант?» — обращается ко мне Королев. Конечно, Главный конструктор мог обойтись и без моего ответа, и правильное решение в сложившейся ситуации они с Николаем Михайловичем уже, наверное, имели. И все же было приятно, что только мы трое — Королев, Лакузо и я (а можно и так: я, Королев и Лакузо — от перемены мест слагаемых сумма ведь не меняется?) в обстановке, максимально приближенной к боевой, думаем, как выйти из создавшегося положения, а вся площадка ждет нашего решения. Дефект оказался простой — в последовательную цепочку общей готовности ракеты к пуску включили и состояние «жидкого» кислорода в баке окислителя, параметр этот изменчивый, а следовательно, и «Готовность» то есть, то пропадает. Устранить этот дефект можно было бы элементарными доработками схемы. Но это, конечно, не в условиях, когда у тебя над головой заправленная ракета, готовая вот-вот взлететь. Простой выход в этой ситуации предложил Лакузо (тоже один из королевской «старой гвардии»!) — в тот момент, когда есть «Готовность», между контактами одного из реле (популярнейший элемент коммутации в ракетной технике тех времен) в нашей аппаратуре вставить элементарную бумажку. Я как заказчик, конечно, с ним согласился (интересно, что было бы, если бы не согласился. Страшно подумать!). Моя функция в этой ситуации — разрешить вскрыть (все опечатано моей персональной печатью) соответствующий коммутационный шкаф, найти это реле и в нужный момент

сунуть в его контакты бумажку. Я принял командирское решение: бумажку вставлять буду я сам. Сергей Павлович с Лакузо со мной согласились. Как только бумажка сделала свое дело, пошел автоматический набор схемы пуска ракеты. В нашем распоряжении было минут десять. И вот мы втроем бегом по кабельным тоннелям понеслись в бункер, откуда должен был проводиться пуск. У ракетчиков есть такое правило: если при первом пуске ракета ушла со старта, сохранив в целости и сохранности стартовые сооружения, то пуск считается удачным. Наша ракета взлетела нормально, мы даже все высypали из бункера и наблюдали, как она набирает высоту. Но не сработали двигатели второй ступени, ракета была уничтожена, ее обломки стали падать на наши головы. По команде Сергея Павловича мы все вновь скрылись в бункере. Вот так бывает, что маленькому ключку бумажки пишутся целые оды. Я долго хранил этот неказистый ключок как память о первом пуске ракеты с моим участием. Вернувшись в Москву, я доложил обо всем этом Брегману. Он одобрил мои действия, но сказал, что я зря сам манипулировал бумажкой. А вдруг я бы замкнул не те контакты? И такое бывало в ракетной технике. Но с бумажкой мы были не новички! Вспоминает один из ближайших соратников Королева Борис Евсеевич Черток: «Идут испытания (прожиг) двигателей на стенде в Загорске, не проходит одна из команд, причина все в том же — не срабатывает одно реле. Что делать? Докладывать С. П. Королеву и Д. Ф. Устинову (тогдашнему министру вооружения) о срыве испытаний — смерти подобно. Принимается рискованное решение — подсовывается под пульт низкорослый испытатель, который снимает с реле футляр и в нужный момент нажимает пальцем на его якорь, чтобы оно сработало». Придумали технологию — Воскресенский смотрит на пульт и громко «транслирует» все, что там высвечивается, Черток стоит возле другого пульта, из которого торчит нога испытателя. По команде Воскресенского Черток своей ногой нажимает на ногу испытателя, а тот в этот момент должен нажать на

якорь реле, и схема пошла дальше в автомате. И все это происходит на глазах у Королева и Устинова, которые стоят здесь же у пульта и ничего не знают о том, что в автоматический процесс вмешался «Вася». Как вспоминает Борис Евсеевич, больше всего боялись, как бы испытатель внутри пульта вдруг не чихнул или не кашлянул. Ведь позору не оберешься! Так что в тех условиях, в которых мы находились уже в 60-х годах, Сергеем Павловичем принято было решение, имеющее свою предысторию. Осенью 1963 года наш отряд слушателей-космонавтов привезли на полигон, для знакомства. Большинство из отряда вообще первый раз были в Тюра-Таме. По программе была запланирована встреча с Сергеем Павловичем. Это было первое знакомство Королева с новым набором космонавтов. Он принял нас хорошо, мы часа два говорили о космонавтике, наших перспективах, о будущих полетах, о наших проблемах. Ну что бы мне здесь вспомнить нашу «бумажную» эпопею! Постеснялся. А может, зря? Будь я посмелее, можно было бы теоретически иметь два возможных варианта. Первый: Сергей Павлович вспоминает про наш марш-бросок, расчувствовался, что встретил друга-ракетчика, и как результат — команда Каманину срочно готовить Буйновского к внеочередному полету на очередном «Востоке». Или другой вариант: этого молодого нахала, бравирующего своими связями и знакомством с Главным конструктором и с сильными мира сего, и близко не подпускать к космическому аппарату, отчислить из отряда. В реальной жизни получился компромисс: я промолчал, Сергей Павлович не вспомнил. А может, это и к лучшему?

А вот, оказывается, за нашим первым пуском внимательно следила шестерка летчиков, будущих пилотов первых космических кораблей. И конечно же они прознали, что пуск завершился подрывом ракеты. Факт, прямо скажем, не внушающий оптимизма накануне первого полета человека в космос. Некоторое спокойствие в их ряды внес Володя Хильченко, тоже один из ветеранов Тюра-Тама: «Когда я приехал на 2-ю площадку и зашел в монтажно-испытатель-

ный зал, то там стояли космонавты и горячо обсуждали увиденный ими взрыв. Они обратились ко мне с просьбой объяснить им это впечатляющее зрелище. Я ответил, что это была неудавшаяся попытка первого пуска новой боевой ракеты, ничего общего не имеющей с ракетой-носителем «Востока». И тут мне был задан одним из них сакраментальный вопрос: а что, ее привезут сюда и ее можно будет посмотреть? Что можно привезти после взрыва ракеты! Я пробормотал что-то невразумительное и, сославшись на занятость, ретировался. Конечно же это не просто неосведомленность молодых летчиков в тонкостях ракетной техники. Просто такие они рискованные, эти летчики-истребители!»

За первым пуском нашей новой ракеты пошли и последующие — начался сложный и довольно-таки длительный процесс летных испытаний со своими успехами и огорчениями, постоянной работой по улучшению и модернизации самой ракеты, ее оборудования, ее системы управления. Два энтузиаста — Дымов и я — практически безвылазно сидели на полигоне. У моего напарника, который должен меня эпизодически подменять, семья, дети, так что я зачастую сидел на полигоне по две смены подряд. Но я об этом и не жалел. Мне все это нравилось и пока еще не надоело. В свободное от бдения в пульту время мы с Дымовым любили (особенно ранней весной) уйти, а еще лучше уехать далеко-далеко в степь, подышать полынным воздухом, понаблюдать, как высматривает свою жертву красавец орел или как греются на не ярком еще солнышке вылезшие из своих нор немногочисленные степные обитатели.

Вот уже прошел год, как я мотаюсь между Москвой и Тюра-Тамом. Если я на полигоне, то это уже отработанный цикл — доработки нашей наземной аппаратуры, извечное «перетягивание каната» с местными военными в части отработки эксплуатационной документации или устранения отказов и неисправностей предыдущих пусков. Если я в институте, то это работа над более сложной и интересной модификацией нашей ракеты и, естественно, ее системы уп-

равления. У меня хорошие, взаимно уважительные отношения с разработчиками, меня ценит мое начальство (как мне помнится, к этому времени я уже получил повышение по должности). Дома, слава богу, тоже все стабильно и вроде бы нормально. Если удавалось, продолжал упорно ходить к Борису Алексеевичу в ЦСКА на тренировки. Правда, в это время мы все на работе увлекались футболом. В свое время наш министр маршал Жуков ввел в Советской Армии обязательный для всех офицеров час утренней физической подготовки. Это хорошее начинание легендарного маршала надолго укоренилось в офицерской среде. Мы упросили свое начальство и три часа в неделю соединяли в один день, гоняя до одурения футбольный мяч на стадионе «Авангард», что на шоссе Энтузиастов. Мне даже доверяли защищать спортивную честь нашего военного представительства на первенстве института. Помню, в одной из жарких футбольных баталий мне сломали нос, что меня, парня «на выданье», страшно огорчило. Я даже нашел специальный институт по пластическим операциям, куда обратился за помощью. Толком они мне ничего не сделали, успокоив лишь заявлением, что ты и так, мол, хорош. С этих пор у меня вместо красивого греческого нос стал не менее красивым, но уже римским, с горбинкой. Не забывали мы с Батюней и наш любимый ЦДСА, но с этими командировками и вечными авралами на работе посещаемость катастрофически падала, а отсюда и минимальный выходной эффект. При первой же возможности мы с другом вдвоем или небольшой компанией отправлялись позагорать в полюбившуюся нам Хосту, где главной проблемой было с самого раннего утра занять место на пляже, ибо часам к девяти утра там не то что лечь, но и стать было негде. Но и это нас не смущало! Много солнца, ласковое море, красивый контингент — чего еще надо двум молодым холостякам? В один из заездов в эту нашу всесоюзную здравницу, а это было лето 1962 года, я на пляже как-то незаметно влился в одну из многочисленных молодежных компаний — картишки (самая популярная пляжная игра — в «ду-

рака»), шутки, анекдоты, коллективное кувырканье в воде, в общем, обычное явление в условиях перенасыщенного пляжа. Насколько мне помнится, вечерних контактов с этой компанией или отдельными ее представителями у меня не было. Из всей этой группки мне запомнилась одна девчушка — небольшого росточка, с хорошенькой фигуркой, светлыми волосами и, что самое примечательное, большими выразительными карими глазами, что меня и заинтриговало: я как-то всегда думал, что светлые волосы должны сочетаться с голубыми, а не с карими глазами. Звали это юное очарование Галя, и при знакомстве она представилась как московская студентка. Ну студентка так студентка. Когда я собрался уже домой, то как-то не решился подойти к моим пляжным знакомым попрощаться. Да и зачем? Встретимся ли еще? И вот здесь моя интуиция меня подвела. Встретились. Да еще как встретились!

Московский период моей службы в нашей доблестной армии вошел, мне кажется, в нормальное, спокойное русло. Все вроде бы стабилизировалось, работа отличная, почти любимая, мама балует своего любимчика, на личном фронте — затянувшиеся, вяловатые бои местного значения, без громких побед, но и без особых поражений. Все хорошо, все прекрасно! На ближайшие 5—10 лет я не предвидел и не планировал что-либо менять в своей жизни, даже включая сюда ставшую уже злободневной проблему женитьбы.

Но вот в один из рабочих дней июня 1962 года моя спокойная военпредовская жизнь вдруг резко закончилась.

ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОДОК

«Не хотите стать космонавтом?» С таким вопросом в конце обычного субботнего рабочего дня 9 июня 1962 года обратился ко мне мой начальник, не очень-то расположенный к панибратским отношениям со своими подчиненными. Я уж приготовился как-то достойно отреагировать на эту шутку. Но потом понял, что вопрос-то на полном серьезе! И тут я мгновенно перешел в шоковое состояние. И было от чего!

Середина 1962 года. У всего мира на устах только два имени: Юрий Гагарин, Герман Титов — два советских человека, впервые слетавшие в космос. Они — символ эпохи, пример для подражания юношей и объекты тайной любви девушек. Это — суперпопулярные личности, за каждым шагом которых с любовью, умилением и огромным, а зачастую и нескромным интересом следят во всех уголках Земли. В нашей стране съезд не съезд, «Голубой огонек» не огонек, если среди участников нет Юрия или Германа. А если на приеме в каком-либо иностранном посольстве в Москве нет одного из них, то это могло привести и к натянутым отношениям между странами. Короче, в те времена герои космоса — это уже не

«простые советские труженики», а обожествленные личности, о которых обычными житейскими мерками и категориями и думать как-то неудобно. Через год-два после полета Юрий Алексеевич: депутат Верховного Совета СССР, член ЦК ВЛКСМ, делегат партийных съездов, гость руководителей 28 стран мира, президент Общества советско-кубинской дружбы и даже... почетный вождь старинного племени Кпелле (Либерия). Ну разве можно с таким человеком говорить просто о погоде или о житейских проблемах, о работе, получке, футболе? Не меньше общественных нагрузок было и у Германа Степановича Титова. Возглавлял он Общество советско-вьетнамской дружбы. Ходил в больших друзьях у Хо Ши Мина — вождя вьетнамского народа. Помнится, летом 1962 года в Москве гастролировал какой-то популярный бразильский эстрадный певец. Выступал он в саду «Эрмитаж». В середине второго отделения объявление по залу: следующая песня посвящается присутствующему в зале космонавту Герману Титову и его супруге. Все! Для публики певец перестал существовать. Весь зал искрутился и издергался в поисках своего любимца. А что было по окончании концерта! Огромная толпа бросилась к выходу, чтобы посмотреть на космонавта. В первых рядах этих фанатов (это так они сейчас называются) с горящими глазами и с огромным желанием обнять и прижать к своей груди комонавта-2 выступал молодой парень, который и с Королевым пускал ракеты, и участвовал в пуске Гагарина, и сам уже готовился стать космонавтом! Это был я. Милиция еле успела пропустить звездное семейство через ворота сада и закрыть их перед самым нашим носом. Удивляюсь, как это мы в порыве любви и энтузиазма не снесли ворота вместе с решеткой сада! В обожествлении наших героев (а русский народ любит и умеет это делать!) дело иногда доходило до анекдотов. Вспоминает испытатель куйбышевского завода «Прогресс» Г. П. Сошин: «...На полигоне при подготовке очередного пуска часто устраивались волейбольные баталии между «промышленниками» и космонавтами; однажды во время игры я довольно-

таки прилично залепил в глаз Юрию Гагарину. В результате имел беседу с представителем соответствующих органов: как я это посмел? Случайно получилось, игра есть игра — отвечаю. Не верит, настаивает: наверное, я специально целил, хотел вывести из строя. Выручил сам Гагарин: что вы пристаёте к человеку, это же волейбол! В конце концов от меня отстали, но я дал себе зарок в такие ситуации не попадать и в компании с Гагариным в волейбол больше не играть. Правда, на следующий день обе команды в прежнем составе опять яростно бились на волейбольной площадке...» Вот так представители этих самых «соответствующих органов» рьяно отделяли героев — народных любимцев от простых житейских будней и радостей, ожесточая при этом как простой народ, так и самих космонавтов. Что ж, такие были времена, такие нравы!

И вот 26-летнему старшему лейтенанту со скромными артиллерийскими эмблемками на погонах, на груди у которого нет даже юбилейной медальки, предлагают стать третьим (не меньше!) в шеренге Героев планеты! Поневоле впадешь в шоковое состояние! И если честно, то я как-то и не бредил космическими полетами. Меня вполне устраивали мои ракеты, командировки на полигон, мои коллеги — разработчики и испытатели, моя семья, мои друзья и подруги. И я трезво оценивал реальную действительность: ракетчик должен пускает ракеты, а стихия летчика — заоблачные выси, а теперь вот и космос.

Я уж и не помню, гаркнул ли во всю молодую глотку «Да!!!» или прошептал пропавшим от волнения голосом «Согласен». Получив нужный ответ, с чувством выполненного долга начальник покинул нашу комнату.

Мне думается, что для летчиков, и не просто летчиков, а летчиков истребительной авиации, вопрос: хотите ли вы стать космонавтом? — звучал бы более естественно и логически обоснованно. Современная авиация постоянно находилась и находится в своем развитии, совершенствовании. Растут скорости, увеличивается радиус действия, потолок высоты измеряется уже несколькими десятками километров, бо-

лее сложным становится бортовое оборудование. Но на борту любого самолета, каким бы он современным ни был, всегда находится пилот, человек, который должен управлять машиной. Совершенствуется техника — совершенствуется и человек, управляющий этой техникой. И любой летчик всегда ждет вопроса: не хотите ли вы перейти на более совершенную машину? Или: не хотите ли вы стать летчиком-испытателем?

А вот Юрий Гагарин, например, свое приобщение к космосу взял в свои руки. Он не стал ждать приглашения в кабинет командования с разговорами на «туманные» темы о перспективах авиации и возможностях его участия в освоении новой техники. Вдохновленный победами отечественной космонавтики (к этому времени очередная космическая ракета обогнула Луну, сфотографировала ее невидимую часть и снимки передала на Землю), старший лейтенант Гагарин принимает решение: «...если совсем недавно полагал, что еще есть время на размышления, то теперь понял — медлить больше нельзя. На следующий день, как того требует военный устав, я подал рапорт по команде с просьбой зачислить меня в группу кандидатов в космонавты. Мне казалось, что наступило время для формирования такой группы».

Герман Титов вспоминает, как для него завуалированно впервые прозвучал вопрос: хотите ли стать космонавтом? В штабе части незнакомый врач спросил Германа, хотелось бы ему летать на новой технике? «Конечно, — не задумываясь ответил будущий Космонавт-2. — Я летчик, а какой же летчик, да еще молодой, не хочет летать на более скоростном, более высотном, более современном самолете?!» Естественный вопрос и не менее естественный ответ! Интересно, как бы я ответил своему начальнику на его вопрос типа: хотелось бы вам полететь на той ракете, в испытаниях которой вы сейчас принимаете участие? Вопрос, конечно, интересный! А ведь если разобраться, то любой космический аппарат, в том числе и пилотируемый, выводится на орбиту с помощью ракеты-носителя. Так что в этом случае мой начальник был бы недалек

от истины. В общем, вопрос мне был задан конкретный, и я ответил на него положительно.

Домой летел как на крыльях! На небольшом семейном собрании (а этот день совпал с днем рождения сестры — ей исполнилось 17 лет) я скромно доложил о моих ближайших перспективах. Второе за день шоковое состояние, но уже среди моих близких. А затем тихая радость мамы («Я знала, что мой сын...»), сдержанная гордость за меня папы, бурный восторг сестры и подчеркнuto почтительное отношение ко мне немногочисленных гостей — свидетелей этого исторического события в нашей семье.

Весь следующий выходной день я был сам не свой. Бурная, неуемная фантазия уже подняла меня в космос и спустила на землю героем. Мне казалось, что на улице все на меня оборачиваются и шепчут: «Вон идет космонавт!» Родители и сестра смотрят на меня с почтением и обращаются ко мне чуть ли не на «вы». Да я и сам сильно заужавал себя и к концу дня был уже полностью уверен, что кому, как не мне, лететь в космос, и Родина знала, кому поручить эту миссию. В понедельник страсти немного поутихли, поздравления от сослуживцев почему-то не последовали, начальство, как-то забыв, что перед ними будущий герой — покоритель космоса, продолжает обременять меня своими поручениями и ругать за невыполненные задания. Я немножко сник и обескуражен. А может, и действительно мой субботний разговор — плод моего воображения или неудачная летняя первоапрельская шутка. Наступили обычные будни.

В конце недели из кадровых органов пришло указание: направить старшего лейтенанта Э. И. Буйновского в Центральную поликлинику ВВС для прохождения «амбулаторного исследования» на предмет зачисления кандидатом в отряд космонавтов.

Вот так, в рабочей текучке, без, так сказать, предварительной теоретической и психологической подготовки и душевных терзаний, через сугубо житейский вопрос типа: «Есть два билета в театр. Вы не хотите пойти?» — в моей последующей жизни был заложен очень крутой вираж.

Поликлиника Военно-воздушных сил располагалась в большом, несколько мрачноватом здании на Большой Пироговке. Именно сюда я пришел с направлением для выяснения одного лишь обстоятельства: здоров ли я в принципе, можно ли со мной иметь дело дальше и готов ли я для более серьезных испытаний. К моему удивлению и неудовольствию я оказался не одинок! В это медучреждение были направлены все, кого выделило Министерство обороны и, в частности, Ракетные войска, для пополнения списка героев космоса. И самое интересное, что среди этих абитуриентов были знакомые мне личности, с которыми я каждодневно по службе общался, но которые ни разу не обмолвились, что они собираются посетить поликлинику ВВС! Кстати, я тоже молчал. Это уже не забывчивость и легкомыслие, а зарождающееся соперничество.

Жажущих было столько, что здесь работали по схеме «Открой, закрой, повернись, нагнись — годен! (не годен!). Следующий!» Для отдельных «кандидатов в герои» этот процесс был настолько скоропалителен, что он, бедняга, так и не понял, почему же он через час-другой после начала хождения по кабинетам оказался вдруг на улице и почему его не взяли в космонавты. Кстати, даже такое мимолетное приобщение к этой романтической, но сложной профессии давало право такому абитуриенту спустя многие годы небрежно обронить в кругу своих родных и знакомых: «Был я в отряде космонавтов, да так уж сложились обстоятельства — ушел». Что ж, в те далекие годы, когда эта профессия была уделом лишь единиц, каждому хотелось приобщиться к ней, и для тех, кто сделал пусть и маленький шаг в этом направлении, это на всю жизнь!

На этом этапе мне, я считаю, повезло. Оснований для волнения особых вроде бы и не было. Молодой парень, холостяк, гимнаст, с определенной долей самоуверенности (если не сказать больше) не сам пришел, меня попросили. Так что в кабинетах у врачей я долго не задерживался. Хотя была пара моментов, когда думал: ну все, конец! Вдруг выяснилось, что

один мой глаз видит хуже другого, но, слава богу, оказалось в пределах нормы. Хуже было у хирурга, когда он долго изучал мое лицо и потом спросил: «А вы боксом не занимались?» Откуда вопрос — мне было ясно. Выдал меня мой «римский» нос, сломанный пару лет назад в футбольных баталиях. «Нет», — честно сказал я и мысленно стал собирать свои вещички. Врач долго думал, и, видимо, оценив выражение моего лица, молвил: «Ну давай, действуй дальше». Вот уж действительно судьба-злодейка! Скажи врач «нет», и дальше мне не о чем было бы писать. Хороший попался дядька! Все остальное для меня было проще простого. Даже снаряд, который для многих моих коллег оказался роковым, я прошел играючи. А это всего лишь вращающийся стул, на котором проверялись возможности вестибулярного аппарата. Недаром же я долгие годы занимался гимнастикой! Вот где мой упорный труд и потоки пота дали свои положительные результаты.

Два дня обследования прошли мгновенно, как какой-то сон, на одном дыхании. Я прошел всех врачей и нигде не получил отрицательных результатов! А дальше сказали: «Ждите. Вам сообщат». А чего ждать и сколько ждать, не сказали.

Очень образно описывает аналогичный период ожидания Юрий Алексеевич: «...А дни все шли и шли. Уже стало казаться, что обо мне забыли, что я не подошел. Ведь рост у меня небольшой, на вид я щупленький, бицепсами похвастаться не мог. А вместе со мной проходили комиссию парни что надо — кровь с молоком, гвардейского роста, косая сажень в плечах, самые что ни на есть здоровяки... Куда мне с ними тягаться! Старался забыть о своем рапорте, о комиссии — и не мог. Когда я совсем отчаялся, когда, казалось, уже не осталось никаких надежд, пришла бумага: меня снова вызывают на комиссию».

Вот приблизительно в таком же состоянии я и находился более двух месяцев! На работе я лишний раз не выходил из своей комнаты, вздрагивал от каждого телефонного звонка, после работы — только домой, позабыв о друзьях и подругах. И вот когда я уже и от-

чаялся получить какой-либо вызов и понял, что про меня просто забыли, вдруг команда: прибыть в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь для прохождения дальнейшего обследования.

Почти в центре парка Сокольники, в тиши, среди густой зелени стоит старинная, красивая, с остатками богатого внутреннего интерьера деревянная дача, где когда-то, до революции, в стороне от городской суеты любили повеселиться московские купцы. Вот эта дача и была по тем временам центральным зданием госпиталя, где проходили обязательное обследование молодые летчики и списывались увольняемые на пенсию старые авиационные асы.

Удивительно это было медицинское учреждение! Ну где еще за забором больницы можно услышать мощный рев десятка молодых, здоровых глоток, пугающий редких в этих местах прохожих. А это «больные» выясняли свои отношения в жарких баталиях на волейбольной площадке. Или стоят у забора два здоровых дяди и в расчете на мужскую солидарность передают через прутья проходящему парнишке трешку с просьбой купить бутылку. Я сам однажды наблюдал, как две унылые фигуры долго стояли у забора в безуспешном ожидании гонца, который почему-то так и не пришел.

Вот сюда и направляло командование ВВС будущих кандидатов в космонавты, в основном молодых летчиков со всех концов нашей необъятной страны. Я тоже оказался среди них где-то в середине сентября 1962 года.

Да! Врачи этого госпиталя были высокие профессионалы и хорошо знали свое дело! Тем более что перед ними была поставлена задача с множеством неизвестных: при отсутствии конкретных критериев и норм отобрать людей, способных работать в условиях космоса. А кратковременные полеты Гагарина, Титова и к этому времени Поповича и Николаева — слишком малый практический опыт, на основе которого можно было бы разработать объективную методику отбора будущих покорителей космоса. Я счи-

таю, что нам еще повезло! Полеты, пусть и кратковременные, четырех землян дали врачам ответ на главный вопрос: может ли человек вообще находиться в космосе и живым вернуться на Землю. Оказалось, может! По воспоминаниям Германа Титова, в его односуточном полете он должен был попробовать поспать в условиях невесомости. Вот такими маленькими шагами врачи и отработывали методику отбора кандидатов для космических полетов. Первые обнадеживающие результаты дали возможность немножко ослабить требования к здоровью очередных абитуриентов. Помнится, в госпитале нас крутили на центрифуге два раза по 30 секунд и с не очень большими перегрузками («голова — таз» — трехкратные, «грудь — спина» — восьмикратные перегрузки). А вот что вспоминает представитель первого отряда Космонавт-14 Борис Волынов: «Проходить отборочную комиссию было непросто, врачи предлагали очень жесткие тесты, а мы должны были терпеть и выживать. Например, на центрифуге для начала предлагалась шестикратная перегрузка. Под рукой у меня была кнопка, я мог ее отпустить, и врачи останавливали вращение, но из кабины не выпускали, ждали, когда пульс и давление придут в норму, при этом шла запись, мы сидели, все облепленные датчиками. Где-то минут через пять давалась семикратная перегрузка, и опять — пока не отпущу кнопку — сколько выдержу. Передышка — и уже восьмикратная нагрузка и опять — пока держу кнопку. В общей сумме за три вращения надо было набрать две минуты. Какие же это были трудные и длинные минуты!» Космонавт-21 Виктор Горбатко тоже подтверждает, что режим в госпитале был жесткий. Многие кандидаты, когда увидели список предстоящих обследований, сразу отказывались, отмечали командировку и отправлялись обратно в свою часть. Как правило, только один из десяти обследуемых успешно проходил испытания. Да! Ребятам первого отряда здорово досталось.

Каждому из обследуемых нашего потока был дан листок с перечнем процедур и испытаний, которые

мы должны пройти за время пребывания в госпитале. При наличии, естественно, положительных результатов по каждой процедуре. У меня этот листок сохранился. В конце каждого дня я делал в нем пометки, разрабатывал стратегию прохождения процедур следующего дня. А в этом листке 25 пунктов! Если точнее, 25 врачей, или 25 кабинетов, или 25 испытаний или обследований. Вот, к примеру, один из пунктов этого листочка. Я должен сдать кровь на тромбоциты, ретикулоциты, эозинофилы, время кровотечения, время свертываемости, протромбин, сахар, холестерин, лецитин, билирубин, остаточный азот, общий белок и его фракции (электофорез), реакцию Вельтмана, реакцию Вассермана, «С» — активный белок! И что самое удивительное, что мы сдавали кровь вполне осознанно, представляя при этом, чем отличается реакция Вельтмана от реакции Вассермана, или что нужно сделать с вечера, чтобы на следующий день получить положительные результаты при сдаче анализов.

Разным испытаниям и обследованиям подвергали нас врачи. Одни понятные, типа хирург, окулист, невропатолог, другие интриговали своей таинственностью — барокамера на «пикирование» и барокамера на переносимость гипоксии, вибростенд, центрифуга на переносимость радиальных ускорений. Все эти виды испытаний знакомы летчикам, но не знакомы нам — представителям нелетных профессий, поэтому мы шли на них с опаской, не очень рассчитывая на положительный исход. Были и такие испытания, которые поначалу вызывали у нас усмешку и к которым мы относились с некоторым пренебрежением. Заходишь в кабинет — висят качели, симпатичная медсестра предлагает сесть и начинает тебя раскачивать. Тебе приятно, ты смеешься, шутишь, кокетничаешь с сестрой. Проходят 10, 15, 20 минут — тебе уже не до смеха, какие там комплименты! Начинаешь глазами искать то ведро, которое скромненько стоит в углу и ждет своего «звездного часа». И здесь помогла мне моя любимая гимнастика! Вестибуляр у меня был отменный! Ну и еще одно испытание, которое

тоже начинается с ухмылочки, но завершается, как правило, уползанием на четвереньках в прямом и переносном смысле этого слова. Заходишь в кабинет, и симпатичная сестра нежно привязывает тебя к столу. Молча лежишь 20, 30, 40 минут, час, и потом вдруг стол опрокидывается на 45 градусов и ты оказываешься вниз головой и продолжаешь лежать еще долго-долго! Почему-то считалось: пройти эти испытания — значит побывать в «гестапо».

И тем не менее мы дружной стайкой бегали по кабинетам, заполняли свои листочки, обменивались впечатлениями и делились опытом прохождения процедур. А «мы» моего потока — это молодые лейтенанты Ракетных войск из Москвы и Подмосковья, испытатели из Капустина Яра, Тюра-Тама и Плесеца. Мы и старались держаться отдельной группкой и во всем поддерживать друг друга. Впервые вместе с нами проходили обследование и несколько гражданских специалистов. Находили время и силы еще и подшучивать друг над другом. Старая, как мир, шутка, когда с вечера тебе необходимо очистить желудок и все та же очаровательная сестричка делает тебе клизму, ты бегом в туалет, а там, конечно, все занято. И когда уж совсем плохо, кто-нибудь милостливо уступает крайне необходимое тебе рабочее место.

Отношение к нам — кандидатам в отряд космонавтов — было особое, внимание — повышенное. Иногда сидишь в очереди перед дверью очередного кабинета и какой-нибудь старый ас, кандидат на увольнение, спрашивает с недоверием: «Ты что, тоже списываешься?» Сидишь, молчишь, скромно потупив взор. «А, ты — спецконтингент!» — с уважением молвит он и иногда пропускает без очереди. Что ж, первые шаги будущей славы! Пустячок, а приятно. А вообще-то мы еще и не думали ни о какой славе (а если кто и думал, то тайком, после отбоя, в темноте палаты, когда все спят), да и какая там слава, когда каждый день врачи отчисляли по одному-два человека, и вечером с облегчением думаешь: ну, слава богу, пронесло! Что-то будет завтра?

Прохождение отборочной медкомиссии — та единственная стадия сложнейшего, длительного пути к космической славе, когда отношения между абитуриентами еще ровные, почти дружеские, без элементов зависти и соперничества. Во всяком случае, я не видел в своих коллегам по палате каких-то конкурентов, которые стоят на моем пути и которых правдами и неправдами надо отметать в сторону. Все мы радовались успехам каждого и искренне огорчались, когда кто-то покидал наши ряды. Хорошее было время! В кабинетах и лабораториях госпиталя я впервые встретился и познакомился с Виталием Жолобовым, Виталием Севастьяновым, Алексеем Елисеевым, Георгием Катысом, с которыми у меня на долгие годы сохранились хорошие, добрые отношения.

Где-то в конце ноября 1962 года я завершил с положительными результатами весь цикл стационарных испытаний в госпитале. Вроде бы должен был радоваться, но какое-то двойственное чувство меня не покидало. Все это навалилось на меня настолько неожиданно, а медицинский отбор прошел для меня слишком просто, с минимальной затратой физических и моральных сил, что я не очень-то осознавал, что для меня закончились все испытания и я вот-вот почти космонавт. Как-то не верилось, что происходящее со мной в последнее время — все это реально, серьезно и может изменить в корне всю мою дальнейшую жизнь. Мне все время казалось, что наступит такой момент, когда кто-нибудь скажет: ну, поиграл в космонавты и хватит, возвращайся к своей прежней жизни и своей работе. Как ни странно, но в дальнейшем это чувство не только не пропадало, а наоборот, крепло, хотя оснований для это особо и не было — все у меня проходило гладко и почти с первого захода. Но это все было потом.

Наступило время очередного ожидания, правда, не такого уж томительного и длительного. Были моменты, которые давали мне основание думать, что дело продвигается и про меня не забыли. Как-то соседка по нашему дому — старшая по подъезду — под большим секретом сказала моей маме, что товарищ

из «органов» вел с ней длительную беседу: выяснял, что из себя представляет мое семейство, не нарушаем ли мы принципы коммунистической морали, не устраиваем ли пьяные дебоши и драки и не ведем ли аморальный образ жизни. На работе уточняющие звонки из кадров тоже давали уверенность, что дело движется.

И вот 8 января 1963 года! Мандатная комиссия под председательством генерала Каманина заседала более четырех часов и из 25 кандидатов отобрала для зачисления в отряд космонавтов только 15 летчиков и инженеров. Среди них был и я. Задав мне несколько общих вопросов, председатель объявил решение комиссии: «Старший лейтенант Буйновский, вы зачисляетесь в отряд слушателей-космонавтов ВВС!» Стоит ли говорить, что я пережил в эти минуты и какая у меня была буря в груди, когда я вышел из кабинета!

Это была моя первая встреча с легендарным летчиком генерал-лейтенантом Николаем Петровичем Каманиным. Помнится, еще в раннем детстве с большим интересом прочел красиво оформленную книгу «Как мы спасали челюскинцев», написанную гражданскими и военными летчиками, принимавшими участие в 1934 году в спасении команды и пассажиров парохода «Челюскин», который затонул в Чукотском море. Эти семь летчиков стали первыми Героями Советского Союза. Звездой Героя за № 2 награжден военный летчик Каманин. В годы Великой Отечественной войны генерал Каманин командовал штурмовым авиационным корпусом. Примечательно, что к концу войны 76 мастеров штурмовых ударов, как и их командир, стали Героями Советского Союза.

С 1960 по 1971 год Николай Петрович, работая в штабе ВВС в должности помощника главнокомандующего ВВС по космосу, руководил подготовкой первых советских космонавтов. У меня о нем сложилось мнение как о человеке с сугубо военной жилкой, очень ответственном за порученное дело, человеке «сталинской» закалки. Всем нам он казался излишне строгим, суховатым, не склонным в общении с подчиненными к шуткам и традиционным авиацион-

ным байкам. Космонавтов, настоящих и будущих героев, держал в «ежовых» рукавицах. Мы все, и особенно вновь прибывшие, его немного побаивались, старались особо не попадаться на глаза, хотя он частенько навещал нас, решал на месте многочисленные штатные и организационные вопросы, следил за ходом подготовки групп космонавтов к очередным полетам, активно принимал участие в наших партсобраниях. Предмет его особых забот — «разборки» с героями, когда их действия выходили за рамки уставов, правил дорожного движения или не вписывались в Моральный кодекс строителей коммунизма (был когда-то такой обязательный документ, по которому мы все и особенно коммунисты должны были работать, учиться, отдыхать, дружить, любить, блюсти семью, делать детей и правильно их воспитывать). Здесь было о чем переживать! Например, в октябре 1962 года руководитель подготовки космонавтов должен был на Президиуме ЦК КПСС доложить о нескромном поведении космонавтов, кстати, не только героев, о плохой их учебе в академии, о «прилипании» кое-кого из журналистов к славе космонавтов и еще по ряду других житейских вопросов. Вот так! Не где-нибудь, а в высшем органе нашего государства должен был рассматриваться вопрос о несоблюдении рядности, пересечении сплошной линии разметки и не очень корректном разговоре Германа Титова с работником ГАИ. Кстати, поводом для такого заседания была докладная записка в ЦК работников КГБ. Мне думается, что житейские огрехи космонавтов все же не имели общегосударственного, общепартийного масштаба и не заслуживали такого внимания руководителей нашей партии. Просто ответственные работники ЦК тоже люди, и они не могли отказать себе в удовольствии покопаться в «грязном белье» космонавтов. Николай Петрович с горечью вспоминает: «ЦК не находит времени для рассмотрения больших, принципиальных вопросов развития космонавтики и считает уместным обсуждать сомнительные донесения о поведении космонавтов».

В 1995 году отдельной книгой были опубликованы дневники Каманина с очень символическим названием: «Скрытый космос». Достаточно интересная книга, особенно для тех, кто в те времена имел к этой проблематике прямое отношение. Много и пространно рассуждает Николай Петрович о месте космоса и особенно — военного космоса в структуре ВВС и Министерства обороны в целом. Здесь он — истинный патриот авиации («...за два года мы убедили народ и руководителей страны в том, что космические полеты — это естественное продолжение авиации...»). Наверное, это первое популярное издание, где космос показан не в «парадных» красках с его победами и триумфальными поездками героев-космонавтов по странам мира, а повествуется о повседневных буднях Звездного городка с его многочисленными проблемами, человеческими судьбами, несбывшимися планами и мечтами, успехами, поражениями и человеческими жертвами. Многим из наших двух отрядов досталось на страницах дневника Николая Петровича! Зачастую не миловал он и наших больших партийных и государственных руководителей. «...Мелкий, завистливый политикан, трусливый подхалим, себялюбек, мнящий себя великим поборником мира. Народ ропщет против «исторических» успехов проводимой им политики, а он своей рукой награждает себя звездами Героя...» — такую вот «убийственную» (и кстати, справедливую) характеристику дает автор дневника не кому-нибудь, а здравствующему и тогда еще действующему Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву! Смело даже для периода хрущевской «оттепели». Вот таким бескомпромиссным был мой будущий начальник!

По тем временам попасть в отряд космонавтов с перспективой стать героем космоса — событие, значимое не только для счастливого абитуриента, но и для коллектива, его вырастившего и воспитавшего. Поэтому, провожая меня на общем собрании нашего представительства заказчика, где было сказано много хороших, теплых слов в мой адрес, сослуживцы

просили не подкачать и быть достойным имени ракетчика. Я уж не помню, какие слова благодарности я говорил в ответ, но точно помню, что я просил меня не забывать и не исключать из списков коллектива. Видно, все-таки я предчувствовал, чем закончится мой путь в герои космоса.

Парадоксальная складывается картинка! Сотни, тысячи наших парней мечтали о космосе, стремились попасть в Звездный городок, приобщиться к великим свершениям. Причем, как зачастую подчеркивали журналисты, многие из них чуть ли не со школьной скамьи думали о космических полетах. А тут нашелся один, который и не очень-то рвался в космос и не очень-то ему это надо. Смешно и неправдоподобно! Хотя я был искренен в тогдашних своих переживаниях и сомнениях. И как оказалось, здесь я был не одинок. Со временем у меня появились «последователи». Много лет спустя после моих душевных терзаний такого же 26-летнего лейтенанта Евгения Салея — военного летчика 1-го класса, мечтавшего о росте профессионального мастерства и учебе в воздушной академии, чуть ли не в приказном порядке направляют на медицинскую комиссию для зачисления в отряд космонавтов. Приказ есть приказ. Евгений отправляется на комиссию, в надежде, что он ее не пройдет. Прошел. И с 1976 года Евгений Салей в отряде космонавтов. Дальнейшая судьба Евгения типична для многих неслетавших космонавтов. Тренировки и подготовка к полету по программе «Буран», член дублирующего экипажа по программе «Салют-7», дублер космонавта-исследователя космического корабля «Союз Т-14». Это 11 лет упорного труда, нервных стрессов и несбывшихся мечтаний. В ноябре 1987 года Евгения списывают из отряда космонавтов «по состоянию здоровья». Обидно, что только через 10 лет врачи «заметили», что у парня одна почка находится чуть ниже другой. Десять лет этот в общем незначительный дефект не мешал Евгению готовиться к полетам в космос, но так складывались обстоятельства, что эта особенность его организма в одночасье стала причиной его незамедлительного

отчисления из отряда. Результат — и в космос не слетал, и академию не закончил, и навыки классного летчика растерял. В 1996 году 46-летний подполковник Салей уволен в запас.

Богатое у нас государство! Ну ладно, меня два года держали на полном государственном обеспечении, мной занимались врачи, технические специалисты, меня учили летать на различных типах самолетов, прыгать с парашютом. Все это деньги. И немалые даже по тем временам. А сколько же стоило государству 11 лет общей и специальной подготовки Евгения Салея к его так и не состоявшимся космическим полетам. Почему-то ни в мои времена, ни в последующем никто не счел нужным подсчитать, что экономически выгоднее — подлечить парня и продолжить его специальную подготовку или сразу его отчислить (на его место тысячи других найдутся — безотбойный довод). К сожалению, стандартной фразой «Списан по состоянию здоровья» зачеркивалась судьба многих наших кандидатов на космические полеты. Где-то, конечно, и обоснованно, а где-то так, для перестраховки. На начало 1990 года из 172 астронавтов США, отобранных для космических полетов, только один (!) был отчислен по состоянию здоровья. Сравнение явно не в нашу пользу.

И вот утром 25 января 1963 года мы с Виталием Жолобовым прибыли, как было указано в предписании, в войсковую часть 26266 для прохождения дальнейшей службы.

Конечно, все мы, прибывшие к новому месту службы, находились еще в эйфории, продолжали радоваться своим победам на медицинском поприще, а прибывшие с периферии — появившейся возможности дальнейшей службы в окрестностях Москвы. Мы смутно представляли, куда мы попали, каковы наши перспективы. Уверен, что большинство из нас думало, что завтра же начнется подготовка к пуску, а в самое ближайшее время один из нас станет пятым после Гагарина, Титова, Николаева и Поповича героем-космонавтом. Откуда нам было знать о той кропотливой титанической работе, предшествовавшей нашему

появлению в районе станции Чкаловская. А жаль. Много интересного было в те времена скрыто за семью печатями!

Исторической и юридической основой для организации и проведения в нашей стране работ по подготовке будущих космонавтов явилось вышедшее в мае 1959 года Постановление правительства «О подготовке человека к космическим полетам». Было решено набирать первых кандидатов из числа летчиков-истребителей реактивной авиации ВВС. По рекомендации С. П. Королева отбор кандидатов производился силами врачей и врачебно-летных комиссий ВВС. Уже летом 1959 года из более чем 3500 кандидатов к медицинской проверке в Центральном военном научно-исследовательском авиационном госпитале, что в Сокольниках, были допущены 206 человек. Благополучно прошли испытания лишь 29 кандидатов. Это и была основа будущего первого отряда космонавтов. Параллельно интенсивно велась работа по созданию самого Центра подготовки космонавтов (ЦПК). Директивой главкома ВВС в марте 1960 года такой Центр был сформирован. По штату Центр был небольшой, около двухсот человек. И уже летом 1960 года ЦПК разместился в районе станции Чкаловская в Звездном (тогда Зеленом) городке. Начальником Центра подготовки космонавтов был назначен полковник медицинской службы Е. А. Карпов.

Евгений Анатольевич Карпов многое сделал при закладке фундамента отечественной космонавтики. Первая Программа подготовки космонавтов разработана под его руководством. В апреле 1961 года Евгений Анатольевич был среди врачей, сопровождающих космонавтов на Байконур. В ночь с 11 на 12 апреля он и врач Никитин охраняли сон Гагарина и Титова. И в дальнейшем подготовка последующих трех полетов проходила при активном и непосредственном участии начальника ЦПК. Нам немного пришлось прослужить под началом Евгения Анатольевича. Уже в марте 1963 года начальником ЦПК был назначен генерал-лейтенант Одинцов, а Карпов стал

его заместителем по медико-биологической работе. Мне он запомнился как серьезный, интеллигентный человек. Мы все к нему относились уважительно. С почтением относились к нему и наши герои, что немаловажно. Но, видно, не хотелось Евгению Анатольевичу быть на вторых ролях. В декабре 1963 года он вернулся в авиационную медицину. Одна маленькая, но печальная деталь. На похоронах генерал-майора Карпова в мае 1990 года не было ни одного космонавта.

Естественно, что основу вновь созданного Центра подготовки космонавтов составлял отряд из 20 слушателей — космонавтов ВВС. Их объединяло то, что все они, в основном молодые старшие лейтенанты — выпускники различных летных училищ, пришли из истребительной авиации, прошли жесточайший медицинский отбор, были энергичны, целеустремленны, уже знали, что может ждать впереди, и шли на это сознательно. Но к моменту появления в ЦПК второго отряда в среде наших старших товарищей была незримая, но очень глубокая грань, которая делила ранее монолитный отряд на две неравные половины: четыре уже слетавших Героя и пятнадцать (16-й — Валентин Бондаренко трагически погиб в марте 1961 года при прохождении испытаний в сурдокамере) оставшихся кандидатов, каждый из которых с нетерпением и тайной надеждой на благополучный для себя исход задавал себе вопрос: кто же следующий? Вот уж действительно где этот самый человеческий фактор представлял собой сгусток колоссальных внутренних переживаний, эмоций, которые нужно было держать в себе и не проявлять на людях, постоянное сжигание моральных и физических сил, умение оставаться порядочным по отношению к своим товарищам и не стремиться на плечах других прорваться в первые ряды кандидатов. Все это с лихвой испытали на себе наши первооткрыватели космоса. Первым всегда трудно! Конечно же каждый из двадцати хотел стать первым. Это вполне естественно. Очевидно, так же думал и каждый из шестерки лучших, которых отобрали для подготовки к перво-

му полету. И когда уже за несколько дней до 12 апреля 1961 года остались три кандидата на звание Колумба Вселенной — Юрий Гагарин, Герман Титов и Григорий Нелюбов — каждый из них также не терял еще надежды, что именно он будет первым. И это тоже по-человечески вполне объяснимо! Много раз журналисты и просто любопытствующие задавали Герману Титову вопросы типа: не жалеете, что не вы первый, не завидуете ли вы Гагарину? На что Герман со свойственной ему прямоотой отвечал: да, чисто по-человечески завидую, да, тоже хотел быть первым и не вижу в этом ничего плохого и противоестественного; очевидно, были такие факторы и обстоятельства, которые поставили Гагарина первым в нашей шеренге. И надо отдать должное Герману Титову: за все последующие годы он нигде и ни при каких обстоятельствах не выступал с речами и не высказывал мыслей, порочащих имя своего старшего товарища, ставшего Космонавтом № 1. А вот третий из числа самых-самых, Григорий Нелюбов, не сумел справиться с колоссальными психологической и нервной нагрузками, не выдержал и «сошел с дистанции». Не став первым, потеряв надежду стать вторым и третьим, он дал волю своим эмоциям, расслабился, был отчислен из отряда космонавтов, направлен для дальнейшего прохождения службы на Дальний Восток, где и трагически погиб, попав под поезд. Вместе с Нелюбовым по тем же причинам из отряда были отчислены еще два слушателя — Иван Аникеев и Валентин Филатьев. А повод быстро нашелся. Все трое как-то вечерком потягивали пиво в буфете на платформе Чкаловская. Как это в таких случаях и водится, здесь же оказался патруль. А дальше по известному сценарию: «Ваши документы... Пройдемте...» — «А мы что, вечером пива не имеем права попить!» Оказалось, что имеют, но только уже за пределами Звездного городка.

Сложнейшая эта грань между двумя понятиями — «летавший космонавт» и «не летавший космонавт», «Герой» и «не Герой»! За время моего пребывания в отряде космонавтов я не раз наблюдал картину,

когда на Байконур для участия в очередном полете отбывал один человек — общительный, веселый, доступный для всех, а возвращается через неделю совсем другой. В эйфории своей славы, со Звездой Героя на груди, с совершенно новым, незнакомым нам кругом общения, значительная часть которого — любители погреться в лучах чужой славы. За каждым шагом его следит вся страна, да что там страна, весь мир! Его, как «свадебного генерала», водят по различным приемам, съездам и международным симпозиумам и совещаниям. Ну как тут устоять обычному летчику, которого вчера еще никто не знал, кроме коллег по Звездному да семьи, а сегодня он — всемирно известная личность! Да и времена были такие. С одной стороны, чуть ли не каждый день новая победа советской космонавтики, а с другой — русский народ всегда умел и любил возносить до небес своих героев, но не всегда помогал им удержаться на этих высотах. Ну а уж если народные любимцы по каким-либо причинам падали с этих высот и сильно бились о землю, то мы мгновенно их забывали и искали себе новых кумиров. Что там греха таить! Конечно, каждый из нас завидовал новому Герою, но в то же время мы и сочувствовали им, и жалели их, особенно тех, кто явно не справлялся с этими «земными» перегрузками. Такие тоже были. Им остается только посочувствовать. Тогда ведь не было шикарных «глянцевого» журналов, где сегодня подробно, с мельчайшими деталями расписывается личная жизнь известного артиста, певца, космонавта, общественного или политического деятеля. В те далекие времена общественное мнение или, точнее, народная молва об известной личности, а космонавты — в их первых рядах, формировались по пересказам, кто-то, где-то, что-то слышал или видел, сосед рассказывал или знакомый был участником какой-то встречи, где был, например, космонавт № («Как мы с ним набрались!»). А дальше из уст в уста передается и растет, как снежный ком, молва о том, что № — пьяница и дебошир, а жена у него сварливая женщина, а машину он разбил, а видел его с актрисой X, а дети у него... И пошло-по-

ехало! И что ведь самое обидное. Если этот самый № откажется выпить в компании очередных таких «закадычных» друзей, то он сразу станет еще и зазнайкой, гордецом, чванливой, высокомерной личностью. Это тоже национальная особенность русского характера: если ты со мной не отказываешься выпить — ты мой верный друг и товарищ, я за тебя в огонь и в воду, я буду прославлять тебя на всех углах и перекрестках, ну а если отказался, то уж не обессудь...

Шли годы. Менялась наша жизнь. Что-то в лучшую сторону, а что-то и наоборот. Многие изменилось и в подборе кандидатов на очередные космические полеты. В космосе требовались уже не только летчики, но и инженеры, конструкторы, ученые, врачи. Кандидат на очередной полет мог прийти совершенно со стороны и занять место очередника первого отряда, который ждал своего «звездного часа» долгие годы. Своих космонавтов стали готовить организации промышленности, научные и медицинские учреждения. Существенно усложнилась космическая техника, полеты стали длительными, как правило, групповыми, а со временем и международными. Космические полеты становятся почти обыденным делом. Не такие уже помпезные и многолюдные встречи прилетевших космонавтов, не все получают Звезду Героя, да и материальные блага существенно отличаются от тех, что имели первые герои. Бесплатные черные «Волги» (лучшие по тем временам отечественные автомобили), квартира с современным гарнитуром, денежная премия — это то, что наши первые герои получали от правительства в обязательном порядке. На заре отечественной пилотируемой космонавтики все эти блага распределялись и раздавались в зоне видимости жителей Звездного городка и среди членов одного небольшого коллектива первого отряда. Трудно оставаться равнодушным, если твоему товарищу, сегодняшнему соседу по «хрущевской» пятиэтажке, дают шикарную квартиру в «генеральском» доме да обставляют еще дефицитной импортной мебелью. Надо отдать должное ребятам. Они с честью выдержали и это «морально-материальное» испыта-

ние! Кстати, мудрое командование ВВС в свое время поступило правильно, построив в Звездном городке дом с улучшенной планировкой и с трех- и четырехкомнатными квартирами, куда въехали космонавты первых двух отрядов, как летавшие, так и нелетавшие.

В марте 2000 года Звездный городок отмечал 40-летие своего первого отряда космонавтов. Отряд был в полном составе — 12 оставшихся в живых космонавтов, летавших и нелетавших. Встречи, объятия, воспоминания, подведение итогов сорока лет. Из 20 слушателей-космонавтов первого отряда в космосе побывали, а некоторые и не по разу, 12 человек: Юрий Гагарин, Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Владимир Комаров, Павел Беляев, Алексей Леонов, Борис Волынов, Евгений Хрунов, Георгий Шонин, Виктор Горбатко. Но на юбилейных торжествах их, к сожалению, было только восемь. В апреле 1967 года при посадке космического корабля «Союз-1» отказала парашютная система и корабль разбился. Погиб чудеснейший человек, наш общий любимец и уважаемый всеми друг и товарищ Владимир Михайлович Комаров. За пару дней до его гибели мы с ним встретились в монтажно-испытательном корпусе на Байконуре, где я уже в те времена опять пускал свои ракеты. Разговор был коротким, но каким-то трогательно-душевым. Искренне пожелал ему успешного полета и благополучного возвращения на Землю. Не случилось. В марте 1968 года новая трагедия. При выполнении обычного тренировочного полета на самолете УТИ МиГ-15 вместе с летчиком-испытателем Серегиным погибает Юрий Алексеевич Гагарин. Первый космонавт планеты. В январе 1970 года от тяжелой болезни умирает Павел Иванович Беляев. А в апреле 1997 года от острой сердечной недостаточности скончался Георгий Степанович Шонин (в отряде были два друга, два «Степаныча» — Титов и Шонин). И уж совсем печально — практически сразу же после юбилейных торжеств уходят от нас Евгений Васильевич Хрунов и совершенно неожиданно, через неделю после празднования своего 65-летия — Герман Степанович Титов.

Двенадцать первопроходцев космоса! Официальные сообщения о полете практически каждого из них начинались словами: «Впервые в мире...» Один открыл тропу в космос, второй доказал, что в условиях невесомости жить человеку можно, третий был первым испытателем нового космического аппарата, четвертый впервые вышел в открытый космос...

В любом деле первому трудно. На нем отрабатывается, отшлифовывается то, что завтра становится простым и обыденным. Наверное, именно поэтому не надо забывать имена наших первых космонавтов. И ныне здравствующих, и тех, кого сегодня уже нет с нами.

А в январе 1963 года в Звездный городок приходит новое пополнение — второй отряд слушателей-космонавтов.

Наш набор представлял прямо-таки «интернациональную» команду. По раскладу педантичного Каманина: один — из ВМФ, двое — из ПВО, четверо — из РВСН и восемь — из ВВС. Ракетные войска — это Виталий Жолобов, Владислав Гуляев, Петр Колодин и я. Всего 15 человек. Это фактически второй массовый набор в отряд космонавтов ВВС. Должность у всех нас была «слушатель-космонавт» независимо от воинского звания и ранее занимаемой должности. Впервые среди слушателей-космонавтов были инженеры, и не просто инженеры, а представители Ракетных войск — извечного оппонента ВВС в определении главенствующей роли в Вооруженных силах и в стране в целом в вопросах освоения космического пространства. Думаю, наш приход даже пока в скромной должности «слушатель-космонавт» не вызвал особого энтузиазма ни в ВВС, ни среди космонавтов первого набора. По-моему, это просто была «дань вежливости», реверанс в сторону рода войск, ответственного за производство, подготовку и запуск ракет и космических аппаратов. Наверное, как следствие этого в последующие годы в силу различных объективных и субъективных причин из нас четверых в космосе побывал лишь один Виталий Жолобов. Естественно, что «старички» из первого от-

ряда нас приняли несколько настороженно, хотя и не показывали виду. А ведь среди нас были заслуженные, достойные уважения летчики. Подполковник Владимир Александрович Шаталов пришел в отряд с солидной должности инспектора отдела боевой подготовки воздушной армии. Классными летчиками были и Георгий Добровольский, и Анатолий Филипченко, и Анатолий Куклин, и Алексей Губарев, и Лев Воробьев. А штурман-испытатель Анатолий Воронов пришел в отряд, уже имея на груди два боевых ордена — Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. Награды получены за участие в испытаниях ядерного оружия. Александр Матинченко, ведущий инженер-испытатель научно-исследовательского института ВВС, при этом имеющий налет более 2000 часов, долго определял свое место в отряде: быть ли ему среди летчиков или примкнуть к инженерам. Вот такими были наши летчики! Думаю, что и инженеры не подкачали. Старшим среди нас был подполковник Лев Степанович Демин, который уже через три месяца после зачисления в отряд первым из космонавтов защитил диссертацию на звание «кандидат технических наук». Юрий Артюхин — специалист по вычислительной технике — редкая и дефицитная по тем временам специальность. Эдуард Кугно — начальник группы обслуживания самолетов. Должность солидная для 25-летнего парня. Ракетчики тоже не подкачали. Виталий Жолобов испытывал ракеты на полигоне в Капустинном Яре. Владислав Гуляев — баллистик, готовил исходные данные для запуска ракет. Мы с Петром Колодиным — «родственные души»: успели послужить и в Тюра-Таме, и в Плесецке, а перед приходом в отряд защищали интересы Министерства обороны в промышленности. А ровно через год нашего полку прибыло — к нам в отряд пришел шестнадцатый — заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза, участник войны полковник Георгий Береговой. Высокий, красивый, жизнерадостный и веселый Георгий Тимофеевич хотя и считался у нас «старичком» (это в его-то 42 года!), но как-то незаметно стал полноправным членом нашего кол-

лектива. Я лично питал к нему особую симпатию. Частенько мы собирались у меня на моей холостяцкой квартире и вели душевные разговоры приблизительно на тему: «...бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они...» Тема эта для нас оказалась очень даже близкой и понятной, обмен опытом шел активно и с пользой для обеих сторон. Так уж получилось, что Георгий Тимофеевич первым из нашего отряда совершил свой трехсуточный космический полет на корабле «Союз-3». Придет время, и генерал Береговой станет начальником ЦПК. В последующие годы не очень часто, но мы все же встречались с Георгием Тимофеевичем и, если была соответствующая обстановка, с удовольствием вспоминали наши «холостяцкие» посиделки.

Практически с самого первого дня нашего пребывания в отряде нас разделили на «летчиков» и «нелетчиков». Старшим среди летчиков и старшим среди слушателей отряда был назначен Владимир Шаталов, старшим среди инженеров был Лев Демин. Дом в военном городке Чкаловский, где нам планировали дать квартиры, должен быть готов к лету. Поэтому мы все и жили на равных «холостяцких» правах в профилактории, хотя настоящих холостяков нас было всего двое — я и Эдик Кугно.

Служебные помещения части, куда мы прибыли, уютлись в нескольких двух- и трехэтажных домиках. Эти небольшие коттеджи были уютно разбросаны по большой территории, весной они стояли в ароматном тумане черемухи и сирени. Прямо-таки райский уголок! В одном из таких домиков располагался профилакторий, где нам и предстояло жить. Половину домика занимали девушки.

Еще в 1961 году руководитель подготовки космонавтов Каманин ставил перед командованием вопрос о необходимости набора небольшой группы женщин для подготовки их к будущим космическим полетам. Особых, веских причин для такого решения Николай Петрович не высказывал, кроме, пожалуй, того, что нас здесь могут опередить американцы, а «...первая советская женщина-космонавт будет та-

ким же великим агитатором за коммунизм, какими стали Гагарин и Титов». Аргументы, конечно, веские. И вот в марте 1962 года отряд космонавтов Звездного городка пополнился пятью женщинами: Валентина Пономарева, Валентина Терешкова, Ирина Соловьева, Жанна Еркина и Татьяна Кузнецова. Молодые, симпатичные, веселые, оптимистично настроенные спортсменки. Авиаторы и парашютистки. Татьяна Кузнецова и Ирина Соловьева до зачисления в отряд были уже мастерами спорта, членами сборной Союза по парашютному спорту, при этом Ирина уже была мировым рекордсменом по групповым прыжкам. Жанна Еркина тоже имела более 150 прыжков с парашютом, под сотню прыжков было и у Валентины Терешковой. Валентина Пономарева увлекалась самолетным спортом. Отчаянные собрались девушки! Из пятерых только Валентина Пономарева была замужем и имела уже сына Сашу. Остальные были девушками на выданье. Так уж получилось, что из всей пятерки в космосе побывала только Валентина Терешкова. Наша «Чайка». Первая в мире женщина-космонавт. Схема подготовки первого женского полета аналогична первому мужскому старту. Дружной стайкой из четырех человек (Татьяна Кузнецова чуть поотстала) девушки проходили не менее сложные, чем у мужчин, испытания и готовились к первому женскому старту. Тоже каждая из них надеялась, что именно она будет командиром космического корабля. Но первой стала Валентина Терешкова. Оставшиеся девчонки-оптимистки были уверены, что их старты еще впереди. Даже готовились к длительным полетам с выходом в космическое пространство. Но в 1969 году было принято решение: женщин пока отставить от подготовки к космическим полетам. Надо отдать должное нашим девушкам. Они не растерялись, не стали паниковать. Все остались в ЦПК на достаточно солидных должностях научных сотрудников. Начав службу в армии со звания «младший лейтенант», к выходу на пенсию Еркина имела уже звание «майор», а Пономарева, Кузнецова и Соловьева ушли на пенсию полковниками. А генерал-майор

авиации Валентина Терешкова все последующие годы так и оставалась их неизменным лидером и советчиком. В 1974 году на весь мир прогремела слава нашей женской команды «Метелица», совершившей высокоширотные лыжные экспедиции. Среди отважных лыжниц — маленькая симпатичная женщина. Это наша Иришка Соловьева. Годы не старят первых кандидатов на космические полеты. Уже будучи умудренными жизненным опытом мамами и бабушками, они все так же оптимистичны, жизнерадостны и коммуникабельны. Для меня каждая встреча с ними — немного грустные минуты воспоминаний о нашей молодости и заряд бодрости на будущее. Ну, а в те далекие времена нашей юности, девушки — наши очаровательные соседки по профилакторию.

В небольших, уютных комнатках, в окна и балконные двери которых упорно пытались прорваться душистые сосновые ветки, разместились мы по два человека. Я устроился с Виталием Жолобовым. На первом этаже — маленькая летняя столовая и небольшой холл с обязательным бильярдным столом. И вообще в те времена весь городок с двумя отрядами космонавтов и небольшим контингентом врачей и обслуживающего персонала был как маленькая, дружная семья.

Это было прекрасное время! Мы только что пришли в отряд, молодые, здоровые, полные оптимизма и радужных надежд, еще не обремененные какими-либо проблемами, еще ни у кого нет «хвостов» по медицинской и специальной подготовке, еще все равны и нет еще очереди в затылок друг другу за получением геройских званий. Как-то так получилось, что жители нашего профилактория чисто символически разбились на несколько группок. В одну входили Виталька Жолобов (весельчак и душа нашей компании), Валя Терешкова, Жанна Еркина и я. Частенько к нам подключался Лева Демин — неутомимый выдумщик различных розыгрышей и инициатор веселых мероприятий. Эдик Кутно и Лева Воробьев взяли шефство над Ириной Соловьевой и Валентиной Пономаревой. Веселая, жизнерадостная Татьяна держа-

ла нейтралитет. Вообще-то, когда мы только пришли в отряд, нас собрал Каманин и объявил, что если кто нарушит режим девушек (приблизительно так он сказал), то это — государственное преступление со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что первое время мы немножко побаивались общаться с нашими соседками по профилакторию, но потом молодость и прекрасное настроение взяли свое. Хотя о грозных словах Николая Петровича мы не забывали. До сих пор память сохранила наши веселые прогулки в заснеженном лесу, когда мы — девушки, Лева, Виталька и я, «упакованные» в новенькую летнюю форму (унты, меховые куртки и штаны), с криками, хохотом кувыркались, как медвежата, в огромных сугробах по краям дороги к железнодорожной платформе «41-й километр».

«Как молоды мы были...!»

Помнится, первый день нашего пребывания в городке начался с посещения маленькой, уютной столовой профилактория. Здесь состоялось наше первое знакомство с ребятами первого отряда, посредниками в котором активно выступали девушки во главе со своим признанным лидером — Валентиной Терешковой. Здесь же в непринужденной, почти семейной обстановке мы впервые встретились с четверкой Героев — Юрием Гагариным, Германом Титовым, Андрияном Николаевым и Павлом Поповичем. Конечно, для нас и особенно для тех, кто прибыл с периферии, это была волнующая встреча! Кто-то молча переживал, сидя за своим столом (ведь мы же теперь вроде бы как на равных), а кто-то в порыве энтузиазма подошел к столу, где сидели ребята, со словами благодарности и восторга. В общем, маленький стихийный митинг. Валентина Терешкова от имени ребят первого отряда пригласила всех нас в Чкаловский Дом офицеров на торжественный вечер, посвященный третьей годовщине образования Центра подготовки космонавтов.

Собрания, концерты, любые мероприятия с участием космонавтов — небывалое по тем временам событие, собиравшее множество знаменитостей, ар-

тистов да и просто любопытствующих. Мы, вновь прибывшие, робко жались по стенке и во все глаза рассматривали любимых артистов и просто всех присутствующих. Еще вчера я ну никак не мог предполагать, что популярный композитор Александра Пахмутова, очаровательная, миниатюрная женщина с кипучей энергией и энтузиазмом, соберет в фойе Дома офицеров вокруг себя участников вечера и будет распевать с ними популярные песни, и не только свои. Не без помощи буфета началось братание между нашими двумя отрядами. Но если летчики сразу нашли общий язык — где учился, где служил, на чем летал, то точек соприкосновения между инженерами и летчиками было значительно меньше. На вопрос, например, Валерия Быковского, кто из вас москвич? — я робко ответил «я» и был горд, что хоть что-то у нас есть общего. Кстати, москвичами были и Лев Демин и Юрий Артюхин. С Юрой мы вообще почти соседи: он жил на улице Куусинена рядом с метро «Сокол», где жил я с родителями.

После чуть затянувшегося перерыва все участники торжественного собрания направились в зрительный зал на концерт. Народу — яблоку негде упасть. Я, Виталий Жолобов и Петр Колодин с трудом разместились где-то в последних рядах. Ждем представления. Вдруг Петр обращается ко мне со словами: «Эдуард! Уступи место девушке». Я оборачиваюсь и вижу вроде бы знакомое лицо. «Садитесь, Галочка», — говорю я. Немая сцена. Мои новые друзья смотрят на меня с удивлением и даже с уважением: когда же я успел познакомиться с этой девушкой! А это оказалась Галя — я встретил ее на пляже в Хосте пару лет назад. Место я, конечно, уступил, мы даже перебрались парой фраз. Она, оказывается, живет здесь же, в военном городке Чкаловский. Ну встретились и встретились. Я как-то не придал этому особого значения. А зря.

Прошли праздники и потянулись трудные дни учебы и освоения необычной для меня профессии. Началась жизнь, полная новых впечатлений, новых встреч, новых испытаний — и физических, и мо-

ральных. Жизнь, в которой я буквально каждый день находил и открывал для себя что-то новое, безумно интересное, то, о чем я раньше только читал, где-то слышал или смотрел в кинофильмах. Вот уж никогда не думал, что буду делать «мертвые петли» и «бочки» на реактивном МиГ-15 (пусть даже и с инструктором) или водить тихоходный Ил-14 над лесами Подмосковья (пусть даже и на правом кресле под контролем командира корабля). А парашютные прыжки! О них я скажу особо.

А сколько интересных встреч, знакомств за пределами городка, в свободное, как говорится, от учебы время. Вот, например, многие ли профессиональные танцоры могут похвастаться тем, что танцевали в Большом театре. Об этом они только мечтают. А я танцевал в этом прославленном театре. Не на сцене, конечно, а в фойе, и не под симфонический оркестр, а под эстрадный, и не сложное па-де-де, а томное танго. Но ведь танцевал! И это после того, как просмотрели в зале этого театра премьерный фильм «Вождь краснокожих». Все это было на встрече космонавтов с театральной молодежью Москвы. Помнится, мы небольшой группой проходили через зрительный зал Большого театра, а во главе нас шел высокий, моложавый, симпатичный генерал с двумя Звездами Героя на груди. Это был уже наш новый начальник генерал Одинцов.

Николай Петрович Каманин долгое время выбирал кандидата на место преемника Карпова. Конечно, место начальника ЦПК почетное, но и очень ответственное и хлопотное. Всем понемножку должен быть руководитель этого специфического учреждения: строгим командиром, чутким воспитателем, знающим педагогом, дипломатом (как это ни странно), хорошим организатором, быть эрудитом, обладать инженерными и медицинскими познаниями. Трудно, конечно, было найти руководителя, обладающего всей гаммой этих качеств. Ведь командир этой уникальной воинской части должен строго следить за соблюдением подчиненными требований уставов, принимать участие в отборе очередного кан-

дидата на полет, не исключено, что вместе с героями присутствовать на приемах в иностранных посольствах и даже быть руководителем делегации в зарубежных поездках наших космонавтов. Выбор Каманина пал на заслуженного летчика, участника и дважды Героя войны, требовательного командира, заместителя командующего воздушной армии генерал-лейтенанта Михаила Петровича Одинцова. Летчик, командир, Герой. Казалось бы, что еще надо! Но этого оказалось недостаточно, чтобы руководить Центром. Истинный войсковой командир Михаил Петрович стал наводить воинский порядок во вверенной ему части. При этом он вполне искренне считал, что его требования обязательны и для героев. Если все сотрудники части оставляли свой личный транспорт на общей стоянке, то почему геройские черные «Волги» должны парковаться прямо у подъезда штаба? Если представители Звездного городка едут во Внуково на встречу очередного героя на автобусах, то «звездная четверка» должна следовать с коллективом, а не опять же на своем транспорте. Такие «придирки» командира явно не понравились нашим героям. Они стали жаловаться на него нашему главному шефу — Каманину. Николай Петрович хотя и не отменял приказы Одинцова, но относился к ним явно неодобрительно. Ну а дальше как снежный ком. То Михаил Петрович неудачно выступит на совещании медиков, то его реплика в кругу промышленников окажется не к месту, то выскажет мысль, не совпадающую с мнением начальства, да и героев продолжает «терроризировать». Короче, генералу Каманину пришлось срочно искать новую кандидатуру на должность руководителя ЦПК. А мне Михаил Петрович почему-то нравился! Хотя я, как и все, возмущался вопиющей несправедливостью — притеснением свободы и прав наших старших товарищей.

9 мая 1995 года на юбилейном, пятидесятом, параде на Красной площади Знамя Победы впереди колонны ветеранов нес генерал-полковник дважды Герой Советского Союза Михаил Петрович Одинцов.

Как-то так получилось, что за время моего в об-

щем-то короткого пребывания в ЦПК я побывал под началом трех его руководителей: Карпова, Одинцова и вот с ноября 1963 года новый командир — боевой генерал и тоже Герой Советского Союза Николай Федорович Кузнецов. В отличие от своего предшественника Николай Федорович имел уже опыт педагога, так как был назначен к нам с должности начальника Черниговского училища летчиков. Надо отдать должное Николаю Федоровичу — он учел все промахи и просчеты Одинцова, а в основу своей дальнейшей командирской деятельности положил правило: с героями надо жить дружно. Девять лет Николай Федорович командовал Центром подготовки космонавтов.

Ну а жизнь в отряде налаживалась и приходила в свое нормальное рабочее русло. Много занимались спортом, проходили различные медицинские испытания и тренажеры, у себя в классах и в организациях промышленности знакомились с космической техникой и ее создателями. Два раза в неделю — полеты на аэродроме Чкаловский. Кстати, теорию космических полетов приезжал читать нам Виталий Севастьянов, мой знакомый по госпиталю в Сокольниках. Он также успешно прошел все отборочные испытания и мечтал о полете в космос. Ему, одному из разработчиков фирмы Королева, удалось осуществить свою мечту раньше многих моих товарищей по второму отряду.

Удивительное совпадение! Надо же, из тысяч жаждущих попасть в космос в числе 15 человек нашего отряда были два капитана, два холостяка, два Эдуарда — я и Эдуард Кугно. Мне думается, мы, холостяки, доставляли дополнительные заботы нашему командованию и в первую очередь — командиру второго отряда милейшему Николаю Федоровичу Никерясову, который был у нас, особенно в первое время, и папой, и мамой. Кугно, как прибывший из провинции, доставлял нашему командиру мало хлопот, но я, при первой же возможности убежавший к себе домой в Москву, явно вызывал у Николая Федоровича беспокойство, и, наверно, его заветной мечтой было как

можно быстрее меня женить. Помнится, сидели мы с ним рядом на каком-то торжественном собрании и мне приглянулась девушка из президиума, о чем я без всякой задней мысли и сказал Никерясову. После перерыва он садится рядом и доверительно сообщает: «Эта девушка — секретарь ЦК комсомола, оклад у нее — 450 р., холостая», — и замирает в режиме ожидания. Я несколько подрастерялся оттого, что нужно было здесь же, на месте, принимать кардинальное решение, и поэтому эта версия в дальнейшем Николаем Федоровичем не прорабатывалась. А как-то раз ради шутки я сказал, что нравится мне диктор телевидения Света Жильцова (в те годы в нее были влюблены поголовно все мужчины). Николай Федорович начал было отрабатывать уж эту версию, но я его вовремя остановил. Нет уже среди нас милого, доброго Николая Федоровича, но теплые воспоминания о нем годы не стерли.

Или еще из серии холостяцких воспоминаний тех времен. Каждое лето нас всех в обязательном порядке отправляли на отдых на Черное море в Чемитоквадже. Санаторий маленький, единственное развлечение — танцы после ужина. Все ребята с женами и я дружно шли на это мероприятие и садились где-нибудь кучкой. Как правило, кто-нибудь говорил: «Эдуард! Смотри, какая симпатичная девушка, хочешь познакомиться?» — после чего откалывался от нашей компании и приступал к практической реализации своего предложения, иногда даже и не выслушав моего мнения по данному объекту. Возвращался он к нам где-то под конец танцев, забыв, что он выполнял спецзадание. К концу танцев картина почти типичная: я сижу один в плотном окружении наших жен, а их мужья трудятся изо всех сил на другом конце танцплощадки в поисках достойной для Эдуарда партнерши. Все законно и все при деле! Наша солидарность с милыми, очаровательными женщинами — женами нашего отряда, зародившаяся на берегу Черного моря в те далекие годы, оказалась прочной, и я до сих пор сохраняю с ними добрые, хорошие отношения. Впрочем, и с их мужьями тоже.

Еще несколько слов, чтобы закончить с «холостяцкой» тематикой. Пришло такое время, когда я остался вообще один холостяк на всех настоящих и будущих героев Звездного городка. Правда, по времени этот период был небольшим. Первым покинул немногочисленную шеренгу холостяков Андриян Николаев — его свадьба с Валентиной Терешковой все же состоялась. Прошла она очень торжественно. Начинаясь в правительственной резиденции на Ленинских горах под «патронажем» Хрущева, а заканчивалась ужином в Звездном городке, куда нас всех и пригласили, предварительно собрав с нас по 10 рублей на подарок молодоженам.

Необычным образом покинул ряды холостяков мой тезка — Эдуард Кутно. В апреле 1964 года в порядке подготовки к сдаче кандидатских экзаменов проводился семинар по теории марксизма-ленинизма, на котором присутствовали все 14 слушателей-космонавтов нашего отряда (я в это время уже боролся за право остаться в отряде — лежал в госпитале на очередном обследовании) и который проводил преподаватель Академии имени Жуковского (хорошо помню) полковник Сергеев. Эдуард в ходе дискуссии высказал простую мысль: «А вот почему у нас не двухпартийная система? Как вот у американцев», — и стал развивать эту гениальную идею дальше, излагая свои взгляды на преимущества этой системы в сравнении, естественно, с нашей, где народ и партия едины и неделимы на века. Ну выступил и выступил. После него еще выступали и говорили, наверное, не менее умные слова. На следующий день про этот семинар и забыли. А через пару недель приходит приказ главкома ВВС — отчислить капитана Кутно из отряда слушателей-космонавтов как имеющего низкие политико-моральные качества (слова приказа, может быть, и не такие, но суть такая). Этот приказ, который для нас был как гром среди ясного неба, имел и этические последствия. Собрался весь отряд, я к этому времени уже вышел из госпиталя, и стали выяснять, откуда командование узнало о деталях прошедшего семинара? Кто доложил? Пригласили Сер-

геева. Он клянется и божится, что не он. Долго возмущались, спорили, пытались все же понять, нет ли среди нас такого добросовестного коммуниста, партийная совесть которого заставила его после семинара пойти в политотдел, и не будет ли он поступать так и впредь. Конечно, мы такого не нашли. Справедливости ради надо сказать, что много лет спустя я все же узнал, что Сергеев зашел, как, впрочем, это он делал и всегда, к начальнику политотдела и просто доложил о проведенном семинаре, не акцентируя особого внимания на отдельных выступлениях. Думаю, что это уже замполит сделал соответствующие оргвыводы. Фамилию замполита помню, но не хочу упоминать — пусть это будет на его совести. Такие уж тогда были времена. Чтобы отдать должное справедливости, хочу сказать, что пришло время, и этот замполит был переведен к другому месту службы как человек, не справившийся со своими обязанностями и слишком далекий от насущных проблем коммунистов городка. Жалко только, что это случилось после отчисления Кутно. Что ж, каждый по-своему стремился вложить свою лепту в благородное дело зарождения космонавтики в нашей стране. Сам Эдуард так комментирует это событие: «Был отчислен из-за отказа вступать в КПСС и неоднократной критики советского правительства и партийных руководителей». Смелые по тем временам поступки! В наши времена всеобщей демократии и вседозволенности, когда количество партий в многострадальной России исчисляется десятками, история с отчислением Кутно звучит как-то неправдоподобно. И все-таки сломала наша система моего тезку! В 1967 года он вынужден был вступить в ряды нашей славной КПСС, ибо при тех условиях его бы никогда не назначили на должность заведующего кафедрой высшего училища. Долго никто из нас не знал о дальнейшей судьбе нашего однопольчанина. И только в начале 2004 года выяснилось, что еще в 1994 году Эдуард Кутно умер в Киеве.

До переезда в будущий Звездный городок летчики первого отряда жили со своими семьями в военном

городке Чкаловский в обычном блочном пятиэтажном доме. Кстати, Юрий Гагарин даже после полета не захотел переезжать в Москву, а остался жить в этом же доме. На последнем этаже для его семьи из двух квартир сделали одну. И только Герман Титов после своего полета получил квартиру в «генеральском» доме городка. Каждое утро автобусы развозили ребят кого куда: в часть — на медицинские испытания и тренажеры, на аэродром Чкаловский — на полеты или в московские и подмосковные фирмы — осваивать технику. Наверное, поэтому Чкаловский военный городок некоторое время в народе имел статус Звездного.

Где-то в мае 1963 года нам дали квартиры в этом же военном городке. Это был такой же обычный пятиэтажный панельный дом. Вспоминается маленькая деталь — как мы делили этажи и квартиры. Собрался весь отряд в холле нашего профилактория и каждый стал высказывать свои соображения, по какому принципу производить распределение квартир (командование доверило нам самим решать эту жилищную задачу). Варианты были разные, вплоть до того, что холостяков вообще не учитывать и дать им то, что останется. Здесь нашу холостяцкую честь отстаивал я — сегодня мы холостяки, а завтра женимся, это нельзя не учитывать. Как ни странно, но с этим доводом все согласились. Еще один серьезный аргумент, за который ратовал Жора Добровольский: в авиации, мол, так — вначале летчикам, а все, что остается после них, — инженерам. Здесь уж возмутилось пол-отряда — инженеры: это вы там, в частях, были на первых ролях, а здесь, в отряде, мы все равны, и какие вы сейчас летчики, если вас, как и нас, выпускают в полет только с инструкторами (удар ниже пояса для наших асов). Пospорили-пospорили и все любовно решили. Мне досталась двухкомнатная квартира на четвертом этаже. Кстати, для получения ордера на эту квартиру мне пришлось прибегнуть к помощи Николая Федоровича — в ЖЭКе решили, что здесь ошибка — приличную двухкомнатную квартиру дали холостяку. Постепенно все переехали в свои

квартиры, вызвали свои семьи, у кого, конечно, они были. Распалась наша веселая, «условно-холостяцкая» компания, каждый занялся индивидуальным обустройством своего жилья, причем надо же ведь сделать так, чтобы у меня было не хуже, а может быть, и лучше, чем у соседа. Типичная психология жителей военных городков. Я тоже как-то незаметно втянулся в это негласное соревнование и в короткий срок с помощью мамы создал, к моему удивлению, в своей квартире уютный, совсем даже не холостяцкий уголок с гарнитурами, коврами, люстрами и даже большим письменным столом (наверное, думал, что придется писать космические мемуары). Был горд, когда ко мне заходили мои коллеги с женами, чтобы что-то у меня позаимствовать. Кучковаться стали уже по другим принципам — по подъездам и этажам, по опыту по воспитанию детей, по кухонным интересам. Скучновато стало. Поэтому, наверное, я все свое свободное время, а это в основном суббота с воскресеньем, проводил в Москве — дома или в компаниях моих старых друзей, где меня, естественно, принимали с распростертыми объятиями как почетного гостя. Приятно, конечно. Иногда я привозил к себе домой наших «космических» девушек. Мама потчевала их своими домашними пирогами и все жалела их как деток, оторванных от отчего дома и лишенных материнской ласки. Общительная, коммуникабельная Валентина очаровала моих родителей, и это свое доброе отношение к ней они сохранили до конца своих дней, часто ее вспоминали, хотя после ее полета собирались все вместе всего лишь пару раз. Как-то так получилось, что разошлись наши с Валентиной пути-дорожки где-то сразу же после ее полета, хотя особых поводов для этого вроде бы и не было. Думаю, что одна из причин, а может, даже и главная, заключается в том, каким становится человек, на плечи которого в мгновение ока сваливается огромный груз всемирной славы. И Валентина здесь не исключение. Не оказался исключением из этого правила и мой дружок Виталий Жолобов. Долгих 12 лет он ждал своего «звездного» часа, много-

кратно готовился к полету, был дублером, прошел через массу жизненных испытаний и невзгод, включая и чисто житейские, не единожды наблюдал и как рождаются герои, и что с ними происходит, если свои волевые и чисто человеческие качества они оставляли на орбите. Свой 49-суточный космический полет Жолобов совершил в июле — августе 1976 года как бортинженер космического корабля «Союз» и орбитальной пилотируемой станции «Салют», где командиром был Борис Волынов. Закрутила-завертела послеполетная «звездная» карусель Виталия! Все, что пережито, прочувствовано за долгие годы ожидания — все это хотелось компенсировать двумя-тремя бурными годами геройской славы. Ладно, Бог им судья. Это еще вопрос, как бы я себя повел, если бы попал в эту геройскую компанию. Сложнейшая психологическая проблема. Лучше ее не трогать.

Где-то к середине 1963 года наша «слушательская» жизнь вошла вроде бы в повседневное русло. Полеты на реактивном МиГ-15бис и тихоходном Ил-14, полный комплекс физической нагрузки (футбол, баскетбол, волейбол, кроссы, хоккей, причем при полной профессиональной амуниции, лыжи, гимнастические снаряды), парашютные прыжки — вот этими мероприятиями в различном их сочетании и были наполнены наши рабочие дни. Появились и первые успехи, и первые «осечки». Так, например, больше меня никто не мог подтянуться на перекладине или отжаться от земли, у меня был отличный вестибулярный аппарат (при норме 3—5 минут непрерывного вращения я спокойно мог продержаться 15—20 минут), я с полуслова понимал сложности и тонкости космической техники (все-таки ракетчик!). Это все радовало и вселяло некоторую уверенность и надежды. Но вот и первая эта самая «осечка». Кстати, она же и последняя, просто со временем переросла в большую для меня проблему. Проходили плановые испытания на центрифуге, построенной на фирме в подмосковном городе Томилино. Я попал в компанию из пяти-шести человек, которые по разным причинам эти первые испытания не прошли. Здесь были и

опытные летчики Алексей Губарев, Георгий Добровольский, которые с перегрузками должны быть на «ты». После небольшой физической подготовки нас, «двоечников», осталось двое — я и Алексей. Помучили нас немного в кабинетах ЦПК, а потом направили в госпиталь в Сокольниках. Леша отбился, а у меня как снежный ком: чем больше меня гоняли врачи, тем больше во мне накапливалось «отрицательного потенциала». Все последующие годы много раз мне задавали вопрос: почему меня отчислили из отряда? Я честно отвечал: не прошел центрифугу. Более дошными пытались уточнить: как это не прошел? В чем это выражалось? А вот на эти вопросы у меня и нет ответа. Я никогда не терял сознания при перегрузках (а перегрузки мне давали в 1,5—2 раза больше установленных), экстрасистолии не было, держался я вроде бы молодцом. И тем не менее. А когда меня начинают уже «доставать» подобными вопросами, я обычно задаю встречный вопрос такому любопытствующему: что лучше — я, живой и невредимый скромный труженик, сижу вот здесь рядом с тобой, или со званием Героя лежу в Кремлевской стене? На этом дискуссия на эту тему, как правило, заканчивалась. К этому коварному снаряду мы еще вернемся.

Конечно, годы стирают в памяти то, что видел, слышал или что чувствовал и переживал в те далекие времена. Ведь я пытаюсь сейчас освежить в памяти те события, свидетелем и участником которых был уже более 40 лет назад! Конечно же многое забыто. Но есть и такое, что помнишь всю оставшуюся жизнь!

После нашего зачисления в отряд слушателей-космонавтов мы все — и наши летчики-асы, и те, которые раньше летали на самолетах только в качестве пассажиров, автоматически попали в самую элитную когорту Военно-воздушных сил — летчиков истребительной авиации, со всеми автоматически вытекающими отсюда финансовыми и материальными благами. Одно новенькое, с иголки летное обмундирование чего стоило! Три раза в день кормят, как говорится, на убой, и на закуску — обязательный шоколад. Ну как тут не полетишь! Это тебе не ракетные

войска с кудцей шинелишкой и кирзовыми сапогами. Летали все мы с инструкторами. Наши настоящие летчики вначале было забастовали, но добились лишь того, что занимали в полете переднюю кабину. А мы, инженеры, довольствовались задней кабиной, за спиной инструктора (как вещмешок) с возможностью лишь бокового обзора, ибо впереди, кроме широкой спины инструктора, практически ничего не было видно.

Профессия летчика действительно трудная, опасная, но очень романтичная! Причем романтизм присущ лишь начальным этапам освоения этой профессии, дальше для летчика это повседневный труд, оттачивание техники и мастерства. Я начал и закончил свою летную карьеру на романтической ноте, когда каждый полет для меня был еще наподобие неуправляемого спуска на лыжах с крутой-крутой горы — дух захватывает от восторга и страха, ибо не знаешь, что тебя ждет внизу, мягкий сугроб или стволы деревьев.

Инструктором у меня был Иван Федорович Ткачев — летчик с большой буквы. Мы жили в одном доме, и бывало, что по воскресеньям я иногда помогал ему, «тепленькому», добраться до своей квартиры, а уже во вторник (летчики — народ суеверный, по понедельникам полетов не бывает) он с «вещмешком» за спиной (то есть со мной) такие выделывает «коленца» на своем МиГ-15, что я не мог понять, где небо, а где земля, где перегрузки, а где невесомость. Кое-что я умел делать и сам. Уверенно крутил традиционную «бочку», неплохо делал боевой разворот. Иногда Иван Федорович доверял мне взлет-пробег по полосе и при достижении определенной скорости — отрыв и набор высоты. Но у нас были и нетрадиционные упражнения. При небольшой кучевой облачности мой инструктор виртуозно лавировал между отдельными облачками, как будто мчался на автомобиле по проспектам, улицам и переулкам большого города. Пробовал и я, но, как правило, сносил углы и разрушал дома этого мифического, заоблачного, созданного нашим воображением города. Летом, если под

нами паслось стадо коров, мы набирали высоту, затем пикировали на это стадо, а когда выходили из «пике», то мощная струя от нашего двигателя ударяла по стаду, и коровы в страхе разбегались по полю. Пастухи, погрозив нам кулаками и послав, наверное, в наш адрес пару «ласковых» слов, бросаются собирать стадо, а мы с чувством выполненного долга ясными соколами уходили в голубые дали. Было и еще кое-что, но это уже обязательное упражнение. На вершине «горки» имитировалась на несколько секунд невесомость (ни с чем не сравнимое состояние!). За это время ты должен выпить из фляги пару глотков воды и съесть вафлю. Естественно, все это делается второпях, капли и крошки начинают плавать по кабине — страшно интересно было наблюдать за ними! А когда невесомость заканчивалась, то в силу естественного закона гравитации все эти капли и крошки, а вместе с ними пыль и мусор кабины, которым тоже, видно, нравилась невесомость, — все это сыпалось на меня, и не знаю уж по каким таким законам, в основном на лицо. На всю жизнь сохранил память и чувство огромной благодарности своему инструктору за минуты восторга и какого-то небывалого, неземного ощущения, которое я испытал с ним в небе Подмоскovie. В моей летной книжке — 15 часов полета на реактивной технике. Для профессионала-летчика это мгновение, а для меня — часть моей жизни.

Полеты на «тихоходном» Ил-14 тоже имели свои прелести. Мы летали «правыми» пилотами, строго соблюдая святой закон авиации: «Наше дело правое, не мешай левому!» Кстати, место второго пилота на этом самолете штатно принадлежало Марине Попович. А мы и не мешали, командир (левый пилот) вел самолет, а я с огромным удовольствием любовался подмосковными лесами, городами, поселками, реками, водохранилищами. Это совсем не то, что мы видим через маленькое круглое окошко, когда летим пассажирами гражданского самолета! Здесь простор, видимость — от горизонта до горизонта. Из полетов на Ил-14 мне запомнилась пара моментов. Спокойно летишь, подергивая штурвалом вправо-

влево, вверх-вниз, небо чистое, видимость отличная. И вдруг перед тобой сплошная белая или черная стена и ты к ней все ближе, ближе и ближе. Ты, конечно, понимаешь, что это — облака и что тебе они ничем не грозят, и тем не менее у тебя замирает сердце, когда самолет врзается в эту белую массу и тебя начинает потрясывать. То ли дело с Иваном Федоровичем, когда ты и глазом не успеешь моргнуть, как истребитель, как нож острый, режет облако, и ты опять в чистом небе.

Очень мне запомнился мой первый полет на Ил-14, и не потому, что он был действительно первым, а по другим причинам. Авиационный технический состав (инженеры, борттехники, механики), для того чтобы получать свой хлебный паек, должны определенное количество часов побывать в воздухе хотя бы в качестве пассажиров. Как правило, технари на транспортных самолетах — старые авиаторы, никого и ничего не боящиеся, все знающие и все умеющие, которые за словом в карман не полезут и которым палец в рот не клади — вмиг отхватят! Вот такие пассажиры были и в моем первом полете. Набралось их человек пять-шесть. Они чинно заняли места в уютненьком салоне нашего самолета, где на подлокотниках и подголовниках были белые крахмальные салфетки. Летим. Я первый раз держу штурвал самолета. Волнуюсь, конечно. Не все получается как надо, штурвал в моих руках ходит ходуном. Но тем не менее добросовестно отработал заданное упражнение — порулил часа полтора, и когда самолет с помощью командира приземлился, то я с чувством выполненного долга и удовлетворения вышел из кабины в салон самолета. Наш чистенький салон напоминал туалет питейного заведения, где накануне состоялась грандиозная пьянка (другого, более литературного сравнения что-то не подвернулось), а мои пассажиры выглядели как активные участники этого культурного мероприятия: бледные, растрепанные и, конечно же, страшно злые! Я все понял и быстро оценил ситуацию. Первый порыв был вернуться в кабину, но сзади подпирал командир, и я решил под его

прикрытием идти вперед — будь что будет! Когда я проходил между рядами кресел, то под испепеляющим взглядом моих пассажиров становился все меньше и меньше, а с трапа сполз вообще маленькой, ничтожной букашкой. Истерзанные технари гордо молчали, но в каждой паре глаз я успевал прочитать такую поэму, такие невысказанные муки и презрение, какие не выдержит ни одна бумага и не пропустит ни одна цензура. Неблагодарные! А я их еще бесплатно катал на самолете.

Авиация, как и Восток, — дело тонкое. Здесь постоянно и тесно переплетаются, с одной стороны, геройство и удаля, романтика и подвиг, оптимизм и шутка, ну а с другой — упорный труд и настойчивость, аварии и поломки, увечья и смерть. Бывало за мою короткую летную жизнь, приезжаем на аэродром на полеты, а их отменили: кто-то накануне нашего приезда разбился. Аэродром «Чкаловский» — испытательный, так что там всякое бывало. Не знаю, как сейчас, но в те времена сохранялась еще искусственная горка, с которой начинал разбег перегруженный самолет Чкалова, когда он летел через Северный полюс в Америку. С нами и такое случалось: едем на аэродром, погода отличная, только приехали — низкие облака или сильный ветер. Полеты отменяются, и мы возвращаемся к себе в профилакторий, где нас уже ждет бильярдный стол.

Если на флоте основным, «родным» видом спорта является перетягивание каната, то в авиации пальма первенства за бильярдом. Нет полетов — мы до умопомрачения гоняем шары, зачастую забыв снять унты и меховые штаны. И это в рабочее время! Командование и врачей эта проблема, видимо, тоже волновала. И чтобы успокоить себя и придать нашей игре видимость работы, азартную игру на бильярде возвели в статус «Работа на тренажере по отработке глубинного зрения». Не знаю, как с глубинным зрением, но со временем мы были уже почти профессионалами в этой игре. В те далекие времена, когда возможности телевидения были ограничены, не было видеокассет и нас не насиловали «мыльными» опера-

ми и американскими боевиками, холл профилактория, где стоял бильярдный стол, был нашим культурным центром, где мы собирались, чтобы поделиться впечатлениями прошедшего дня, обсудить последние новости, послушать летные байки и свежие анекдоты, ну и конечно же сгонять партию в бильярд. Играли все: «старики» и герои, девушки и мы, вновь прибывшие, играли один на один, два на два и даже три на три. Был такой закон: проиграл всухую — залезай под стол, проползи вокруг каждой из шести его тумб и еще, как мне помнится, пару раз прокукарекай, твоя фамилия заносится в «черный список», и ты сутки не имеешь права брать в руки кий. Закон соблюдался очень строго. И даже наши герои иногда, кряхтя, лезли под стол, демонстрируя одновременно, что они еще не совсем оторвались от народа с его простыми земными шутками и радостями. Правда, это случалось редко, и пыль под столом собирали в основном мы — инженеры. Если честно, то чаще всех делал это я.

Среди многочисленных простых и сложных, тяжелых и легких испытаний, которым подвергали нас врачи, сурдокамеру можно отнести к разряду оригинальных. Физической нагрузки никакой, думать тоже особо не надо, сидишь себе спокойно да периодически наклеиваешь на себя датчики. По-научному это называлось так: «метод сурдокамерных испытаний для экспериментально-психологического изучения личности и дифференциальной психологии». Солидно. Мы ж называли проще: проверка, псих ты или не псих. Сурдокамера — это в миниатюре маленькая однокомнатная квартирка без ванны, полностью изолированная от внешнего мира — ни один звук извне туда не проникал. С собой в эту «камеру тишины» можно было взять из литературы для чтения только уставы Вооруженных сил, можно было также взять ручку, бумагу, ну и по особому разрешению что-нибудь для рукотворчества. Жолобов, например, брал чурку, из которой вырезал от нечего делать что-то наподобие человеческой фигурки, которую врачи потом долго изучали, пытаясь по ее срезам и

изгибам определить нюансы Виталькиного психологического содержания. Я сидел в этой камере по особому, «перевернутому» графику: мой рабочий день начинался в 23 часа и продолжался до 13 часов следующего дня. И так в течение десяти суток. Оказалось это не так просто: ложиться спать в час дня и изображать глубокий сон до одиннадцати вечера, да еще при условии, что твоя голова вся опутана датчиками, их-то не обманешь. Кстати, что ни датчик, то один-два волоска с моей головы долой! Куча датчиков, да несколько раз в день, да умножить на 10 дней — никакой шевелюры не хватит! Для заполнения своего свободного времени я взял ручку, простой карандаш и пачку бумаги — решил попробовать себя на литературном и художественном поприще. Через пару дней, после того как освоился в новой обстановке, я поставил перед собой зеркало, и творческий процесс пошел! Несколько дней спустя к моему величайшему изумлению и гордости на листе бумаги была изображена моя бородастая (бриться не разрешали), улыбающаяся физиономия, внизу на всякий случай подписался, чтобы ни с кем меня не перепутали. И кстати, когда я впоследствии показывал много раз друзьям и знакомым это произведение искусства, предварительно прикрыв подпись, то их слова: «А когда у тебя была борода?» — звучали для меня как признание моего нераскрытого и невостремленного таланта художника-портретиста. Это мое первое и последнее творение. Далее я попытался раскрыть себя еще и на писательском поприще. Начитавшись смолоду любовных и сентиментальных романов Тургенева, Стендаля, Мопассана, я решил свое творение изложить в форме романтического письма к таинственной женщине-незнакомке, собирательный образ которой я представил на основе реальных и многочисленных по тем временам моих знакомых представительниц прекрасного пола. Сказано — сделано. Пять дней упорного труда, помноженные на пылкое воображение и некоторый житейский опыт в этой области, а также полнейшая изоляция от внешнего мира дали свои результаты. Письмо к не-

знакомке было готово. Я так увлекся этим письмом, что даже и не заметил, как открылась дверь камеры и мне сказали: «Выходи!» Жалко, что не сохранились фотографии моей бородатой физиономии. Мой выход из сурдокамеры фиксировал Володя Терешков, брат Валентины. Это были его первые шаги на этом поприще. К сожалению, шаги оказались неудачными и я остался без знаменательного фото. А борода у меня была шикарная! На одном квадратном сантиметре как-то сосуществовали иссиня-черный волос, рядом — ярко-рыжий, почему-то желтый, здесь же седой по соседству с белым и еще какой-то серо-бу-ро-малиновый. Полная палитра красок! Правда, если честно, то не буду утверждать, что с бородой я продолжал оставаться все тем же красавцем, каким я себя считал в те годы. Вот есть у меня фотография Германа Титова с бородой, которую он отрастил от нечего делать в госпитале, когда лежал с порванными связками. Вылитый Хемингуэй! Красивое, благородное лицо, аккуратненькая белая-белая бородка, по краям плавно переходящая в не менее благородные височки. Что ж, красивеньким все к лицу!

При разборе результатов моей «отсидки» врачи хотели забрать мои записи и рисунки. Я не отдал, пусть изучают мой официальный отчет, который я также храню все эти годы.

Может быть, для сегодняшнего врача-психолога интересны отдельные моменты и нюансы длительного пребывания человека в изолированном пространстве. Для них привожу практически полное содержание моего отчета, с оборотами и стилистикой, характерными для середины прошлого столетия (!).

«Задача, которая была передо мной поставлена, определена программой исследования. Это: определение нервно-психической устойчивости при длительном пребывании в изолированной камере в одиночестве с применением психологических исследований комплексного характера.

За два дня до начала опыта со мной соответствующими товарищами были проведены практические занятия с целью ознакомления с сурдокамерой и

программой моей работы. График моей работы — «перевернутый». И 13 марта в 13 часов опыт начался.

Проанализировав ту задачу, которая передо мной стояла, я определил себе личные, так сказать, задачи: полностью отключиться от всего того, что осталось за дверьми камеры, совсем забыть о том, что за мной ведется наблюдение, ибо это очень сковывает движения и очень тяготит;

найти себе такую работу, чтобы она мне была не в тягость, чтобы я ее делал с увлечением и чтобы она меня полностью захватила;

вести строгий внутренний самоконтроль, ибо я понимал, если все пустить на самотек, расслабить нервы — хороших результатов не жди.

Как я выполнял эти задачи? Должен доложить, что мне удалось так настроить себя, свою психику, что я действительно с первого же дня чуть ли не полностью отключился от внешнего мира. Для меня было все равно, что сейчас за дверью — день или ночь, холодно или жарко! С первого же часа я заставил себя не обращать внимания на все объективы, которые смотрели на меня со всех сторон, и постепенно привык к тому, что я — совершенно один. Старался даже как можно меньше говорить, что тоже вроде бы на первых порах удавалось. В общем, ночью старался не очень тревожить бригаду. Часто я ловил себя на том, что подчас совершаю действия, которые в обыденной жизни делаются не на глазах у всего народа; я мог подойти к зеркалу и долго исследовать свою лысину — операция, которую я обычно делаю совершенно секретно. Хотел вообще перещеголять самого себя — не включать белую лампочку, когда это надо, но вовремя все же удержался. (Хочу сделать маленькую вставку в текст 60-х годов прошлого столетия. Речь идет о следующем: когда тебе надо в туалет, то ты обращаешься к дежурной сестре, она тебе гасит большой свет и включает маленькую, интимную лампочку.)

Забыв окружающий мир, я, конечно, не мог забыть людей, которые там остались, ибо, если нет людей, то нет и проблем, а если нет проблем, то выполнение второй моей задачи было бы невозможно.

Условия опыта не определяют область человеческой деятельности, которой должен заниматься человек в камере. Каждый выбирает себе работу по душе, я же выбрал себе работу для души.

Она, эта моя работа, не имеет никакого отношения к освоению космоса (собственно, этого от меня и не требовалось), но я достиг своего — увлекся этой работой на все 100 процентов. Верите ли, но мне часто просто не хватало времени выполнить то, что я наметил на день, а один раз так увлекся, что пропустил «час танцев» (сегодняшний комментарий: «час танцев» — обязательная зарядка под музыку). Какая эта работа? Это решение одной из многих «холостяцких» проблем, о которых не стоит даже говорить, и, кроме того, увлекся рисованием. Ни то ни другое особого значения, с точки зрения опыта, может быть, и не имеет, но все это помогло мне выполнить то, что от меня требовалось, — занять свой день в камере. Не спорю, что это, может быть, с точки зрения медицины, и не самое интересное и важное занятие, можно было бы найти работу значительно интереснее, но для этого нужны какие-то подсобные материалы, то есть то, что запрещается программой.

И последнее — старался так строить свой день, чтобы все время находиться в «рабочем» напряжении, не давать себе ни в чем послабления, добросовестно выполнять все то, что от меня требовалось.

Как все это было связано с распорядком дня?

Мое пребывание в камере началось с отбоя, то есть для меня с 14.00 была уже ночь. Трудно, сами понимаете, лечь в 14.00 и проспять до 23.00 беспробудно. Изю всех сил старался это делать, но необычная обстановка, куча датчиков, ответственность за них, необычное время — все это повлияло на меня так, что я проспал только до 17—18 часов, остальное время лежал не шевелясь, боясь потревожить датчики, которые, говорят, вставлены в кресло.

Сразу же скажу, как переносил все последующие ночи. Должен отметить, что не обладаю качествами человека, о котором говорят: лег и сразу уснул как убитый. Пока я не обмозгую события прошедшего

дня, пока я не повернусь два-три раза вокруг собственной оси, я не усну. То же самое было и здесь. Перестроиться на новый режим сна было довольно-таки трудно, сон обычно проходил так: спал до 17—18 часов (вроде бы как послеобеденный отдых), далее лежал тихо и держал датчики, и часам к 22—23 начинал засыпать (как это обычно бывает), но здесь как раз — подъем! И только в последние дни удавалось заставить себя (2 часа обычно старался не спать, а просто лежать) спать положенное количество часов. Опережаю вопрос Лебедева (врач-психолог) — сны были, но я их не запоминаю.

Самое интересное в том, что даже в первые дни я все равно вставал ровно в 23.00 бодро, с хорошим настроением, со стремлением работать. Этот боевой дух сохранялся весь день, днем мне не хотелось спать и не было усталости. Таков сон.

Работа с таблицей (в 2004 году я уж и не помню, что это за таблицы). Я думаю, говорить об этом много не надо. Обычно, когда доходил до 12—13, начинал замедлять темп, все ждал, когда же будет вводная. Не знаю, правильно ли я на нее среагировал 19 марта в 1.30, но я перестал читать цифры, весь отдался Светиному голосу и успел даже кое-что записать, а после этого стал считать дальше. Наверное, не так надо было делать.

О физиологических проверках. По-моему, делал я их так, как меня учили, так что с точки зрения методики замечаний не должно быть; проходили они без перебоев и задержек, правда, мне пришлось заменить и пояс, и шапочку. Ну а каковы результаты — судить вам.

Туалет. Чистка зубов языком — не самый лучший способ. Розовая вода тоже не вызывает особого удовольствия. Все равно глаза, уши каждый раз протирали смоченным полотенцем. А розовой воде нашел самое подходящее назначение (по своей серости, конечно) — мыл ноги после физзарядки.

Завтрак. И вообще о пище. В общем, выполнял все, что от меня требовалось: заполнял термос (старый, неудобный, выбросить давно пора), очищал банки,

мыл их и т. д. Но тут я не совсем согласен с Жорой Добровольским. Ведь, насколько я понимаю, цель камеры не только определить психическую устойчивость, но и узнать индивидуальные особенности каждого. Вот в вопросах пищи: конечно же, надо — значит надо. Но есть ли большая разница в том, съел ли я два маленьких завтрака или один, но больший. По раскладке я должен скушать яйцо во второй завтрак, но я еще не голоден, я бы это яйцо с большим удовольствием съел в первый завтрак, а во второй — 200 граммов сока и печенье — для меня более чем достаточно. Если говорить в общем, то пища вся вкусная, мне понравилась, ел я ее с аппетитом. Единственно, вот сыр — он вкусный, но баночки вызывают неудобство и потом как-то привыкли, сыр — к чаю. Может быть, это меню уже где-то утверждено и его надо принимать таким, какое оно есть, но тогда нечего об этом и говорить. Если же это не так, то было бы лучше, если бы каждый день имел свое особое, составленное из того же ассортимента продуктов меню. Даже в мелочах в условиях одиночества приятно иметь какое-то разнообразие, а то: по четным — это, по нечетным — это. И еще. Имею ли я право «творчески» кушать? Вот у меня так было: сыр за обедом не съел, а к ужину — смотрю, колбасного фарша мало-вато, так я на свой страх и риск тайком от телеобъектива съел и сыр. По-моему, если это все идет на пользу, значит, можно. О воде. Непосредственно для питья расходовал две кружки чая и полтора-два стакана холодной воды в сутки. Основной расход — на мытье посуды. Желудок работал отлично. Так что всякими там карболенами не пришлось, к сожалению, воспользоваться.

Физзарядка и физические занятия. По совету врача занимался не в полную силу и по своему личному плану, а не по прилагаемому комплексу. Занимался всегда с охотой, с желанием, выполнял все упражнения. После физо в разрез с распорядком и всякими нормами устраивал все же обтирание. Час физических занятий использовал для работы на дыхание — разучивал «Чарльстон», причем с собственным музы-

кальным сопровождением. Не знаю, правда, как это слушалось со стороны. Только мне все же не совсем ясно, почему после подъема нет ну хотя бы десяти-минутной физзарядки.

Личное время. Как я использовал свободное время, я уже говорил. Опять же вразрез с распорядком дня я устраивал всем — и себе и бригаде — после обеда «перекур с дремотой», правда, сам я никогда в этот час не спал, а просто отдавался своим мыслям. Кстати, пожалуй, это единственное время, когда можно ничего не делать, а просто думать, во всяком случае, именно так я строил свой рабочий день.

Вот, собственно, основные этапы суток и как я их выполнял.

Общие впечатления. В течение всего времени пребывания в камере настроение и самочувствие были отличными. Никаких иллюзий, кошмаров не наблюдал. Пытался как-то вызвать иллюзию (посмотреть хоть, что это такое), но так почему-то и не получилось.

Рабочий тонус был все время на высоте. Никакого беспокойства, тоски, давящего одиночества я не испытывал. Ни разу не посмотрел с тоской на дверь. Должен признаться, что настроение все десять дней было даже лучше, чем оно бывает иногда в обычной жизни. Ел с удовольствием, и если у меня что-то оставалось, то это — от сытости. В общем, сурдокамеру воспринял как обычную работу, ничем не отличающуюся от всякой другой.

Нас учили, что в конце своего отчета мы должны дать оценку своей работы. Что же, я считаю, отсидел я вполне удовлетворительно и с поставленной задачей справился.

В заключение хочу поблагодарить всех работников лаборатории за заботу и внимание, которое я чувствовал ежеминутно».

Могу лишь сделать маленькую вставочку, которая не попала в мой доклад, но врачи о ней знали. Где-то в середине срока моего пребывания в сурдокамере (не хочу менять первоизданный текст отчета, но «сурдокамера» звучит лучше, чем просто «камера») мне

вдруг слышалось какое-то дребезжание посуды в холодильнике. Я насторожился: какой дребезг может быть при неработающем холодильнике и в помещении, которое в целях обеспечения полной изоляции буквально лежит на мягких подушках. Я несколько раз, незаметно для дежурной смены открывал холодильник и проверял, действительно, ложка в пустом стакане явно дребезжала! «Ну все!» — думаю я себе. Это те самые галлюцинации, которых так боятся испытуемые и которых с нетерпением ждут врачи (редчайший случай для диссертации!). Как мог, проверил себя: не псих ли я уже? Считал до 100, делал в уме сложные расчеты, вспоминал имена родных и близких, проверил координацию своих движений — вроде бы все в норме. После этого, настоятельно подчеркнув, что я в полном здравии, доложил дежурным врачам о злополучной ложке. Прошло немного времени — дребезг пропал. Ну и слава богу! Потом уже, после выхода из сурдокамеры, мне рассказали, что врачи чуть ли не на коленках ползали вокруг здания в поисках необычного физического явления в условиях полнейшей изоляции от внешнего мира. А ларчик просто открывался! Рядом с лабораторным корпусом, где размещалась сурдокамера, шло строительство нового здания и работал экскаватор. Мощный ковш с грохотом опускался на землю — дрожало все вокруг, сотрясалось здание, покачивалась сурдокамера, трясся холодильник, получал колебательные импульсы стакан и, как следствие этого циклического процесса, дребезжала злосчастная ложка. Все по науке! Экскаватор прогнали, а с меня сняли почти уже подготовленное обвинение. Эксперимент продолжается! Несколько лет спустя после этого случая в журнале «Огонек» я прочитал статью врача-психолога Звездного городка, где среди других примеров вспоминалась и моя несчастная ложка, причем с научным «накрутом», который я и попытался здесь воспроизвести.

Или вот еще пример того, как маленькая незапланированная вводная может в условиях сурдокамеры вывести испытуемого из спокойного состояния и чуть не сорвать эксперимент. Испытания проходил

кто-то из нашего отряда (кажется, Кутно). Его отсидка совпала с торжествами, которые проходили в Звездном по случаю свадьбы Терешковой с Николаевым, где среди приглашенных был Королев. Естественно, что Эдуард об этом знаменательном событии ничего не знал. В виде исключения Сергею Павловичу разрешили переговорить с испытуемым. «Как дела?» — «Нормально». — «Желаю успеха». — «Спасибо». Вот и весь, собственно, разговор. Сергей Павлович вернулся к свадебному столу. А для Эдуарда потянулись часы мучительных размышлений и терзаний. «Почему вдруг Королев оказался в воскресный день в ЦПК? Может быть, что-то случилось? Почему он разговаривал со мной? Может, меня уже начали готовить к полету? Или меня уже снимают с испытаний? Почему? Что я не так сделал или где нарушил инструкцию? В чем я виноват?!» У парня подскочил пульс, поднялось давление. Врачи настроены досрочно прекратить испытания. Еле-еле Эдуард пришел в норму. Так что льготная жизнь в маленькой однокомнатной квартирке может иметь при соответствующих обстоятельствах явно нежелательные последствия. Иногда и трагические. В марте 1961 года при испытаниях в сурдокамере погибает Валентин Бондаренко. В камере с повышенным содержанием кислорода возник пожар. А в 1979 году также в сурдокамере случайно был поражен электротоком и получил серьезную травму головы Александр Викторенко. Вопрос ставился не только об отчислении из отряда, но и о списании его вообще с летной работы. Но Александр сумел победить недуг и доказал врачам, что рано на нем ставить крест. Александр Викторенко четырежды (!) побывал в космосе и имеет суммарный налет около 500 суток. Так что не такой уж «безобидной» была эта наша сурдокамера!

Из остальных видов в общем-то многочисленных специальных испытаний и тренировок, которым подвергали нас в Звездном городке, пару слов хочется сказать о термокамере, парашютных прыжках и конечно же о центрифуге, испытания на которой закончились для меня плачевно.

В сегодняшнем представлении термическая камера — это компактная баня-сауна с температурой горячего воздуха до 80—90 градусов. Цель испытаний — за какой промежуток времени у испытуемого температура тела поднимется на один-два градуса. Руководил этими испытаниями очень симпатичный человек и уважаемый нами врач Анатолий Александрович Лебедев, а медперсонал его лаборатории состоял из очаровательных молоденьких девушек (по заявлению Анатолия Александровича, такой подбор медперсонала — пример научной организации труда), среди которых особо выделялась Лялечка Барахнина, в которую все мы, включая и ее начальника, были тайно, но безнадежно влюблены. Это существенно скрашивало те муки, на которые мы шли. Если сегодня в сауну мы идем практически в чем мама родила, то в термокамеру нас сажали в теплом комбинезоне, сапогах и шлемофоне. Сидишь в кресле, боишься лишний раз пошевелиться, единственная радость — в наушниках слышится легкая музыка (по твоему заказу) да периодически, через 10—15 минут в камеру заходит Лялечка, наряд которой почти соответствует (или мы это домысливали) нормальному представлению о сауне, и устанавливает тебе в рот термометр: меряет температуру. Это единственные мгновения, когда ты думаешь, что ты на пляже и с тобой рядом загорает очаровательная подруга. Все остальное время это тяжелейшие испытания, которые длятся 40—50 минут! Если за это время температура все же поднялась хотя бы на один градус, то ты, вот уж действительно как ошпаренный, выскакиваешь из камеры. Нет необходимых температурных показателей — подержат еще сколько сможешь вытерпеть, а если и за это время не выдашь то, что от тебя требуют, то сразу попадаешь под большое подозрение врачей. Думаю, что тот, кто ходит часто в сауну, хорошо меня понимает. Со временем эти испытания были исключены из программы подготовки.

Если в остальных, пусть даже и «экзотических» испытаниях время стерло отдельные детали, оставив лишь кульминационные моменты, то уж парашют-

ные прыжки сохранились в моей памяти почти с мельчайшими подробностями!

До прихода в отряд практически все инженеры, включая и инженеров, пришедших из ВВС, парашюты видели лишь в кино или на картинках. Поэтому мы с замиранием сердца, а точнее, со страхом ждали этих испытаний: хватит ли мужества и силы воли пойти на этот подвиг? А вдруг в последнее мгновение перед прыжком страх победит и ты не покинешь самолет? Позор! О каких космических полетах после этого может идти речь! Сразу подам рапорт о списании. Вот такие мысли бродили у меня (наверное, и не только у меня) в голове мартовским утром 1963 года, пока автобус вез нас — семерых инженеров-слушателей по заснеженным дорогам Подмоскovie из Звездного городка в Киржач, где нам и предстояло испытать самих себя. С нами были инструкторы, врачи и конечно же Николай Федорович Никерясов — для поддержки нашего морального духа. Молодец наш командир! Он с нами всегда и везде. С шутками, прибаутками он всегда нас поддерживал и словом и делом. Надо будет — сядет со мной в сурдокамеру, прыгнет с парашютом, покрутится на центрифуге. Возглавлял эту экспедицию Николай Константинович Никитин — заслуженный мастер спорта, мировой рекордсмен по парашютным прыжкам. В книгах и воспоминаниях летавших и не летавших космонавтов об этом человеке написано достаточно много. Не буду повторять. Одно только скажу. Николай Константинович — своеобразный педагог, который умел одному ему известными способами и методами настроить новичка на прыжок, да так настроить, что тот с радостной улыбкой на лице вываливался из люка самолета в бездну. Правда, когда со временем появились фильмы о подготовке космонавтов, то та часть, где съемки шли на борту самолета и где Никитин давал свои «напутствия» очередному прыгуну, шла, как правило, в не озвученном варианте. Но какие это были напутствия! Вот уж действительно богат и могуч русский язык!

В Киржач прибыли где-то уже в сумерках. Быстренько разместились и сразу в ангар — потрогать,

пощупать парашют. Вот купол, вот стропа, это одевается так, а это так отстегивается, это кольцо, за которое надо не забыть дернуть, а это запасной парашют (так, на всякий случай). Пока еще светло, дружно, под командой Николая Федоровича выскочили на улицу и поболтались на тренажерах: повисели в лямках, попрыгали с подмонок — говорят, полная имитация приземления. И когда совсем уж стемнело, пошли в гостиницу, поужинали и легли спать.

Я, конечно, расскажу о своем первом прыжке, но, опережая события, хочу сказать, что к 11 часам следующего дня у каждого из нас было уже по два (!) прыжка. Это один из методов Никитина подготовки парашютистов. Говорили, что после наших прыжков за такие «эксперименты» он получил взыскание. Охотно этому верю, так как по всем авиационным и медицинским нормам разница во времени между первым и вторым прыжками должна быть не менее... месяца. Это для того, чтобы снять стресс первого прыжка и прийти в себя.

Ну а теперь о моем первом прыжке. С нами вместе прыгали Юрий Гагарин и Павел Беляев — наверстывали упущенное, по каким-то причинам они отстали по парашютным прыжкам от своего отряда. Когда нас, уже девятерых человек, построили для посадки в самолет, то я почему-то оказался последним (по росту, видно, не прошел или до последнего оттягивал момент посадки), ну и как это и положено — мое место в самолете оказалось с краю, у самого люка. А это значит, что я прыгаю последним, и все мои товарищи покидали самолет прямо перед моей физиономией. Насколько позволяло мне мое психологическое и моральное состояние, то есть если я еще в состоянии был что-то соображать, я наблюдал за прыжками моих коллег. Ну, «старички» — Юрий Алексеевич и Павел Иванович прыгали, что называется, играючи. Из нашего отряда первым прыгал Лева Демин — старший у нас и по возрасту, и по должности. После того как завывла сирена и загорелась красная лампа, Лева как-то инстинктивно отпрянул назад, но, получив «заряд» из уст Николая Константи-

новича, смело ринулся в бездну. Дальше пошли один за одним Юра Артюхин, Виталий Жолобов, Владик Гуляев, Петя Колодин, Эдик Кутно. И все без единой задержки, с суровой решимостью на лице. Ну что мне оставалось делать! Когда завывла сирена (ну и звук же у нее!), я, даже не услышав ласковых слов Никитина, с замиранием сердца и с закрытыми глазами вывалился из самолета! Через мгновение, когда сознание вернулось ко мне, смотрю — самолета нет, я один в голубом небе, что-то надо делать. А ничего не надо было делать. Сработал автомат, меня довольно-таки сильно тряхнуло, и я стал раскачиваться в стропах парашюта. «Спокойно!!! Спокойно!!!» — заорал я сам себе и парашюту. Впрочем, это я думаю, что заорал, по-моему, эту решительную фразу я произнес шепотом осипшим от страха голосом. И тем не менее парашют и я успокоились. Когда я робко поднял голову вверх, то увидел огромный купол парашюта, целые, не запутавшиеся стропы, а я сам не вывалился из подвески и занял вроде бы правильное положение: голова — в сторону космоса, ноги тянутся к земле. Все как учили. Далее я стал готовиться к встрече с землей. По инструкции за 20 — 30 метров до земли нужно подтянуться на стропах, что вроде бы смягчает удар при приземлении. Посмотрел вниз — ровное белое поле. Я не стал ждать положенных метров, решил подтянуться заранее. Думаю, что сделал это метров за 150—200 до земли. Руки уже трясутся, в глазах — круги, а долгожданной встречи нет и нет. Когда сил уже не стало, плюнул на все, расслабился, и в это мгновение мое тело встретилось с землей. На выполнение следующего пункта инструкции — потянуть за стропу и погасить купол — у меня уже не было сил. Снегу много, я в теплом меховом костюме, унтах, сложил усталые руки на груди и со словами «Я на земле. Жив. И это главное» тронулся в путь. В этот день был ветерок, и раскрытый купол парашюта здорово потаскал меня по летному полю, пока аэродромные мужики, изрядно погонявшись за мной на вездеходе, не погасили купол руками. Через пять минут я уже докладывал Никитину: «Товарищ полковник! Стар-

ший лейтенант Буйновский совершил свой первый парашютный прыжок!» Не дав нам опомниться, на нас надели новые парашюты и вновь посадили в самолет. Схема и технология второго прыжка аналогична первому. Правда, я уже не орал в воздухе и вездеход за мной не гонялся. Минут через 45 я вновь докладывал Никитину об успешном завершении уже второго прыжка.

День закончился празднично: нас угостили традиционными по этому случаю блинами, а каждый совершивший свой первый прыжок должен был, тоже по традиции, выпить граненый стакан водки. Блины съел с удовольствием, а на водку у меня духу не хватило. Вот тогда-то Юрий Алексеевич и осушил вместо меня традиционный стакан за мой первый прыжок! Как мы с ним и договаривались: 12 апреля 1961 года на Байконуре я первый в мире выпил стакан водки за его старт и полет в космосе, он — в Киржаче за мой первый прыжок с парашютом. Не очень-то равнозначный «обмен», но для меня памятный.

Я уже говорил, что авиация богата традициями. Не нарушая одну из них, почти каждый вечер нашего пребывания в Киржаче Николай Константинович возил нас в городскую баню попариться. В первый вечер в парилке и в раздевалке никто из местных обывателей не обратил на нас внимания. Правда, слышались фразы: «Смотри-ка, вон мужик здорово похож на Гагарина». И в ответ: «Брось ты, что ему в нашей бане делать». Однако когда мы уезжали (летная форма, автобус, черная «Волга» Гагарина), местный народ понял, что в парилке их бани действительно был первый космонавт планеты, но было поздно — мы уехали. В следующий раз, когда мы вновь приехали попариться, в баню проходили уже через плотный коридор из местных жителей, причем из рядов наряду с законным: «Вон идет Гагарин!!» слышалось: «А вон идет Титов!!» Это двойное приветствие продолжалось и в парилке, но когда наиболее ретивые стали подходить с приветствиями к Юрию Алексеевичу и ко мне, все стало на свои места: меня приняли за Германа Титова. Со временем я привык к этому. Но

тогда я был страшно горд, что не только на улице, но и в бане меня признают за Титова — знаменитого космонавта, красавца мужчину, любимца женщин! Придет время, и судьба на долгие годы свяжет меня с этим удивительным человеком. Но об этом позже.

В тот зимний заезд каждый из нас сделал по пять прыжков, из которых два — с «автоматом», а три — уже сам дергал кольцо. Энтузиаст Николай Константинович даже пытался заставить нас прыгнуть затычным прыжком (с задержкой по времени раскрытия парашюта), но из этого ничего не получилось. К сожалению, спустя пару месяцев после поездки в Киржач Николай Константинович погиб при выполнении самого рядового парашютного прыжка на аэродроме «Медвежьи озера». Столкнулись головами заслуженный мастер спорта и его коллега — мастер спорта. Автоматика добросовестно сработала, и на землю опустились уже два бездыханных тела. И такое бывает в авиации.

Вторая серия прыжков была уже осенью 1963 года. Прыгали на аэродроме «Кировский» в Крыму в самое благодатное время — середина сентября. В Крым отправились в старом составе — наша инженерная группа. Прыжками руководил уже новый инструктор, Ванярхо — опытный парашютист, но в отличие от Никитина спокойный, уравновешенный, интеллигентный человек. К этим прыжкам мы готовились заранее еще в Звездном городке — на стендах отрабатывали движения и имитировали развороты, осваивали технологию работы с запасным парашютом. Хотя мы и считали себя уже заправскими парашютистами, тем не менее осторожный Ванярхо начал с «азов» — пару прыжков с «автоматом», потом — с раскрытием запасного парашюта, а уж потом допустил к нормальным прыжкам. Чем примечательна была эта командировка? Месяц в период «бархатного» сезона в Крыму, поднимаешься в воздух — с одной стороны Азовское море, с другой — Черное море, тепло, много солнца, плантации спелого винограда. Благодать! Эта командировка была для меня примечательна еще и тем, что прочувствовал наконец-то вкус к

прыжкам. У меня не совсем хорошо, немного сумбурно получался выход из люка самолета, я никак не мог сразу поймать поток и лечь на него, за что инструктор и ставил мне обычно «четыре» за прыжок. Но зато я хорошо владел парашютом, умело им управлял и мог приземлиться в той точке летного поля, которую я выбирал сверху. Как правило, я приземлялся на обе ноги и при этом не валился на бок. Это тоже своего рода шик. Ну и, конечно, самое главное: я с огромным восторгом и наслаждением отдавался свободному полету в воздухе без раскрытия парашюта. Ты летишь вниз, а точнее не летишь, а лежишь на воздушном потоке, в ушах свист, люди на земле кажутся маленькими букашками, а ты, как горный орел, гордо созерцаешь их с высоты своего полета. Вот уж действительно где нужны богатое воображение, фантазия, красивое меткое слово, чтобы описать всю прелесть свободного полета!

Запомнился и мой первый прыжок с задержкой на пять секунд. Технология очень простая: сирена, ты покидаешь самолет и одновременно нажимаешь кнопку секундомера, который закреплен на запасном парашюте. Летишь, следишь за временем — пять секунд прошло — дергаешь кольцо. Все просто! Правда, опытные спортсмены говорят, что от страха не всегда попадаешь на кнопку секундомера, в этом случае предлагается считать: двадцать один, двадцать два... и так до двадцати пяти, после чего открываешь парашют. Тоже все просто. Впитав в себя пункты инструкций и советы бывалых, я пошел на затяжной прыжок. Сирена. Я, ткнув пальцем где-то в районе запаски, вывалился из самолета. Прихожу в себя, смотрю на секундомер — стрелка на нуле. Все ясно. Стал считать: двадцать один, двадцать два... — досчитал до двадцати пяти и вспомнил, что в такой экстремальной ситуации счет идет раза в два быстрее (бывалые говорили), я еще раз, но уже медленнее, просчитал до пяти, еще чуть-чуть помедлил и уже со страхом (как бы не врезаться в землю!) дернул кольцо. Парашют раскрылся, все нормально, лечу и думаю, как буду оправдываться перед Ванярхо за то,

что так долго не раскрывал парашют. После прыжков на разборе, когда очередь дошла до меня, инструктор сказал: «Буйновский. Отделился от самолета нормально. Управлял парашютом тоже хорошо. Плохо только одно — парашют раскрыл через две секунды вместо положенных пяти». Вот тебе раз!

Потом пошли прыжки с задержками на 10, 15, 20, 25, 30 секунд. Я уже вошел во вкус, кнопку секундомера больше не терял, быстренько занимал нужное положение (максимально прогнуться, или, как опять же рекомендуют бывалые, пупок как можно ближе к земле) и отдавался прелести свободного полета. Последних два прыжка — высота, где ты покидаешь самолет, 2,5 километра, летишь, не раскрывая парашют, 30 секунд (1,5 километра!).

Я закончил свою парашютную подготовку 30 прыжками. За последние мои прыжки получал уже где-то около девяти рублей за каждый прыжок. Это много, если мерить исконно русской меркой — бутылкой водки. А в те времена она стоила три рубля шестьдесят две копейки. Получил значок парашютиста-перворазника и 2-й спортивный разряд по парашютному спорту. Вот и все. За последние сорок лет я видел парашют только на картинках и еще реже — в кино.

Ну и последнее. Центрифуга. Центрифуга — это, по-простому, горизонтальные карусели, которые разгоняются до такой скорости, когда огромные центробежные силы прижимают тебя к креслу и когда ты не в состоянии пошевелить ни рукой ни ногой. Впервые я сел в кресло центрифуги, когда проходил отборочные испытания в госпитале. Там небольшая центрифуга, с малыми перегрузками, и прошел я ее как-то незаметно, на одном энтузиазме. Она не вызвала во мне каких-то особых эмоций. Вторично я встретился с этим снарядами где-то в середине 1963 года в Томилине (есть такой подмосковный городок), где установлена мощная и современная по тем временам центрифуга. Тогда с ходу не прошли эти испытания несколько человек, включая и летчиков. Среди них был и я. Что насторожило врачей, так

это частота моего пульса: в момент перегрузки пульс был до 160—180 ударов в минуту. Вообще-то это плохо, но не страшно: у одного сердце пропускает кровь мало, но часто, у другого — много, но редко (как все просто!) — так объяснили мне врачи мою реакцию на перегрузки. Все мои коллеги прошли повторные испытания, а меня решили направить в госпиталь на углубленные исследования. Дальше — больше. Меня неоднократно крутили на центрифуге, поднимали на повышенные, сверхдопустимых норм, высоты в барокамере, давали почти предельные нагрузки на сердце. В общем, делали все, чтобы доказать (кому?), что я непригоден для дальнейших тренировок. Я думаю, что у врачей, как и у политработников, была внутренняя потребность показать на нас, слушателях, что они тоже не даром едят государственный хлеб и что профессиональная бдительность у них на должной высоте. Ведь были же врачи и в Звездном, и в госпитале (я их хорошо помню: Евгений Анатольевич Порудчиков — в ЦПК, Михаил Давыдович Вядро — заместитель по науке главного врача госпиталя, да и другие), которые верили в мои силы и которые утверждали, что со мной перегнули палку, меня перегрузили и что мне надо дать время на то, чтобы отдохнуть и прийти в себя.

Хотелось бы сделать здесь маленькое отступление. В конце 2001 года приходит мне по Интернету сообщение следующего содержания: «Уважаемый Эдуард Иванович! Я читал Вашу книгу в Интернете и обнаружил упоминание о моем отце — Михаиле Давыдовиче Вядро, работавшем многие годы заместителя начальника ЦНИАГа — госпиталя в Сокольниках, которого знали и боялись все летчики и космонавты Советского Союза. Отец внес свой вклад в развитие советской авиационной и космической медицины, был полковником медицинской службы, защитил докторскую диссертацию (кандидатская, кстати, была по центрифуге, которую никто из космонавтов не любил), был награжден орденом и вел активную научную и профессиональную деятельность. Я знаю, что его любили и уважали летчики и он многим

помогал. У нас дома было много реликвий того времени, автографы Гагарина, Титова (с которым вас путали, вы действительно похожи), Терешковой и других. И конечно, мне приятно, что вы сохранили добрую память о нем. Умер отец в 1986 году в том же госпитале, где он и работал после возвращения с войны. Два слова о себе. Я — тоже врач, доктор медицинских наук, последние несколько лет живу и работаю в США. С наилучшими пожеланиями Михаил М. Вядро». Хорошие, добрые слова о хорошем человеке. Конечно, хотелось бы, чтобы сын продолжил благородное дело отца в России, а не на чужбине. Не буду лукавить, что-то не находится у меня добрых слов в адрес оппонентов Михаила Давыдовича. Одного из них хорошо помню — Ада Радгатовна Котовская — врач Института авиационной и космической медицины, у нее я проходил испытания на центрифуге. Все они категорично заявляли, что на место Буйновского есть тысячи других, пусть уходит. Или еще. После очередного испытания на центрифуге мне сказали (все та же Ада Радгатовна): «Испытания ты прошел успешно, поезжай отдыхать», что я с огромной радостью и сделал: помчался в Чемитоквадже, где и доложил ребятам, что с меня наконец-то снято это тяжелое бремя. После отпуска врачи мне говорят: «Ложись в очередной раз в госпиталь». — «Как? Почему? Ведь я прошел центрифугу!» — «Нет, ты ее не прошел, просто мы решили дать тебе возможность отдохнуть, чтобы повторить испытания еще раз», — сказали мои мудрые опекуны. По интересной схеме проходили мои испытания в госпитале в Сокольниках, ставшем к этому времени для меня родным! Мне назначают, например, барокамеру со стандартной высотой — 5 км. Я успешно прохожу. Меня поднимают еще выше. Опять все в норме. Меня поднимают уже на предельные высоты — на 7—8 км. Наконец, датчики дают сигнал — сбой в работе сердца. Удовлетворенные полученным результатом, врачи моментально выписывают меня из госпиталя и докладывают командованию: Буйновского надо списывать. И все в ЦПК, в том числе и я (!), безропотно воспринимают

это как должное. И никому вроде бы и дела нет, и никого не интересует, на чем я споткнулся, какие были испытания, законны ли были перегрузки. Обидное, неприятное ощущение того, что никому ты не нужен и никто не замолвит за тебя доброго словечка.

Пришло время, когда сил моих уже не стало и я сказал: хватит, отпустите меня! Что врачи с радостью, без капли сожаления и сделали.

А мои товарищи по отряду упорно продолжали готовиться к будущим космическим полетам. Ближайшая задача: закончить двухгодичный курс обучения, завершить все виды медицинских исследований и в январе 1965 года успешно сдать экзамен на право перехода из слушателей-космонавтов на следующую ступень — космонавт ВВС. Но это уже без меня.

По-разному сложилась дальнейшая судьба моих бывших однополчан! После успешной сдачи экзаменов все летчики и инженеры отряда были распределены по существующим на тот период и перспективным космическим пилотируемым программам. Вообще-то наш набор был рассчитан на участие в длительных орбитальных полетах с решением в основном прикладных военных задач. Кстати, когда я боролся за право остаться в отряде и последнее слово было за главным терапевтом армии генералом Молчановым, то его вердикт был следующий: вот если бы вы готовились к кратковременным полетам, я бы вас допустил, но вас же брали для подготовки к длительным экспедициям. Господи! Ни он, ни я и слыхом не слыхивали, что меня могло ждать впереди: одноразовый суточный полет или длительная экспедиция. Опять же, кстати, на приеме у этого главного врача нас было двое — я и Володя Комаров. Володю он пропустил. Лучше бы он этого не делал!

Практически каждый из моих уже бывших коллег жарко дышал (и не единожды!) в затылок впереди стоящего, был запасным, или, как тогда говорили — дублером.

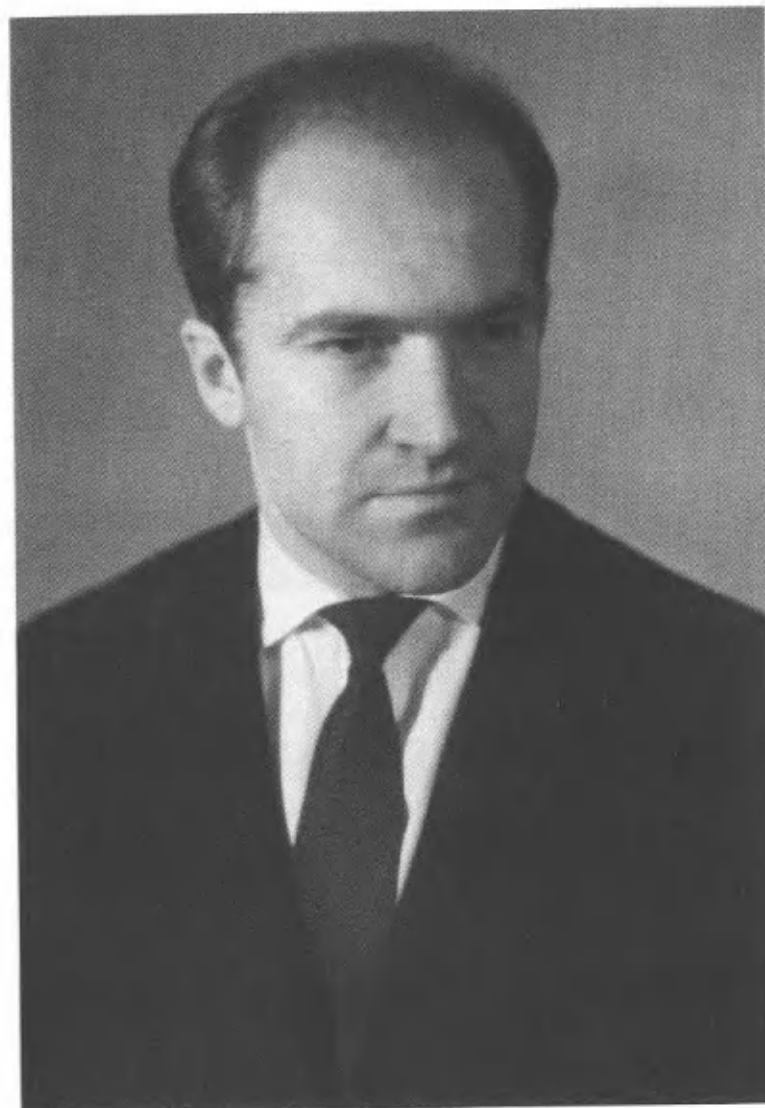
Дублер! Мне думается, что многие из космонавтов, летавших и особенно не летавших, вздрагивают, услышав это слово. Запасной, помощник, сменщик, ве-

домый, дублер — категория людей, имеющаяся практически во всех сферах нашей деятельности. Естественно, и в пилотируемом космосе. Но только здесь дублер уже почти как профессия. А как ее можно еще называть, если, например, в послужном списке Бориса Волынова за девять лет до его первого космического полета имеется 17 записей типа «проходил подготовку...», «был 3-м дублером...», «был 2-м дублером...», «готовился в качестве командира основного экипажа...». При этом были случаи, когда полет Волынова отменялся буквально за несколько дней до старта. А начать надо с того, что Борис входил еще в знаменитую «шестерку», один из которой сделал первый шаг в космос. А ведь каждая из 17 строчек — это часть жизни, трата физических, моральных и духовных сил. Каждый раз Борис говорил себе: «Ну, все! Следующий полет мой». И так все девять лет! Борис Волынов — «дублер-рекордсмен» первого отряда. Каждый из моих коллег по второму отряду (исключая меня и Эдуарда Кутно) обязательно как минимум один раз был в роли дублера. Но двое из отряда — Петр Колодин и Лев Воробьев — дублеры легендарные, вот уж действительно дублеры-профессионалы. У Петра Колодина послужной список содержит чуть меньше строчек, чем у Волынова. Всего четырнадцать. Но эти строчки Петр «отрабатывал» 23 года — весь период своего пребывания в отряде! Преклоняюсь перед настойчивостью, упорством, колоссальной силой воли, целеустремленностью Петра. Его космическая судьба оказалась во многом зависящей от обстоятельств. То в предыдущем полете не в полном объеме выполняется программа полета, как следствие — пересматривается программа, а соответственно и экипаж следующей экспедиции. А бывали обстоятельства и трагические. Вот Петр — в составе основного экипажа корабля «Союз-11»: Леонов, Кубасов, Колодин. Через несколько дней старт. Но вдруг Кубасова врачи отстраняют от полета. Полетел дублирующий экипаж — Добровольский, Волков, Пацаев. Как все сочувствовали Колодину, единственному новичку в экипаже (Леонов и Кубасов уже лета-

ли в космос)! Казалось бы, вот он, его звездный час! И опять мимо. А каково было Петру и его экипажу, когда трагически погибают Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев! Жора Добровольский! Единственный из второго отряда, погибший при выполнении космического полета. В нашей летной столовой у нас за столом сложился дружный «экипаж»: Лев Демин, Жора Добровольский, Виталий Жолобов и я. Помню Жору как исключительно симпатичного, всегда подтянутого, корректного, доброжелательного и компанейского человека.

Не менее легендарна судьба дублера и у второго представителя нашего отряда — Льва Воробьева. Его «послужной» список в роли дублера не так внушительен, как, скажем, у Вольнова или Колодина, но он отличался «оригинальностью». Весь 1973 год Лев проходил подготовку к космическому полету на корабле «Союз-13» в качестве командира экипажа, где бортинженером был назначен Валерий Яздовский. За несколько дней до пуска, когда экипаж был готов для посадки в корабль, госкомиссия принимает решение заменить экипаж Воробьев — Яздовский дублерами Климук — Лебедев. Причина — в заключении комиссии: «...из-за излишней прямолинейности командира и принципиальности бортинженера». Вот так! Два человека, мечтавшие о полетах в космос, еще на Земле не смогли наладить чисто человеческие взаимоотношения и организовать нормальную работу на борту корабля. Небольшим объяснением сложившейся нестандартной ситуации (такого еще в практике подготовки космических полетов не было!) может послужить тот факт, что Валерий Яздовский был одним из идеологов полета корабля «Союз-13» (недаром летчики не любят число 13) и разрабатывал его научную программу. Может быть, именно поэтому он не всегда соглашался с командиром. Оба болезненно перенесли свой несостоявшийся полет. Валерий сразу покинул отряд космонавтов. В июле 1974 года ушел из отряда и Лев Воробьев.

В январе 2003 года я выступал инициатором отпраздновать 40-ю годовщину образования нашего

Фотография для прессы. Всех космонавтов второго отряда фотографировали «авансом» для будущих полетов. Я тоже сфотографировался, хотя знал, что ухожу. 1964 г.

Юрий Гагарин
и Владимир
Комаров.
1963 г.

Юрий Гагарин и Герман Титов с супругами в Доме офицеров на встрече с Муслимом Магомаевым. Чкаловский, 1964 г.

Валентина
Терешкова
и Андриян
Николаев.
1963 г.

Владимир Комаров с женой и детьми Ирой и Женей.

Валентина Гагарина всегда была в центре внимания мужчин. 1964 г.

В марте 2000 года их было девять, а через полгода осталось шестеро...

Абонент на другом конце провода ошибся номером и не знает, что разговаривает с Гагариным. 1964 г.

Лидия Береговая, Нина Артюхина, Валентина Гагарина. 2000 г.

Члены первого отряда космонавтов с женами на торжественной встрече, посвященной 40-летию отряда. 2000 г.

Муж — опора,
жена — лицо молодой
семьи. 1970 г.

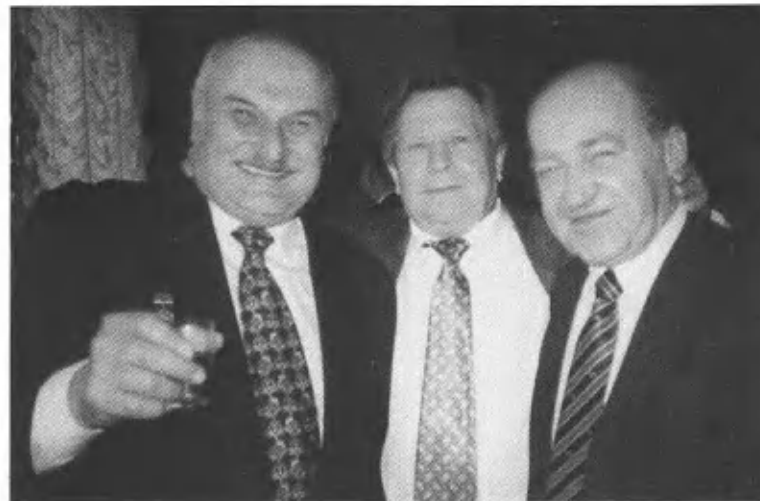
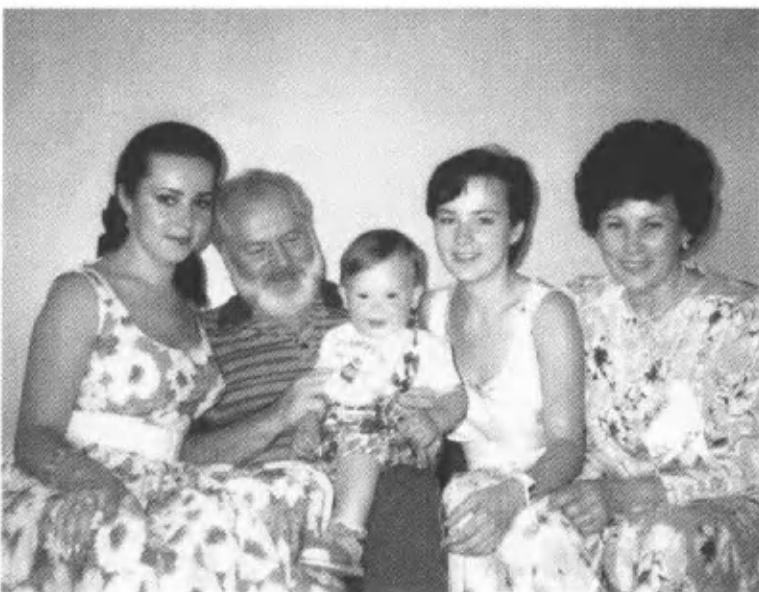

С женой Галиной
и дочками Леной
и Мариной.
1969 г.

Герман Титов
с супругой Тamarой.
1980 г.

Герман Титов
с женой, дочерьми
Татьяной и Галиной,
внуком Андрюшей.

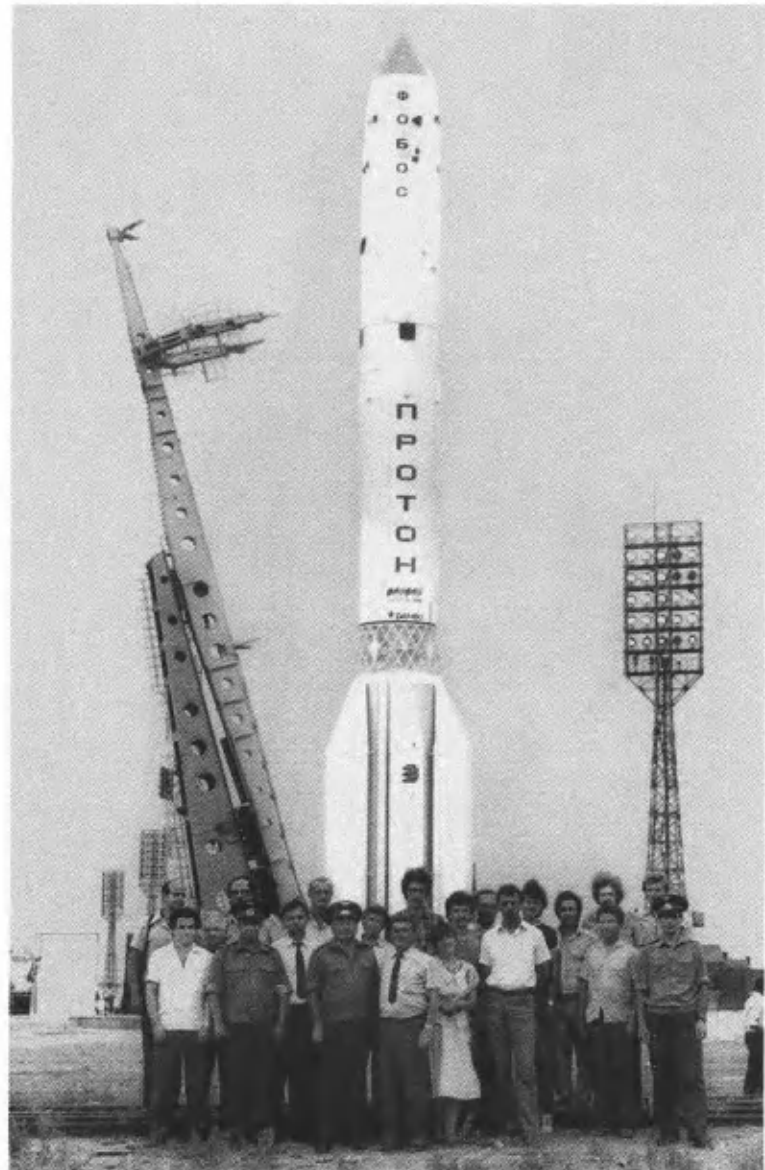
Петр Колодин наглядно демонстрирует, что остается от шевелюры после многочисленных испытаний. П. И. Колодин, В. М. Жолбов и Э. И. Буйновский на встрече, посвященной 40-летию первого отряда. 2000 г.

Г. С. Титов на встрече, посвященной 35-летию полета «Востока-2».

Ракета-носитель «Зенит» на стартовой площадке Байконура.

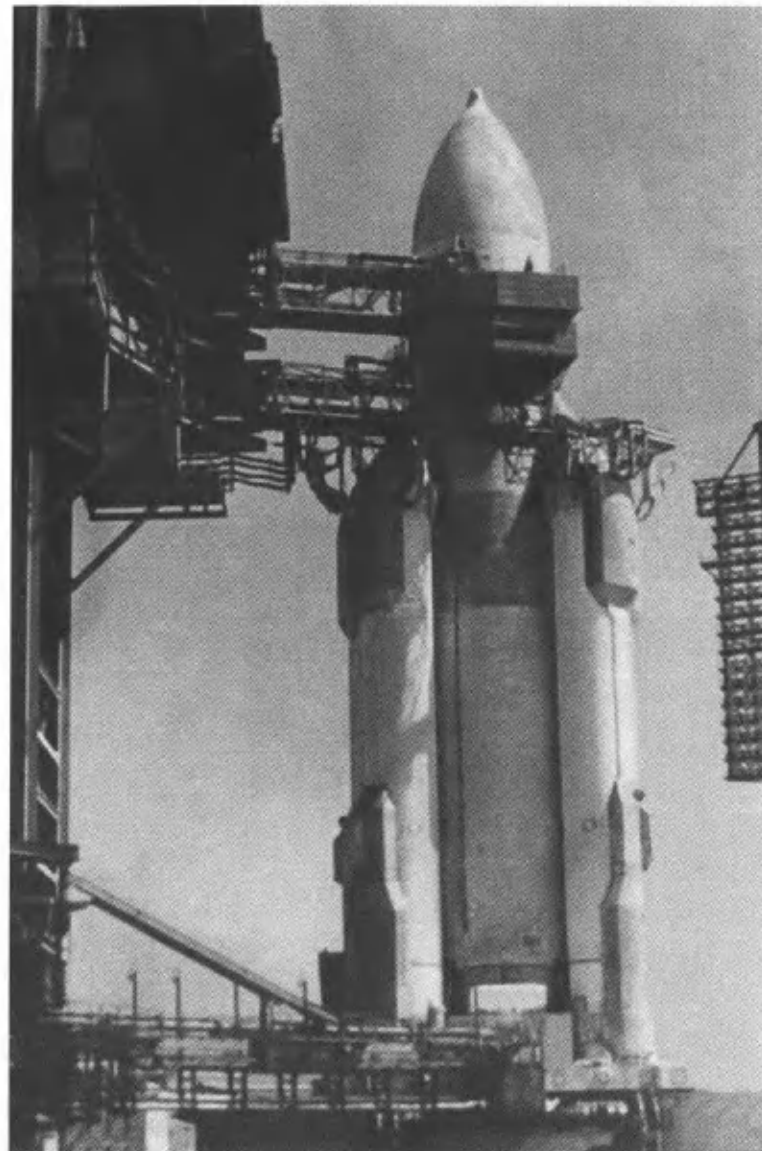

Создатели отечественного «тяжеловоза» — ракеты-носителя «Протон».

Герман Титов раздает автографы на вечере, посвященном 25-летию его полета. Август 1986 г.

До старта «Бурана» остались считанные дни. Ю. Н. Филатов, В. А. Пивнюк, А. А. Максимов, Э. И. Буйновский и В. В. Фаворский на стартовой площадке. 1988 г.

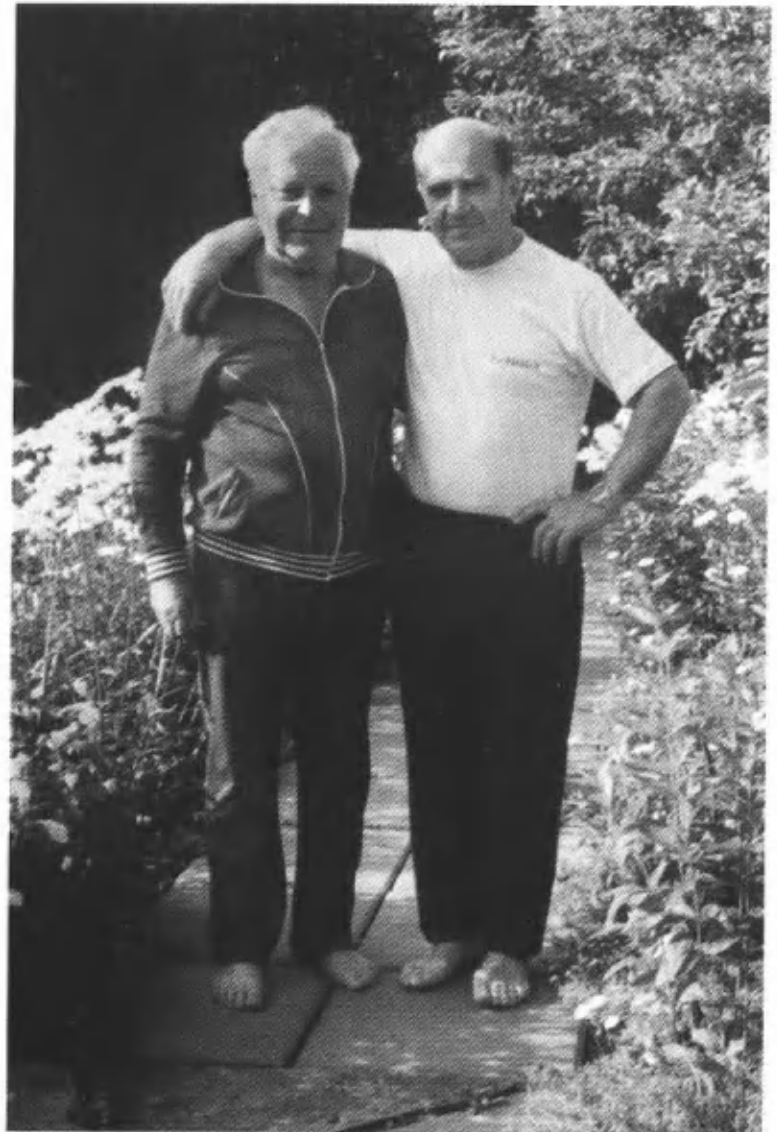
Носитель «Энергия» на старте.

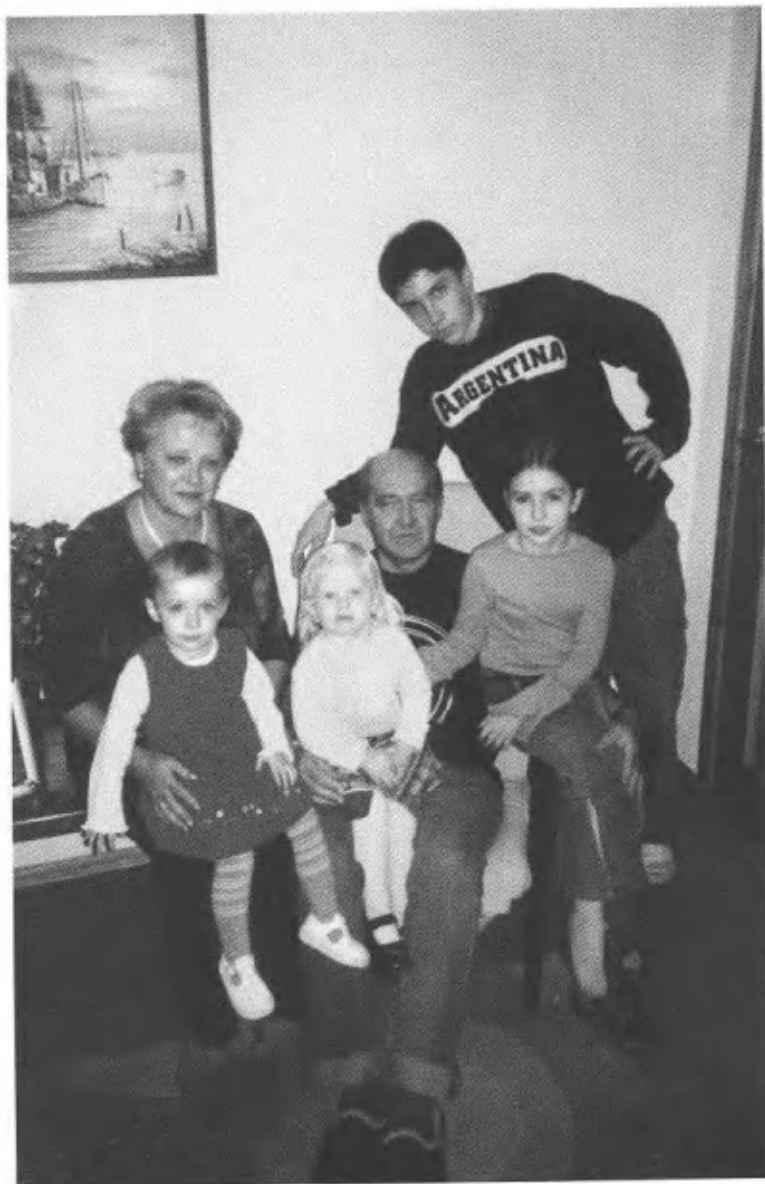
Первый и последний старт «Бурана». Ноябрь 1988 г.

Вымпел, посвященный полету «Бурана».

Отдых в Подмоскowie после байконурских степей. С Германом Титовым на его даче. 1998 г.

С женой Галиной и внуками Димой, Юлей, Алиной и Дарьей. 2003 г.

второго отряда космонавтов. Может быть, не так торжественно и громко, как отмечал свой юбилей первый отряд, хотя бы в близком кругу тех, кто остался в живых. К сожалению, мои потуги оказались тщетны. И не потому, что кто-то из ребят был против. Просто никто не захотел быть организатором этого мероприятия, а из Москвы мне делать это было трудно. А жаль, что мы не встретились и не подвели маленький итог. Ну и что же мы имеем через 40 лет?

Из 15 прибывших в январе 1963 года в Звездный городок совершили свой полет (а некоторые не единожды) семь человек: Владимир Шаталов, Анатолий Филипченко, Георгий Добровольский, Юрий Артюхин, Лев Демин, Алексей Губарев и Виталий Жолобов. Один из них — Жора Добровольский погиб 30 июня 1971 года в результате разгерметизации спускаемого аппарата корабля «Союз-11». Если бы мы собрались на эту юбилейную встречу, то нас, к сожалению, было бы только восемь человек. Ушли из жизни Анатолий Воронов, Саша Матинченко, Лева Демин, Юра Артюхин, Эдик Кугно, Владик Гуляев. Недалеко от Звездного есть тихое лесное кладбище «Леони́ха». Со временем оно уже стало стихийным космическим пантеоном. Здесь похоронены практически все мои друзья-товарищи по отряду, мой командир Николай Федорович Некерясов и многие-многие другие. Весь наш отряд, опять же за исключением меня и Эдика Кугно, остался верен Звездному городку — семьи и летавших и нелетавших по сегодняшний день живут дружно в одном доме. А их дети и внуки потихонечку уже разбредаются по белу свету.

Есть такие мудрые слова: все познается в сравнении. Из семи человек первой группы астронавтов США все семеро слетали в космос. Из девяти человек второй группы восемь побывали в космосе (гибель Эллиота Си помешала стать ему девятым). Третий набор насчитывал 14 человек. Десять слетали в космос. Четверо погибли до своего первого полета. Из 20 человек нашего первого отряда в космосе побывали двенадцать. Из пяти женщин «терешковского» набора только одна осуществила свою мечту. Только се-

меро из пятнадцати человек набора 1963 года участвовали в космических экспедициях. Вот уж действительно статистика явно не в нашу пользу!

Ну а моя «космическая одиссея» еще не закончилась! После того как я чуть пришел в себя, я при очередной командировке на Байконур подошел к Сергею Павловичу Королеву. Он, очевидно, знал о моем отчислении, внимательно и с пониманием ко мне отнесся: выслушал и дал команду, чтобы меня включили в группу гражданских специалистов — кандидатов на полеты в космос от его организации. Такая группа под руководством известного летчика-испытателя Сергея Анохина готовилась на фирме Сергея Павловича.

А я некоторое время продолжал упорную борьбу с медиками, хотя и чувствовал, что это все бесполезно. Один из своих отпусков я потратил на то, что фактически работал испытателем центрифуги госпиталя в Сокольниках, когда ее поставили на профилактический ремонт (мой «добрый гений» Вярдо помог). Тренировался, старался поддерживать спортивную форму и сохранить боевой настрой.

А моя последняя попытка вернуться в ряды будущих героев космоса связана с некоторыми лирическими воспоминаниями, ярко подтверждающими старую как мир мысль о том, что женщины не только толкают нас на героические поступки, но и являются причиной многих наших бед и разочарований. Это, конечно, если женщины занимают в твоей жизни не последнее место!

Собралось нас в Институте медико-биологических проблем, где проходили отбор гражданские кандидаты, человек 10—15: инженеры, медики, молодые ученые. Программа испытаний была чуть проще той, что была в госпитале ВВС. Во всяком случае, я проходил ее легко и свободно. Чему-то меня все же научили в Звездном городке. Моим ведущим врачом была симпатичная молодая женщина. Звали ее, кажется, Света. Я, конечно, не рассказывал ей про мое жительство в Звездном, но меня так и распирало и подмывало (молодо-зелено!) сказать врачу, что я не про-

стой абитуриент, что ее, так мне казалось, должно было приятно удивить. Но остатки трезвого рассудка подсказывали мне, что этого делать не следует.

В общем, прошли весь цикл испытаний с положительными результатами человека три-четыре, включая, конечно, и меня. Пригласил нас главврач, поздравил с успешным окончанием испытаний и сказал при этом, что нам остается пройти еще центрифугу, но ее у нас нет и испытания будем проводить в Томилине через три-четыре дня. А пока отпускаем вас домой, ведите себя хорошо, не нарушайте режим. Вот это да! Мне опять предстоит встреча с томилинской центрифугой. Это меня не радовало. Но взволновало меня совсем другое! Ладно я, но ведь я же подвожу своего лечащего врача, она же не знает, что я уже бывал в Томилине и результаты для меня там не очень утешительные. Гонимый такими благородными мыслями, я зашел в кабинет к Свете и на одном дыхании все ей рассказал! Она молча, без комментариев, выслушала мою космическую одиссею. Странно! Я, честно говоря, ждал другой реакции. Утром следующего дня сижу уже на работе и вдруг — звонок. Звонят из института и просят срочно приехать. Спрашиваю: «Что, уже на центрифугу?» — «Пока нет, но приезжайте». Приезжаю, захожу в кабинет главврача — сидят человек семь врачей, во главе — мой бывший лечащий врач — герой дня, разоблачивший происки космического авантюриста. Мне вежливо объяснили, что, просмотрев еще раз мои результаты, комиссия не сочла возможным допустить меня до центрифуги. У меня хватило мужества и такта сказать всего лишь «Счастливо оставаться!» и, даже не взглянув в сторону Светы, гордо выйти из кабинета. Все это было года через три-четыре после моего отчисления из отряда космонавтов.

А пока 14 декабря 1964 года — последний день моего пребывания в Звездном городке. Торжественного построения части и банкета по случаю моего ухода почему-то не было. Ободряющих слов поддержки и сочувствия со стороны уже бывших коллег тоже что-то не помню. Сдал пропуск и иду домой с горькими

мыслями в голове: два года позади, возвращаюсь к тому, с чего начинал, — в родной дом, к старой своей работе. Вхожу в подъезд дома, на лестничной площадке курит Петр Колодин, увидел меня и говорит: «Эдуард! Зайдем к Жолобову, там сидит симпатичная девушка, давай познакомлю». Зашли. Вижу — Галя, моя давнишняя знакомая, с которой я случайно встретился в первый день моего пребывания в Звездном. Значит, судьба!

Прошли годы, а потом уже и десятилетия. Все это время незримые, прочные нити связывали меня со Звездным, с моими бывшими коллегами по отряду, с их семьями. Вместе с ребятами я радовался их победам, огорчался поражениям, скорбил по поводу гибели Георгия Добровольского. Мне равно приятно общаться и с героями, и с неслетавшими, и летчиками, и инженерами. Надеюсь, что это взаимно. И еще. Ребята нашего отряда оказались верными старожилками Звездного. Все вместе, на глазах друг у друга. В этом есть и положительные, и отрицательные моменты. Но это уже отдельная тема. Я же льщу себя надеждой на то, что каждый мой приезд в Звездный, каждая наша встреча, запланированная или экспромтом, — это совместный экскурс в нашу уже далекую, но такую прекрасную космическую юность. Мне кажется, что в представлении ребят я выступаю как хранитель и носитель этих воспоминаний. Если это так, то обязуюсь выполнять эту почетную миссию и дальше. Хотелось бы верить, что не только мне приятны эти наши встречи.

Да! Возвращаться в коллектив, который пару лет назад с помпой отправлял тебя на борьбу за космические высоты и геройские звания, оказалось значительно сложнее, чем крутиться на центрифуге. Мне предлагали после отчисления остаться в Центре в должности инструктора с окладом даже выше того, что я имел, работая военпредом. Но я гордо отказался. А может быть, и зря. Несколько лет спустя после моего ухода у американских коллег был аналогичный случай: космонавта (фамилию запомнил) отчислили почти по тем же причинам, что и меня, он остался инструктором, подтенировался и все же в космос слетал. Ладно. Все, что ни делается, делается к лучшему. Хорошая народная мудрость, помогающая спокойно перенести все житейские невзгоды, ошибки и превратности судьбы. Спасибо Михаилу Наумовичу Брегману — он с пониманием отнесся к моему положению и моральному состоянию и взял меня обратно в военное представительство. Торжественного сбора по случаю моего возвращения не было, все прошло тихо и скромно. Правда, находились отдельные друзья-приятели, которые, пусть даже и без злого умысла, но все же «подкалывали» меня по случаю несостоявшегося героизма. Старался на это реагировать спокойно, не всегда, правда, получалось.

За два года моего отсутствия в институте многое изменилось. Во-первых, сам институт переехал на новое место — в район теперешней станции метро «Калужская», а тогда далекой окраины Москвы. Мои друзья-военпреды продолжали заниматься разработкой и испытанием систем управления для боевых ракет. Мне там места не нашлось, о чем я очень сожалел: знакомый, отлаженный коллектив разработчиков, испытателей, смежников. И меня, как «специалиста» по космосу, бросили на контроль разработки системы управления новой грандиозной программы — создание лунных орбитальных (программа Л-1) и посадочных (программа Л-3) кораблей. Не могу сказать, что с энтузиазмом, но стал потихонечку втягиваться в работу. Схема действий военпреда, контролирующего космическую тематику, аналогична контролю разработок по боевой тематике, она до боли знакомая и до мельчайших деталей отработанная. Опять проекты, чертежи, схемы, жаркие споры с разработчиками, ночные бдения на стенде, длительные командировки на полигон, но уже не на так любимую мною вторую, а на сорок первую площадку, где собирался и испытывался очередной «Зонд» перед отправкой его для стыковки с «Протоном». Кстати, в одну из очередных командировок на полигон из Москвы пришло известие о том, что мне присвоено очередное воинское звание «инженер-майор». Вот я уже и старший офицерский состав! Банкета не было, но хороший товарищеский ужин постарался организовать. Учитывая, что «сухой» закон на полигоне еще не отменили, пришлось ограничиться традиционным «техническим продуктом».

Это был период, когда в отечественной космонавтике произошло существенное продвижение вперед практически во всех тематических направлениях. Причины и поводы здесь были разные. Прежде всего, это, как тогда говорили, противоборствующие страны вышли на новый виток гонки вооружений. А «движителем» технического прогресса в те времена продолжал оставаться хрущевский лозунг «Даешь ракеты!». Ну и конечно же плодотворный труд уже

многочисленных к тому времени институтов, конструкторских бюро, промышленных организаций, в которых трудились молодые энтузиасты в новой и интересной области деятельности: создание ракетно-космической техники. Кстати, не бескорыстно. Молодой специалист, попавший в закрытый НИИ или КБ по этой тематике, получал как минимум в два раза большую зарплату, чем простой инженер, предел мечтаний которого на ближайшие пять лет после окончания вуза были 120—130 рублей. И что немало важно, появились конкуренты и у патриарха отечественного ракетостроения Сергея Павловича Королева. А этому, в свою очередь, способствовали его неудачи в реализации лунной программы. Вот здесь-то во всей красе и проявилось это самое извечное соперничество между нами и Америкой в вопросах «кто впереди планеты всей» в части освоения космического пространства.

«Лунная» гонка началась еще в 1958 году, когда почти одновременно в сторону Луны были запущены американская станция «Пионер» и советская (королевская) лунная станция Е-1. Обе попытки оказались неудачными по аналогичным причинам — взрыв ракеты-носителя. Но это не остановило ни нас, ни американцев. Почти одновременно каждая из сторон предприняла еще по три попытки. И тоже неудача! Наконец с четвертой попытки соперникам удалось преодолеть земное притяжение и двинуться в сторону нашей извечной спутницы. И здесь, что нечасто бывает, мы оказались солидарны. Оба посланца Земли пролетели мимо Луны. Первыми опомнились практичные американцы и решили прекратить эту гонку. Но советский человек тверд в достижении поставленных целей! Король не был бы Королевым, если бы не убедил высших партийных и государственных чиновников и советскую общественность в необходимости продолжить столь важную для блага нашего народа программу освоения Луны. Всего до конца 1965 года в сторону нашей упрямой спутницы было направлено более двадцати (!) советских станций, и все они по разным причинам не решили в

полном объеме те задачи, которые перед ними ставились.

Полет Гагарина заставил извечных соперников по-другому посмотреть на программу освоения Луны: кому теперь нужны полеты автоматических станций, если появилась возможность уже человеку не только облететь Луну, но и произвести посадку на ее поверхность, естественно, с возвращением его на Землю? И вот он, очередной виток «космического» соперничества! Умудренные предшествующим печальным опытом расчетливые американцы начали последовательную, поэтапную отработку новой лунной программы, конечная цель которой — посадка американского лунного модуля с астронавтами на борту на поверхность Луны и возвращение их на Землю. Решение этой национальной задачи подпитывалось практически неограниченным финансированием со стороны правительства США. Результат общеизвестен: 20 июля 1969 года астронавты Нил Армстронг и Эдвин Олдрин первыми из землян ступили на поверхность Луны, а подстраховывал их и поджидал на окологлуной орбите для возвращения домой их коллега — астронавт Майкл Коллинз.

Ну а что же мы? Сошли с дистанции и сами вручили пальму первенства своим извечным соперникам? Ни в коем случае! Еще в 1963 году Королев в рамках советской лунной программы начал проектные работы по созданию ракетно-космического комплекса, в который должны входить сверхтяжелый носитель (быстро получивший меткое название «царь-ракета») и корабль для посадки на поверхность Луны. Но это уже были времена, когда у всемогущего Сергея Павловича появились конкуренты. На арену выходит Владимир Николаевич Челомей, к тому времени признанный главный конструктор крылатых ракет для Военно-морского флота. К началу работ по лунной программе у него уже был отработанный носитель, способный вывести на лунную орбиту пилотируемый космический аппарат с последующим возвращением его на Землю. Однако грузоподъемность челомеевского носителя не поз-

волила этому аппарату иметь весовые и энергетические характеристики, обеспечивающие его посадку на лунную поверхность. В том, что Владимиру Николаевичу поручена задача облета Луны, немаловажную роль сыграл и извечный для нас «человеческий фактор»: на фирме Челомей трудился в должности заведующего отделом сын Хрущева — Сергей. Так что насущные и перспективные технические и особенно финансовые проблемы Владимир Николаевич мог гарантированно решать с выходом прямо на первое лицо государства. Старался не ослаблять своих позиций и Сергей Павлович. Но, как мне думается, его проектные и конструкторские решения того периода были уже не так оригинальны, блестящи и результативны, каковыми они были во времена зарождения отечественного ракетостроения. Так, для того чтобы посадить на Луну, а именно эта задача была поставлена перед его КБ, и вернуть на Землю космический аппарат с человеком на борту, вес этого аппарата должен быть порядка 100 тонн. Нужен соответствующий носитель. Самая популярная по тем временам королевская ракета («семерка») с такой задачей не справится. Нужны новые решения, новые разработки, более мощные двигатели, современные системы управления. А времени в обрез. И вот тут-то Сергей Павлович отступил от основного закона диалектики: перехода количества в качество. Он просто «нарастил» в несколько раз это самое количество. Немаловажную роль в этой ситуации сыграл и тот факт, что Сергей Павлович в очередной раз разругался со своим давнишним другом Валентином Петровичем Глушко, главным конструктором ракетных двигателей установок. Насколько мне помнится, примирение до кончины Королева так и не состоялось. Наверное, поэтому практически все проектные, конструкторские и технические решения и, что самое главное, двигательные установки «семерочного» носителя он положил в основу нового сверхмощного носителя Н-1. Объемы, вес, габариты как самой ракеты, так и всего того, что создавалось для ее обслуживания и пуска, просто ошеломляют! Сама ракета име-

ла высоту около 100 метров («семерка» — порядка 30), массу — до 2000 тонн, диаметр первой ступени — 17 метров («семерка» — около 7). Если нам, «системщикам», на всех предыдущих королевских модификациях, чтобы на старте добраться до своих приборов, нужно было просто открыть соответствующие небольшие лючки и в пределах вытянутой руки с трудом добраться до наших приборов, то на первой ступени нового носителя открывалась дверь (лючек!) и я свободно, в полный рост входил в приборный отсек, где на кронштейнах были укреплены приборы системы управления. Также грандиозными по размерам и масштабам были технические и стартовые сооружения для этой ракеты, возведенные на Байконуре. Естественно, что такая пусть даже не очень совершенная, но по-своему уникальная ракета требовала тщательной наземной отработки всех ее многочисленных узлов и агрегатов, проведения комплексных стендовых и огневых испытаний. Но американцы поджимают! И логичен результат. Первый пуск «царь-ракеты» в феврале 1969 года закончился пожаром в хвостовом отсеке. Три последующих пуска также были неудачными. Поднявшись со старта, ракета, как лоза, изгибалась и просто ломалась. Может быть, и хорошо, что Сергей Павлович не дождался таких плачевных результатов своего последнего грандиозного проекта. В 1976 году разработку этого носителя прекратили. Со временем предприимчивые жители Байконура использовали топливные баки этой ракеты под гаражи и другие хозяйственные сооружения. Чуть больше повезло челомеевской части этой программы. Ракета-носитель «Протон» (в последующие годы эта ракета-трудяга будет выводить на орбиту все наши тяжелые спутники и орбитальные станции) отправит в сторону Луны несколько кораблей серии «Зонд». Практически единственный впечатляющий результат — облет Луны («Впервые в мире!» — любимый девиз советского народа тех времен) с живыми существами на борту — байконуровскими черепашками. Нашими усилиями это событие внесено в Книгу рекордов Гиннеса. Кажется, все бы-

ло готово для облета Луны аппаратом с человеком на борту. К этой миссии упорно готовились два наших космонавта — Алексей Леонов и Олег Макаров. Но, видно, не судьба! Последний «Зонд-7» — единственный полностью и успешно выполнивший программу облета Луны, вернулся на Землю, но на его борту были не космонавты, а манекены. Много лет спустя Алексей Леонов с сожалением и горечью вспоминает: «“Зонд-7” слетал прекрасно и полностью выполнил свою программу. Я уверен, что если бы жив был Сергей Павлович Королев, то мы бы облетели Луну раньше американцев... Мы имели ракету, корабль, экипаж. Но не имели Королева — это самое главное». Кстати, Алексей Архипович, вспоминая период подготовки к полету на Луну, предлагал довольно-таки «оригинальный» выход из одной из нештатных ситуаций, которая могла бы иметь место в случае пилотируемого полета. По программе полета есть такой момент, когда корабль «зависает» над лунной поверхностью на высоте 150 метров, космонавту давалось 2,5 секунды, чтобы принять решение — либо в зависимости от реальных условий ввести соответствующие исходные данные и производить посадку, либо уходить на орбиту для стыковки с основным кораблем. Конечно, советский космонавт не остановится ни перед какими трудностями, даже если корабль прилунился бы на склоне горы, перевернулся и разгерметизировался. Со слов Леонова, его действия: крикнул бы три раза «Да здравствует коммунизм во всем мире!», на четвертый бы воздуха уже не хватило. Конечно же, это шутка. Но ведь во всякой шутке... История нашей космонавтики показала, что ребята, включая и самого Алексея Леонова, зачастую выходили из таких сложнейших ситуаций, что посадка на склон лунной горы могла бы показаться просто увлекательной прогулкой. Кстати, у Алексея Архиповича действительно была реальная возможность прокричать на прощание эти святые для коммуниста слова, когда он после своего выхода в открытый космос не смог (скафандр раздуло!) сразу вернуться через люк в корабль. Но ведь вернулся же!

Так бесславно закончился для нас очередной виток «космической» гонки. Для США эти соревнования обошлись в 20 млрд долларов, нам же бесславная погоня за Америкой по ценам того времени стоила около 10 млрд рублей. Не уверен, что уровень благосостояния строителей коммунизма 70-х годов соответствовал достатку развитых стран Европы и списание 10 миллиардов для нас осталось незамеченным. Как ни странно, но в последующие годы в советской печати излагалась мысль о том, что в этой «лунной» гонке победили мы, а не американцы. Американские, мол, наработки по программе «Аполлон» после ее закрытия практически нигде не использовались. Зато у нас носитель «Протон» вывел на орбиту не один десяток советских и зарубежных космических аппаратов, в последующих разработках нашла свое применение и двигательная установка лунного посадочного корабля, грандиозные сооружения стартовой и технической позиций «царя-ракеты» недолго ржавели в бездействии, вскоре и им нашли применение, что-то, наверное, перепало и промышленности, и сельским труженикам. Все это, конечно, так. Но пройдут годы и десятилетия, и появятся новые, ультрасовременные ракеты-носители, принципиально новые двигатели, позволяющие выводить на орбиту сотни тонн полезного груза. Канут в Лету «Востоки», «Восходы», «Протоны», «Зонды», «Аполлоны», «Сатурны». Но в нашей памяти навечно останутся имена двух землян: русского паренька, первым преодолевшим земное притяжение, и американского астронавта, первым ступившим на поверхность Луны. Не за горами и время, когда к ним присоединится и третий землянин, который первым ступит на поверхность Марса или другой какой-либо планеты. Интересно, кто это будет?

«Лунные» гонки, витки напряженности, соперничество, погоня за приоритетами — все это высокая политика, удел стратегов и больших руководителей. А материализовалось все это в многочисленных к этому времени различных НИИ, КБ, ОКБ, Спец НИИ и других «хитрых», секретных организациях, во гла-

ве которых стояли уже не просто главные, а генеральные конструкторы, среди которых медленно и пока незаметно разгоралась непримиримая борьба за престиж, выделение из государственной казны дополнительных ассигнований, за расширение производственных площадей и людских ресурсов, за поиск «толкачей» среди крупных, средних и даже мелких чиновников ЦК КПСС, правительства с его многочисленными министерствами, Госплана (распределяет бюджетные деньги) и Военно-промышленной комиссии — еще одного бюрократического монстра, рожденного плановым социалистическим хозяйством. Со временем мне не единожды приходилось бывать в Кремле, где располагался аппарат этой комиссии, и общаться с ее чиновниками. Наверное, до сих пор никто не сможет определить роль и позитивное влияние, какое оказывали эти, в общем-то, по человечески приятные и симпатичные люди на ход, темпы и результаты развития нашей ракетной и космической техники. Да что уж там греха таить! Такого же мнения (страшно даже подумать!) я придерживался о той роли и месте, которые определила история работникам ЦК нашей родной Коммунистической партии в этой глубоко не идеологической сфере деятельности советского народа. Но это я сейчас герой, а тогда без слов и комментариев воспринимал тезис о том, что в каждую схему, в каждую конструкцию ракеты или космического аппарата вложен не только ум и труд их создателей, но есть и частичка непосильного труда работника ЦК КПСС и чиновников Совмина и Госплана. А как же без них! Вот и бегал по кабинетам, клянчил, уговаривал, ловил в буфете, коридорах и даже в туалете, а визу одного министра, помнится, сумел получить, заскочив почти на ходу к нему в его служебный автомобиль. Молча подписал и так и остался сидеть с открытым от удивления и моего нахальства ртом. Четко работала наша система! Любой документ, определяющий необходимость и порядок разработки нового ракетного или космического комплекса, должен быть подписан или завизирован чиновниками различных инстанций этих че-

тырех ведомств. Поэтому проект каждого такого документа имел титульный лист, первоначально заполненный только на одну четвертую часть, остальные три четверти — это визы, визы, визы... Зачастую получалось так, что образец уже выходит на летные испытания, а не все еще подписи собраны на основополагающем документе. Не отставало от своих коллег и наше Министерство обороны. В конце 1964 года приказом министра было образовано Центральное управление космических средств, которое к 1970 году стало уже Главным управлением с возложением на него основных функций по заказам ракетно-космической техники в интересах практически всех видов и родов войск. В этом новом заказывающем управлении появились уже свои тематические направления. Кто-то занимался носителями, кто-то — космическими аппаратами специального, военного назначения, были специалисты по освоению дальнего и ближнего космоса, наземному оборудованию, многочисленным системам носителей и космических аппаратов.

Мы, молодые майоры и капитаны, с сохранившимся еще задором и энтузиазмом полностью отдавали себя нашим ракетам и космосу, были глубоко убеждены, что каждый пуск на полигоне, каждая новая разработка — это удар по американскому империализму, это наш вклад в строительство светлого коммунистического будущего. И только так! Весь уклад нашей тогдашней жизни строился так, что военная, и особенно офицерская, среда как бы искусственно была отделена от окружающего нас мира. Но если это нетрудно было сделать в глухих, удаленных гарнизонах, где командир — царь и бог, а замполит — верховный судья и духовный наставник, то в городах, а особенно в таком городе, как Москва, изолировать нас, молодых офицеров, от всего того, что происходит вокруг, было довольно-таки трудно. Но надо! Так считали наши командиры и начальники, замполиты, политотделы, парткомы, партбюро, коллектив родной партийной организации да и товарищи, «что из органов», заботливо и постоянно нас опекающие. Мощный, дружный воспитательно-ка-

рающий орган, если считать, что каждый офицер по определению ну просто обязан был быть коммунистом.

А столько необычного, нового и интересного было вокруг нас! Одна хрущевская «оттепель», наступившая после мрачных лет сталинских репрессий, чего стоит! Как-то было непривычно, что говорить можно, что хочешь и с кем хочешь, куда хочешь ходи, с кем хочешь встречайся. Мы, офицерская молодежь, относились к этому настороженно, с опаской и оглядкой на наших наставников и отцов-командиров. Но бывало, что и мы попадали в, мягко скажем, нестандартные ситуации. То один наш офицер на первой американской выставке в Сокольниках не удержался и взял без спроса со стенда бутылочку пепси-колы (впервые встретился с этим заморским напитком!), после чего два срока проходил в капитанских погонах. То один ударник боевой и политической подготовки на вечере отдыха вдруг с женой показал (и неплохо!), как на загнивающем Западе танцуют рок-н-ролл. Вывод: не только сам разложился, но и пагубно повлиял на жену, мать двоих детей. Слабо работает парторганизация. Да и я тоже в какой-то момент потерял партийную бдительность (как у Высоцкого: «И я чуть было не попал в лапы Тель-Авива»). Помнится, обратилась ко мне соседка по дому — студентка Алена с просьбой покатасть по Москве приехавших погостить двух ее подружек из Франции. Молоды, красивы и не замужем — интригующе уточнила она. О чем речь! Кто же откажется пообщаться с прекрасными молодыми созданиями из Парижа. Пусть даже мне это и запрещено уставами и строгими приказами. Я хоть и был уже женат, но с холостяцким наследием расставался с трудом. Встретились. И тут первое разочарование. По-моему, это были две представительницы хиппующей молодежи: тощие, длинные, нечесанные грязные волосы, в майках, рваных джинсах, стоптанных кедах. И это парижанки! И это ради них я пошел на грубое нарушение морального кодекса строителей коммунизма! Второе разочарование было куда более серьезное. Прихожу

после выходных на работу, рассказываю с долей юмора своим коллегам о своем приобщении к прекрасному. Ну, посмеялись, разошлись и вроде бы забыли. Ан нет! Нашлась добрая душа, которая мой рассказ передала по команде. Вызывает меня начальник: «Ты что ж француженок по Москве возишь (он немножко не так сказал), а мне об этом не докладываешь!» Я — то-се, пятое-десятое, дескать, соседка попросила, жена в курсе, я больше не буду. На этом и разошлись. Только я чуток успокоился, приглашают меня к товарищу майору из нашего особого отдела. Расскажите, пожалуйста, поподробнее: кто? с кем? когда? о чем? И пошло-поехало! Со страху рассказал все и даже, по моему, то, чего и не было, клялся, что я вообще женоненавистник (интересно, поверил?) и чтоб я еще когда-нибудь... Бедных соседей перепугал до смерти. Жена в слезы: как я останусь с двумя детьми? Я уж и сам всей своей душой возненавидел прекрасную половину населения Франции и собирался, как Сергей Павлович Королев, продолжать свои космические начинания в местах, не столь отдаленных. И так мне стало себя жалко! Шли дни, недели. Иногда просыпался ночью в холодном поту — все, завтра заберут! Когда майора переводили на новое место службы, он пригласил меня на дружескую беседу. Пожурил, напомнил о бдительности, заверил, что делу не дал хода, и настоятельно посоветовал выбирать более надежных слушателей для подобных рассказов. Хороший оказался мужик! И все же его сменщику я все время заглядывал в глаза: знал или не знал о моих контактах с иностранцами? Судя по тому, что я успешно продвигался по службе, не знал.

Наши отцы-командиры и заботливые замполиты старались, конечно, изо всех сил оградить нас не только от тлетворного влияния Запада, но и от повседневной жизни советского народа, строящего коммунизм. Но никуда не денешься! Кушать надо, детей рожать и воспитывать надо, участвовать в жестких битвах за расширение жилья и получение квартиры тоже надо. А многие уже и подумывали о покупке личного автомобиля. Мы, тогдашняя офи-

церская молодежь, хотя и имели месячный достаток традиционно больший, чем наши сверстники — гражданские специалисты, но от этого житейских проблем у нас не становилось меньше. Удивительное дело! Социалистическое плановое хозяйство так строило нашу повседневную жизнь, что все то, из чего состояла материальная основа этой самой жизни, было в страшном дефиците. Мы, конечно, принимали активное участие в строительстве нашего светлого будущего — коммунизма, но значительную часть наших сил, энергии, знаний, умения, деловой смекалки и изворотливости мы тратили на более прозаические дела: приобретение знакомств среди продавцов гастрономов, магазинов одежды, мебели, электротоваров, парфюмерии, хозяйственных товаров. А на счастливицу, сумевшего достать хороший кирпич и «вагонку» для своей дачи, коллеги по работе смотрели с уважением и нескрываемой завистью. В многолетнюю очередь на покупку жигуленка или допотопного «москвича» заносились только передовики боевой и политической подготовки и особы, приближенные к начальству. Ох уж этот наш советский дефицит! Обязательный атрибут нашей социалистической действительности. Помнится, еще во времена моей «космической эпопеи» Валентина Терешкова познакомила меня с очаровательнейшей женщиной — заведующей секцией 200 ГУМа. Вход — на Красной площади, напротив Мавзолея В. И. Ленина и только для избранных. Здесь было ВСЕ, о чем мог только мечтать простой советский обыватель. Естественно, что все импортное. Помнится, как-то при мне заходит Фурцева (всесильная Екатерина Алексеевна, член Политбюро!). И так уж она лебезила перед заведующей этого салона, таким елеиным голоском интересовалась ее здоровьем и спрашивала ее советов по покупкам, что вот тогда я окончательно понял: социализм и дефицит неразделимы! А с семейством этой начальницы — Марианны Михайловны у нас как-то так сложились хорошие дружеские отношения, которые не прерываются и сегодня. А тогда где-то раз в год я брал приличную сумму в нашей КВП

(была в свое время такая, очень богатая касса взаимопомощи, куда мы вносили свои офицерские вклады и брали эпизодически ссуды), после бурных дебатов с женой составлял список крайне необходимого (но опять же дефицитного!) и с замиранием сердца просился на прием в мир наших мечтаний — 200-ю секцию. Вечером — большой семейный праздник — радостные вздохи, охи, ахи, примерки, оценки, одобрения, завистливые взгляды. Но сколько слез и неподдельного горя было у моих девиц, если что-то не подходило по размерам! Как давно это было! Но эти знаменательные события в нашем семействе помнятся до сих пор. Много ли человеку надо! Но если отмежеваться от забот и успехов отдельно взятой семьи и вернуться к общенациональным проблемам, то одна из потребительских корзин советского труженика никогда не оставалась пустой. Это — горячительные напитки. В те далекие времена мне нравилось заходить в большой, популярный среди москвичей гастроном, что в «высотке» на Красной Пресне. Витрина винно-водочного отдела — разнообразнейшая палитра красок! Всеми цветами радуги переливаются ликеры — от почти черного до яркого оранжевого. Коньяки — не подпольного московского разлива, а фирменные — Армения, Дагестан, Молдова. Цена — 4,12, а самый дорогой — 8 рублей. Бери — не хочу! Импорт хоть и был, но мы предпочитали наш, советский напиток! Правда, когда Виталий Жолобов вернулся из космоса и это дело надо было отметить, как-то так получилось, что вместо водки мы купили ящик джина. Морщились, но выпили все и, как положено, водочными порциями. А что такое тоник и что им надо разбавлять этот самый джин, мы тогда и знать не знали.

Удивительная все же у нас страна! Ведь пройдет совсем немного времени, и практически все советские трудящиеся будут бегать впустую по магазинам, потрясая пачкой талонов и вспоминая тихим добрым словом идеолога антиалкогольной кампании Горбачева. Помнится, еще в те времена где-то часа за два до Нового года кто-то нам позвонил и сказал, что

в магазине на Маяковке буду давать по талонам водку. Я со своими зятьями ринулся с окраины в центр Москвы, сжимая в руках целую пачку этих самых талонов. Еле успели домой к встрече Нового года. Зато эта операция была одним из самых приятных событий года уходящего. Ничего не вышло у Михаила Сергеевича, только дров (точнее, виноградников) наломал да очень подорвал доверие к себе простого советского труженика. На святое замахнулся! Как-то в те времена мне попала статья нашего корреспондента, который смачно расписывал прилавки супермаркета какого-то американского города. Меня, «кефирного алкоголика», страшно поразила одна цифра: автор статьи насчитал около 90 наименований одного только молочного продукта! Я конечно, не поверил, решил, что это или опечатка, или пропаганда. И все равно, мне было обидно за наши скромные пол-литровые стеклянные бутылочки, закрытые крышечками пяти-шести цветов: белая — молоко, зеленая — кефир, малиновая — ацидофилин (?), золотистая — топленое молоко. Ассортимент не богатый, но вкусный и питательный! И что самое существенное — из экологически чистых продуктов! Злободневная сегодня тема.

Придут времена, когда мне придется очень много ездить по городам и весям нашего тогда еще необъятного Советского Союза. Посещение магазинов — обязательный атрибут в любом городе. Украинские или, например, прибалтийские города приятно удивляли богатым выбором своих продуктов. Но вот как-то судьба командировочного занесла меня в большой сибирский город — Красноярск. Кстати, областной центр. Предприятия этого города тоже добросовестно работали на ракетно-космическую тематику. Гастрономы, продовольственные магазины еще сталинских построек — солидные мраморные прилавки мясных и рыбных отделов, огромные витрины, блестящие кассовые аппараты. А на этом самом мраморе — хоть шаром покати! Единственный продукт — красиво собранные пирамиды из банок кабачковой икры. Естествен вопрос — как же люди

не умирают от голода? Прямо по Высоцкому: а ответ ужасно прост, а ответ единственный! Как правило, в городах, где я бывал, обязательно меня встречали мои одноклассники по Ростову или сослуживцы по частям. Вечером я у них в гостях. Стол ломится от закусок и разнообразных блюд, холодильник еле закрывается от мясного или рыбного изобилия. Все тот же дефицит, но уже «местного разлива». Если это Сибирь, то в запасниках — медвежатина или оленина, на юге — свинина, в приволжских городах — икорка, красненькая рыбка. Угостят, да еще с собой дадут — гостинец бедным москвичам. Вот так и жили. Укрепляли основы развивающегося социализма, но не забывали при этом и о хлебе насущном.

Так, видно, судьбе было угодно, но моя встреча с симпатичной жительницей военного городка Чкаловский, спонтанно организованная Петром Колодиным в последний день моего пребывания в Звездном городе, имела для меня далеко идущие, вначале неожиданные, потом приятные, а затем и счастливые последствия. Весь период моего проживания в Чкаловском я не упускал эту симпатичную девушку из поля своего холостяцкого зрения, прислушивался к мнению о ней наших общих знакомых, издали наблюдал, как она ведет себя в обществе героев и не героев, был несколько удивлен, когда мне сказали, что она организовала встречу космонавтов с популярнейшим тогда Муслимом Магомаевым. Бывало, что мы случайно вместе последними электричками возвращались из Москвы каждый со своих свиданий, ключа носом в соседних вагонах, как-то раз столкнулись на лыжне в лесу — я со своей компанией, она — со своей. При встречах мы вежливо здоровались и обменивались парой дежурных фраз. В общем, как говорится, ходили кругами друг возле друга.

Период обязательного ухаживания был коротким, но бурным и насыщенным различными мероприятиями. Сюда входили: встреча нового, 1965 года в компании моих друзей (проверка на коммуникабельность), уже совместные лыжные прогулки в Чкаловском лесу (проверка на выносливость и спортив-

ную закалку), походы в музеи и театры (проверка на широту и глубину эстетических знаний), знакомства с моими друзьями и выборочно — с подругами (проверка на наличие чувства ревности и собственности), редкие посещения значных мест (проверка на ту же выносливость и широту натуры), прогулки по заснеженным улицам и бульварам Москвы (проверка на знание истории и заодно — поэзии и потенциальные эмоциональные возможности), обмен милыми подарками и сувенирчиками по случаю 23 февраля и 8 Марта (проверка на финансовую состоятельность и щедрость души), многочасовые посиделки в моей уже пустующей квартире в Чкаловском (проверка на знание жизни) и, наконец, знакомство с моим семейством (проверка на умение нравиться). С удовлетворением и некоторым чувством внутреннего беспокойства (какое-то предчувствие, что моей холостяцкой жизни приходит конец) должен констатировать неоспоримый факт: девушка с блеском прошла все мои коварные тесты! Буду откровенен и самокритичен: думаю, что и моя будущая жена проверяла меня по тем же самым тестам. С годами, по мере того как я познавал свою мудрую спутницу жизни, я уже с полной уверенностью могу сказать, что она проверяла своего будущего супруга еще и по многим другим, одной ей известным тестам. Думаю, я их выдержал. И куда же здесь деваться, если на встрече Нового года я срезал (совершенно произвольно и непреднамеренно!) с елки сувенирчик, где находилась записочка с пожеланиями «Хорошая теща!», а моей спутнице попался сувенир с многозначительным «Новые туфли» (надо понимать белые, свадебные). Мне думается, что это были происки моих друзей, уже потерявших надежду меня женить. Да! Все к одному. Эти два сувенирчика с многозначительными пожеланиями мы храним вот уже почти 40 лет. За годы моей затянувшейся холостяцкой жизни я не раз приводил домой в гости своих подружек. Папа с мамой, сестра принимали их как потенциальных невест, но потом, когда убеждались, что свадьбы не будет, интерес к этим особам с их стороны пропа-

дал и они уже равнодушно относились к моей очередной гостье. Поначалу к моей будущей жене было такое же отношение: ну пришла симпатичная вроде бы девушка, мало ли у нас их побывало. Спыхватились, когда поняли, что здесь дело принимает серьезный оборот: я торжественно объявил, что через пару недель едем знакомиться с будущими родственниками. Дальше отступать некуда. 31 января 1965 года в ресторане «Советский» я сделал Гале официальное предложение! Моя будущая невеста вдруг заплакала и убежала в туалет. Не имея опыта по этой части, я чуть подрастерялся (может, так и надо?). Думаю, причины столь неадекватной реакции могут быть две: от счастья, что такой видный молодой человек сделал предложение, или же переполнили чувства от достигнутой наконец-то победы. Какой уж год пытаюсь выяснить у жены: какова же истинная причина ее тогдашних слез. Не говорит. Рождение очередной советской семьи официально оформлено 14 апреля 1965 года в 16 часов 15 минут во Дворце бракосочетания на улице Грибоедова в присутствии многочисленных родственников и друзей. Традиционно шумную, с песнями, плясками свадьбу отметили в ресторане гостиницы «Пекин». Подарки тоже традиционные, в основном кофейные сервизы. Почему-то часть из этих сервизов в общей суматохе оставили себе гардеробщики. На память, наверное. Одна существенная деталь: свадьба была сыграна на мои личные сбережения, недостающую сумму (500 рублей) взял у будущей тещи в долг, который через пару месяцев вернул. Все! Как у Андрея Миронова в «Соломенной шляпке»: прощайте, Жаннетта, Козетта, Виньетта и др. Отныне я — серьезный человек, ответственный не только за себя, но и за только что созданную молодую, претендующую на роль образцово-показательной семью.

Прошли праздники. Наступили суровые будни. Я, честно скажу, с трудом входил в роль семейного человека (пара месяцев для разгона — явно мало!). Работа отошла как-то на второй план, голова была забита обменом чкаловской квартиры на московскую,

решением многочисленных житейских проблем, о существовании которых я раньше и не подозревал, налаживанием моих отношений с тещей, а молодой жены — со свекровью. Этот самый сложный психологический барьер был преодолен, думаю, с честью для меня и моей молодой супруги. Подводя итоги моих жизненных достижений к концу 1965 года, я имел: очаровательную, но житейски мудрую жену, маленькую, но очень уютную двухкомнатную квартирку в Черемушках, обставленную чешским мебельным гарнитуром (дефицит по тем временам), и что, конечно, самое главное: 20 декабря 1965 года у нас родились две (!) очаровательные доченьки — Лена и Марина! Вот это действительно космические скорости!

С рождением дочерей все наши помыслы, заботы и проблемы были направлены в первую очередь на создание для них необходимых жизненных условий. Если бы не Галин величайший героизм, ее колоссальный материнский инстинкт, природная житейская мудрость и рассудительность, уверен, мы не имели бы в конечном счете таких физически и морально здоровых дочерей. Вся наша семья, включая и ее главу — меня, наши внешние экономические, финансовые и культурные связи, дом с его милым уютом и спокойствием, Лена и Марина с их специфическими чертами характера сестер-близнецов, с их болезнями и капризами, процесс их воспитания — дома, в детском саду, а затем и в школе, а по инерции и в институте — все это было на хрупких девичьих плечах моей молодой жены. Я же в перерывах между командировками на Байконур успевал лишь пару раз в воспитательных целях пошлепать их (детей, конечно) по попкам, моей почетной обязанностью была стирка пеленок (15—20 штук в день), ибо такого атрибута, как памперсы, в обиходе советской семьи тогда еще не было. В общем, потихонечку-полегонечку быт нашей неожиданно ставшей большой семьи входил в свою норму.

Ну а пока я мучительно созревал для семейного счастья, космическая техника не стояла на месте, а

семимильными шагами двигалась вперед. В середине 1970 года мне предложили перейти на работу в центральный аппарат Минобороны, в Главное управление космических средств (от космоса я ни на шаг!). Я попал во вновь созданный отдел, который координировал и контролировал деятельность всех военных представительств, подчиненных этому управлению и аккредитованных в организациях и на предприятиях промышленности, где разрабатывалась и производилась космическая техника. На первых порах я был практически единственным сотрудником этого нового отдела, кому специфика работы военпреда была досконально знакома не на словах, а на деле, что на первых порах было связано с определенными для меня трудностями. Основная форма деятельности сотрудников этого отдела — командировки по всему Союзу, ибо в те времена не было, пожалуй, ни одного более-менее значимого города, где обязательно что-то не делалось в интересах космоса. Вот и приходилось мне, пока мои товарищи познавали военпредовскую науку, по четыре-пять месяцев в году проводить в отрыве от Москвы и моего молодого семейства. Но какие это были командировки!

Вот ведь кажется совсем недавно, а в историческом плане вообще мгновение, когда на орбиту Земли был выведен первый космический объект, бортовая аппаратура которого — радиопередатчик — могла лишь передать на наземные станции слабенький сигнал. Новые, более совершенные носители, способные выводить уже десятки, а в недалеком будущем и сотни килограммов полезной нагрузки, обеспечили возможность отправить на орбиту более сложную целевую аппаратуру. К примеру, какая-то светлая голова предложила разместить на борту космического объекта фотоаппарат и делать снимки всего того, что видит этот аппарат с высоты своего положения. Сказано — сделано! Но между «сказано» и «сделано» прошел не один год упорного труда создателей самого космического аппарата такого назначения и, что самое главное, специальной борто-

вой аппаратуры, способной в условиях космоса производить фотосъемки и полученные картинки сбрасывать на Землю, и не куда-нибудь, а именно в то место, где эти снимки ждали с нетерпением. Так появились космические аппараты фотонаблюдения, а по-военному — фоторазведки. Вот чем привлекательна космическая тематика! Что ни новый аппарат, новая бортовая аппаратура, новое устройство, то обязательно новая блестящая идея, оригинальная конструкция, новые материалы, перспективные технологии. Вот, например, для космического фоторазведчика нужно было создать более информативный фотообъектив, внедрить технологию разработки новой надежной и на тонкой основе фотопленки, разработать принципиально новый панорамный фотоаппарат, надо суметь отснятую пленку надежно спрятать в капсулу, которая не менее надежно должна быть спущена на Землю. Помнится, с каким интересом и даже недоверием мы рассматривали снимки, полученные из космоса. Как-то не укладывалось в сознании, что с высоты не менее чем 200 км можно получить достаточно четкий снимок корабля средней величины с палубными надстройками и орудийными башнями. Интересная деталь: на снимках с наших космических аппаратов, как правило, изображены американские надводные корабли в своих портах и базах, на американских снимках — объекты советского Военно-морского флота. И это естественно, ибо основным заказчиком космической продукции всегда были военные. Придет время, и появятся возможности широкополосного обзорного (большой обзор, но нечеткое изображение) и детального наблюдения (маленький участок, но с высоким разрешением), снимки будут поступать на Землю не в капсулах, а после предварительного цифрового преобразования — через спутники-ретрансляторы. Да и качество снимков существенно улучшится. Но ведь тогда это было только начало. Всем хорош снимок из космоса, одна только деталь: туман, облачность, ночное время суток — и «нулевой» результат, сотни метров пленки — в брак. Военные ста-

вят разработчикам новые задачи. Появляются спутники, на борту которых стоит уже новая аппаратура, которая позволяет наблюдать наземные объекты независимо от погодных условий и времени суток. Так, в космосе появилась аппаратура, работающая в инфракрасном диапазоне волн и фиксирующая наземные объекты по их тепловому излучению. Но военные стратеги и на этом не останавливаются! В космос выводится специальная аппаратура радиотехнического наблюдения. Космические системы такого назначения имели возможность не только обнаруживать радиоизлучающие средства, но и определять их назначение, характеристики и режимы функционирования. Так, например, если зарегистрировать излучение наземной радиолокационной станции, то можно определить радиус ее действия, чувствительность. По интенсивности и характеру радиообмена между штабами и подразделениями можно сделать выводы о том, нормальная ли, повседневная обстановка в регионе или начинается какая-то передислокация или концентрация войск. Сразу же после разработки и вывода на орбиту становятся популярными и среди военных, и среди гражданских потребителей космические навигационные средства, позволявшие еще в те времена определять с достаточно высокой точностью морским судам свои координаты в любой точке Мирового океана независимо от погодных условий. В интересах военных моряков создаются космические средства для обнаружения и распознавания как надводных, так и подводных кораблей, военные топографы заказали себе космический комплекс обзорного наблюдения и картографирования, позволяющий составлять с высокой точностью топографические и специальные карты местности. Ну а о космических средствах связи и спутниках-ретрансляторах и говорить не приходится — как-то быстро все привыкли и считали за должное, что можно в любой момент связаться с абонентом в любой точке земного шара, а программы Центрального телевидения можно посмотреть в далеких странах Южной Америки. В общем, 70—80-

годы — период некоего «космического бума», охватившего не только военные, но практически все сферы нашей повседневной деятельности. Естественно, что наши извечные друзья и соперники в космических гонках от нас не отставали, если не сказать больше. Паритет с США мы здесь четко выдерживали, чего бы нам это ни стоило. А стоило нам это немало! Вот, к примеру, мы с американцами имеем постоянно на орбите по два спутника-фоторазведчика и добросовестно фотографируем друг у друга территории и военные объекты. Но у нашего спутника через пару месяцев заканчивается ресурс, и его надо менять. А это новые ракеты, новые аппараты, новые пуски. Американцы, имея более надежную аппаратуру, делали это значительно реже.

Естественно, что вся эта сложнейшая система носителей, космических объектов, уникальнейшей специальной аппаратуры проектировалась, разрабатывалась, испытывалась в многочисленных научно-исследовательских и проектных институтах и конструкторских бюро, на вновь построенных и переоборудованных предприятиях и заводах, разбросанных по всей территории тогдашнего Союза. И тоже естественно, что все это творилось под неусыпным контролем Министерства обороны, представители которого были аккредитованы на этих НИИ, КБ, объединениях, предприятиях, заводах. Вот мы, я и мои коллеги по вновь созданному отделу, и мотались по всем этим предприятиям и организациям и проверяли: четко ли, добросовестно ли выполняет военпред свои функции, все ли требования заказчика реализованы в новых проработках, не отправлена ли на полигон дефектная продукция. И должность-то у меня так и называлась: «старший офицер-инспектор». Должность категории «полковник», так что мне, майору, на зависть моих коллег, в этой части подвезло. Кстати, в этот период моей деятельности у меня появилась еще одна реальная возможность (после тоста «на троих» за полет Гагарина) прославиться записью в Книге рекордов Гиннеса. Пожалуй, тогда, да и сейчас, наверное, тоже, не най-

дется человека, побывавшего практически чуть ли не во всех (по тем временам, конечно) организациях и на предприятиях промышленности, разрабатывающих и производящих космическую продукцию. Это где-то 120—130 таких организаций. И ведь не только приехал, отметил и укатил домой. Неделю, а то и две ходишь по лабораториям и цехам, общаешься с проектантами, разработчиками, рабочими, монтажниками, испытателями и со всеми теми, кто создавал эту чудесную технику. Ведь их рабочие места — это, если по-военному, передовой рубеж боевых действий военпреда, это место, где новая идея ложится на бумагу, чертеж превращается в конструкцию, а схема — в прибор. И везде рядом с проектантом, разработчиком, монтажником «око государеву» — военпред. Видно, это делалось так успешно и эффективно, что и другие ведомства, например Академия наук, просили Министерство обороны подключить своих военпредов к контролю их заказов по космической тематике. По линии Академии наук это, как правило, лунные и марсианские программы, исследование планет Солнечной системы, межпланетные экспедиции.

Ох уж и насмотрелись мы на те реальные (не по газетам) условия, в которых советский народ добивался этого самого паритета с американцами, где на выходе появлялись уникальнейшие приборы, конструкции и системы, которые реально делали нашу страну самой передовой космической державой. И не очень-то кого-то волновало, что творцы этой техники размещались зачастую в бывших барских конюшнях, где капитальный ремонт делался где-то накануне революции, или занимали цеха еще Демидовских заводов или в бывших монастырях и церквах... Явный диссонанс был характерен для таких исконно русских городов, как Москва, Ленинград, Куйбышев, Саратов, Красноярск. Здесь наряду с современными проектными залами и светлыми цехами, построенными специально под эту тематику (к примеру, фирма Пилюгина имела такие современные производственные помещения, оснащенные япон-

ским и швейцарским оборудованием), были и цеха, где стояли станки еще с царских времен. А вот в Москве прямо у станции метро «Красные ворота» за высокой каменной стеной в старинном красивом особняке, где сохранились еще гобелены и старинные картины на стенах уютных залов, трудились создатели первых отечественных спутников метеонаблюдения. Правда, основная часть творцов этих спутников (кстати, и военпреды тоже) располагалась в различных подсобных помещениях — комнатах прислуги, кухне, каретных сараях. Но спутники-то были не хуже американских! Помнится, на старинном питерском предприятии — Ленинградском оптико-механическом объединении — мы попали в довольно-таки невзрачное помещение, где на двух-трех простеньких стендах трудились добросовестно по виду старички-пенсионеры (вот тот — Герой Соцтруда, а вон тот старичок — кавалер ордена Ленина, доверительно сказали нам). Каждый из них какими-то известными только ему (поэтому и сидели по углам!) способами и лично своими инструментами и приспособлениями обрабатывал поверхности огромных (полтора метра в диаметре!) будущих космических телескопов. И это на зеркальной поверхности, точность кривизны которой измеряется микронами! А в одном из харьковских цехов, где собирали приборы системы управления ракет, на глаза попался аккуратно застеленный топчанчик. На наш естественный вопрос мы получили разъяснение: у нас только один человек умеет делать стеклянные баллончики особой конфигурации, но, к сожалению, он страдает исконно русской болезнью. Поэтому мы приглашаем его один раз в квартал и организуем ему круглосуточное пребывание в цеху; после того как он выполнит норму, мы отпускаем его «болеть» дальше. Так что лесковский Левша и в передовой космической технологии всегда занимал свое почетное место.

И все же уникальная это военная профессия — защищать интересы заказчика на всех этапах создания нового образца космического вооружения! Здесь во-

енной выправкой и знанием воинских уставов не возьмешь. Глубокие знания по теме, трезвый аналитический ум, смекалка, самообладание, умение спорить и защищать свою правоту и находить компромиссные решения — далеко не полный перечень качеств и достоинств, которыми должен обладать военный этой профессии. Кстати, ни в одном военном или гражданском вузе нет ни кафедры, ни спецкурса, где бы учили премудростям этого сложного, но очень интересного дела. Жизнь показала, что не всякий может и умеет быть военпредом. Ответственность — колоссальная! Ведь были же случаи, когда неправильно собранная и проверенная военпредом схема, плохо подпаянный провод в приборе или болт не того размера и диаметра приводили к срывам испытаний на полигоне, а то и к взрывам, пожарам, гибели людей. Так что были среди военпредов и многочисленные взыскания, и понижения в должностях и званиях, и досрочные увольнения в запас. Правда, что-то не припоминаются случаи привлечения военпредов к уголовной ответственности. Ну и слава богу!

Этот период отложился в памяти как калейдоскоп событий, связанных с освоением новой техники, посещением лабораторий, цехов, стендов, испытательных полигонов, встречами с главными конструкторами и руководителями производства (все-таки мы представляли главное заказывающее управление Минобороны), встреч-расставаний с бывшими однокашниками и сослуживцами, боев за места в хороших гостиницах (помнится, что особо жестокие — в Ленинграде), передвижений практически на всех видах транспорта (кроме, пожалуй, оленей и собак), посещений местных театров, значных мест, бань, саун и, если попадали в доверие, — закрытых прилавков с распродажей все того же дефицита. Из всего этого динамичного, насыщенного «инспекторского» периода пара житейских моментов наиболее яркие и запоминающиеся.

Среди практически постоянной по составу комиссии, выезжающей на инспекторские проверки, было

несколько человек (и я среди них) — любителей истории. Лично я еще со школьной скамьи любил этот предмет (наверное, если бы не космос, я точно стал бы историком). Посещая старинные дворцы и усадьбы, я с огромным интересом слушал рассказы о событиях: любовных, трагических, комических, которые имели (а может, и не имели) место давным-давно в стенах этих старинных зданий. Мое пылкое воображение (если честно, то грешен этим и сейчас) делало меня участником этих романтических историй: я тоже с кем-то сражался, кого-то спасал, от кого-то убегал, кому-то делал добрые дела. И вот я езжу по России. Меня встречают как представителя Центра, хотят (льщу себя надеждой, что бескорыстно) сделать мою командировку приятной. Да здесь еще прошел слухок, что я неравнодушен к местным историческим достопримечательностям. Бывали случаи, когда по приезде в очередной город мы ехали не в гостиницу, а объезжали окрестности, смотрели бывшие особняки и дома, где жилали в старые времена губернаторы, местная знаменитость, где когда-то родился известный писатель или художник. Пожалуй, это была единственная слабость, которую я себе позволял, приезжая в российские города в качестве инспектора по космическим делам. Много я повидал интересного за время своих инспекторских поездок. И много познал о людях в ходе этих же командировок, многому научился в жизни. Ну как я мог отказаться от посещения, будучи в командировке в Ижевске, знаменитых Тархан, где в подzemелье маленькой часовенки на цепях качается гроб с останками Михаила Юрьевича Лермонтова и где в спальне его бабушки — Арсеньевой мы не стеснялись своих слез, слушая рассказ о том, как она в тоскливом одиночестве переживала смерть своего единственного любимого внука. А в Красноярске мы долго плутали по окраинам города, чтобы найти часовенку в виде винной бутылки, которую приказал построить местный купец. Купца давно уже нет, а часовенка стоит, о ней слагают легенды, к ней на поклон едут фанаты типа нас. А уникальное явление природы — Красно-

ярские столбы! Со страхом наблюдали, как местные смельчаки бросались вниз головой по «шкуродерам» — двум отвесным, абсолютно гладким скалам, расположенным друг от друга на ширину человеческого тела. А Красноярская ГЭС! Это уникальная плотина высотой в сотни полторы метров, зажатая мощными скалами. А огромный турбинный зал ГЭС, но уже Куйбышевской. Дух захватывает, когда наблюдаешь, как мощнейший водяной поток играючи крутит с огромной скоростью гигантскую турбину. А как забыть уютный, построенный еще купцами местный театр Омска, полностью повторяющий в миниатюре интерьер Большого театра в Москве. А красоты Киева! А в Воронеже в ресторане на втором этаже нас специально посадили у окна, из которого выпрыгнул герой еще Гражданской войны Олеко Дундич, спасаясь от белых. Эту легенду с гордостью поведали нам наши местные коллеги. А Ленинград, где мы бывали десятки раз. Здесь мне явно повезло: много наших предприятий расположено в этом любимом мной городе-музее. Руководителем одного из военных представительств здесь был Петр Иванович Петров, очень приятный человек, прекрасно знающий историю этого города, где про каждый дом можно долго и загадочно рассказывать. Петр Иванович мне как-то даже признался, что перед нашей очередной командировкой в этот славный город он ходил по библиотекам — собирал нужную историческую информацию, которую преподносил нам с искусством заправского экскурсовода. Я лично млею от избытка таких уникальных сведений и с тоской думаю о том, что завтра я проверяю деятельность этого исторического «искусителя» и вдруг (не дай бог!) мне придется поставить ему «тройку» за его упущения в работе (инспектор я был суровый, но справедливый). Но все обходилось нормально, ибо и в работе Петр Иванович был также на высоте. Даже в родной Москве нам умудрялись показать памятники и исторические места, о которых я и не знал. На территории одного из наших предприятий я долго бродил вокруг почти развалившегося дома Анны Монс — приятельницы

Петра Первого. Повезло мне в жизни: много интересного я посмотрел, кочуя по нашей необъятной стране. Я в те годы увлекался кинолюбительством (киноаппарат — свадебный подарок друзей), большинство моих поездок нашли отражение в кинокадрах. Сотни метров этих фильмов лежат до сих пор, ждут обработки.

Вот уж действительно верна русская поговорка: век живи — век учись! Я думал, что в период моих инспекторских поездок я столько познал в жизни, что меня уже ничем не удивишь. Ан нет! Так уж получилось, что я занимался инспекторской деятельностью не пять, как бы мне хотелось, а долгих десять лет. За это время десятки людей не единожды составляли мне компанию в моих поездках по нашим предприятиям. И что меня поражало на первых порах, так это как меняется человек, попадая в не типичную для него обстановку. Ну ладно герои-космонавты. Слетал — получил свое на всю оставшуюся жизнь. Слава обрушилась на тебя лавиной, постарайся остаться человеком (если, конечно, сможешь). А тут чиновник вырывается всего лишь на пару недель на свободу. Работа, жена, теща, дети, личный автомобиль и, что, наверное, важно, — болячки и хвори — все осталось в Москве. И вот он как будто с цепи срывается! То один, поселившись в гостинице, начинает пить «по черному» и вообще не показывается на предприятии, а другой, попав в город своей молодости, бесследно пропадает до конца командировки, третий достает свою записную книжку и начинает восстанавливать свои любовные связи. Лет через пять-семь моей такой кочевой жизни мне пришлось быть свидетелем таких «превращений» очень многих моих коллег по главку, включая и некоторых больших начальников. У меня хватало, конечно, ума и такта не вспоминать по приезду в Москву об отдельных «деталях» наших совместных командировок, они молча были мне благодарны за это, и у нас сохранялись хорошие, добрые отношения. Такой фейерверк лиц, темпераментов, всплесков чувств и эмоций давали мне возможность на их фоне оценить и свои жиз-

ненные позиции и помогали в различных ситуациях принимать нужные, адекватные решения.

В заключение этого чуть затянувшегося не по моей вине этапа моей службы и на зависть любителям путешествий и российской истории просто перечислю старинные русские города, где мне посчастливилось бывать: Красноярск, Омск, Новосибирск с его знаменитым Академгородком, Ташкент, Нижняя Салда, Нижний Тагил (старинные уральские города), Куйбышев, Ижевск, Бердск, Астрахань, Воронеж, Ярославль, Сухуми, Киев, Днепропетровск, Львов и конечно же Ленинград.

А жизнь продолжается! Начало 80-х годов я встретил уже полковником, «матерым» семьянином, чиновником центрального аппарата, уже с ученым званием «кандидат технических наук», что, кстати, не давало мне никаких привилегий и материальных выгод, просто было приятно, что в моих статьях («проба пера» в журналах «Военная мысль» и «Авиация и космонавтика») автор прописывался не только полковником, но и кандидатом наук. Вот пока единственный результат моих ночных бдений на кухне, когда все семейство спало. Но Александр Васильевич Поцелуев сказал «Надо», я ответил «Есть!». Для всякого военного переход из просто старшего офицера в полковники — радостное событие, веха в службе. Здесь мне помнятся два момента. Я пришел к своим родителям в новых полковничьих погонах, мама просто поцеловала своего любимчика (ей все равно, в каких ее сынок званиях), но как же был горд папа, когда увидел большие звезды на моих погонах. Здесь уж и мама разобралась в ситуации. А как я стеснялся, когда в первый раз надел папаху! Мне казалось, что все глаз с меня не спускают и смотрят на меня, конечно, с уважением и завистью. А сам я не упускал любой возможности незаметно полюбоваться на свое отражение в окнах вагонов метро. А что! Молодой мужик, суровый взгляд, лысины под папахой не видно. Было на что посмотреть!

Все-таки начальство пошло мне навстречу и перевело из инспекционного отдела в отдел тематичес-

кий, где я должен был заниматься уже как заказчик контролем разработок конкретных космических комплексов. Я долго ждал этого момента и поэтому с большим энтузиазмом принялся за освоение новой для меня тематики. По роду своей работы я ближе сошелся с людьми, которых просто знал и здоровался или с которыми бывал в командировках. А сегодня многие из них находятся у руля нашей отечественной ракетно-космической техники. И это вполне естественно! Более тесные, почти каждодневные контакты с некоторыми из них надолго сохранились в памяти. Лично для меня это прежде всего генерал-лейтенант Юрий Федорович Кравцов. Очень колоритная фигура, бывший летчик, участник войны, грамотный специалист и умнейший начальник и при этом весельчак, любитель женщин, знаток анекдотов и баек, особенно авиационных. Мы все, и его подчиненные, и его начальники, души в нем не чаяли. Именно он вытянул меня из инспекторов в свое управление. Спасибо ему за это! Все мы стремились попасть на еженедельные «оперативки», проводимые Юрием Федоровичем. Это даже и не «оперативки» в воинском подразделении. Это — спектакли одного актера, это — Клуб веселых и находчивых, это — школа жизни и народной мудрости! Такие сборы начинались, как правило, с обсуждения общежитейских проблем, наших внутренних управленческих событий, реже — проблемы союзного и международного значения. Особая тема — как растет и безобразничает дочь Анюта («профурсетка» — как любовно называл свою двухлетнюю дочь Юрий Федорович, который в 57 лет в очередной раз стал отцом). И какие только темы мы не обсуждали! Как бороться с обледенением самолета, как размножаются киты, по каким законам живут пчелы (лично я впервые узнал об этом много интересного), какая будет погода и какие виды на дачный урожай, почему стихи Анны Ахматовой более лиричны, чем стихи Цветаевой, каковы истинные причины развода Эдиты Пьехи и Броневицкого, где достать «вагонку» по сносной цене и даже... причины возникновения мастита у жен-

щин и как с ним бороться. И только после диспутов на столь разнообразные темы начиналось обсуждение наших повседневных служебных дел. Иногда, правда, такие «оперативки» заканчивались такими «накачками» и взбучками со стороны того же Кравцова, что, выходя из кабинета начальника, забываешь не только как пчелы размножаются или какими средствами бороться с радикулитом, но и как тебя звать-величать. И тем не менее такие сборы были интересны, познавательны, проходили в хорошей, дружеской обстановке, поэтому, наверное, и служебные проблемы решались как-то быстро и без особых споров и конфликтов. Рановато ушел из жизни Юрий Федорович. С его неумным темпераментом и кипучей энергией ему бы жить да жить.

Не менее колоритной фигурой, но немного другого склада был наш главный начальник — Александр Александрович Максимов. Это был человек, одержимый ракетами и космонавтикой. Примечательно, что свою деятельность на ракетно-космическом поприще он начинал военпредом на фирме Королева. К концу своей службы это уже генерал, фактически руководитель работ по созданию военного космоса, отмеченный всевозможными наградами и званиями. Конечно, мы, а особенно молодежь, его побаивались, старались не попадаться под горячую руку и четко выполнять все его приказы и распоряжения. Но при этом обращались к нему, как правило, не по-уставному: «товарищ генерал-полковник», а просто Сан Саныч. Это — не бахвальство и панибратство, а дань уважения человеку культурному и прекрасно образованному, всесторонне эрудированному и технически грамотному, с широким жизненным кругозором, которому не чужды ни споры по искусству и поэзии, ни застолья в кругу своих коллег по работе, ни общение с прекрасным полом. Вот за это мы его и уважали. Помнится, как-то отдыхал я со своим семейством на берегу какого-то водоема. Вдруг смотрю, к берегу мчится катер, а за ним лихо причаливает к берегу на водных лыжах наш Сан Саныч! Спустя некоторое время я проверяю очередное военное представи-

тельство. Команда из главка — срочно позвонить Максиму. Пока набирал номер, лихорадочно думал, где прокол, за что мне будет сейчас разнос. Все оказалось значительно проще. Сан Саныч где-то узнал, что в спортивном магазине на Ленинском проспекте продаются дешевые импортные водные лыжи. Давай, мол, дуй за ними, пока не разобрали, и меня не забудь. Я как-то вяловато откликнулся на спортивный порыв нашего начальника. За лыжами не помчался. А наверное, зря. Молодой еще был, стратегически мыслить слабо (поэтому, видно, и уволился из армии полковником). Как-то он меня вызывает: надо бы статейку в «Красную звезду» про наши космические дела написать. Написали. Точнее, я написал, он отредактировал и за своей подписью отправил. Потом нам это понравилось, и мы стали замахиваться на более солидные издания. Например, раздел о перспективах развития космонавтики в фундаментальном труде «Космонавтика в СССР» — это дело наших с Сан Санычем рук. Правда, в числе авторов этой солидной книги (почему-то запомнилось — весила она 4 кг!) числился только Максимов. Это уже детали. Но даже такое творческое сотрудничество пошло мне на пользу в одной пикантной ситуации. Как-то подходит ко мне очередной майор из особого отдела и показывает переводную статью из какого-то американского журнала с военно-космической тематикой. По ходу статьи там была такая фраза: «Как отмечают ведущие советские специалисты в области космических технологий...» И дальше — фамилии нескольких действительно известных наших специалистов в этой области. Как туда попала моя фамилия — мне абсолютно непонятно, тем более что к известным я себя никогда не причислял. И тем не менее факт, который зафиксировали наши бдительные товарищи. Опять те же вопросы: когда и что писал, кто разрешил, где печатался? Опять объяснения, справки, вещественные доказательства в виде опубликованных материалов. Вот здесь мой соавтор (в данной ситуации так лучше звучит) проявил инициативу, и зарождающееся персональное дело было

быстро прикрыто. Помнится, именно от Сан Саныча я впервые услышал хорошо обоснованный и эмоциональный рассказ об НЛО («летающих тарелках»). Он был большой пропагандист этой теории и периодически давал мне почитать книжки и другие материалы по этой волнующей теме. Очень разносторонним и разноплановым был Александр Александрович человеком! Но главный его «конек» — любовь и преданность своему делу: созданию новых образцов нашей космической техники (он из молодого поколения сподвижников Королева). В отличие от многих своих подчиненных знал он эту технику досконально и даже излишне глубоко для руководителя такого масштаба. Вот эта самая его техническая «вездливость» доставляла нам, его подчиненным, много хлопот, зачастую приходилось по ночам листать классику и техническую документацию, чтобы утром ответить на мудреный вопрос Сан Саныча. Лучше всего это получалось у Володи Пивнюка, нашего «технического интеллектуала», который на законных основаниях числился постоянным референтом Максимова по всем «хитрым» техническим проблемам. Таким же умницей и всесторонне развитым специалистом в нашей области был и генерал Евгений Иванович Панченко — очень уважаемый человек среди нас и среди разработчиков, хитрый стратег, который умел профессионально, как истинный дипломат, сглаживать углы при многочисленных конфликтных ситуациях, возникающих между промышленностью и Минобороны. Придет время, и среди моих непосредственных начальников появится вначале полковник, а со временем и генерал-полковник Герман Степанович Титов.

Герман Титов! Космонавт-2, легендарная личность, вместе с Юрием Гагариным — любимец планеты, особенно ее женской половины. Мне довелось длительное время общаться с этой неординарной, яркой личностью в самых различных жизненных ситуациях: на службе и в командировках, в кругу друзей и на широких общественных мероприятиях, в частных встречах и официальных торжественных

церемониях, на даче и в походах по подмосковным лесам, на рыбалке и сборе грибов, среди наших жен, детей, а со временем — и внуков. Совершенно различные условия и ситуации! Неизменно лишь одно — ровное, спокойное, практически не зависящее от окружающих условий отношение Германа Степановича к происходящему вокруг. Этот человек по всем жизненным проблемам и вопросам имел свое, не всегда, может быть, однозначное — но свое! — мнение. Думаю, что такая уверенная, зачастую бескомпромиссная позиция базировалась не только и не столько на непререкаемом авторитете космонавта или депутата Госдумы, а больше и в основном на чисто человеческих качествах Германа. Здесь и его интеллект, и широкая эрудиция, любознательность и желание познать как можно больше в окружающем мире, тонкое восприятие всего того, что происходит вокруг, его умение с полуслова, с лету понять, схватить суть говорящего и поддержать разговор практически на любую тему, широкие познания в области музыки, поэзии, театра, почти лирическое восприятие красот русской природы, ровное, спокойное, уважительное отношение к окружающим и на работе, и в кругу родных, друзей и знакомых. За всю свою до обидного короткую жизнь Герман сумел сохранить и во многом приумножить всю эту гамму прекрасных человеческих качеств, которыми так щедро наградила его природа. И только поэтому и молодой лейтенант — летчик авиационного полка, и всемирно известный герой-космонавт, и убеленный сединами генерал-полковник, и народный избранник — депутат Госдумы — это все тот же Герман с его широкой натурой, неизменным, чуть взрывным характером, твердой жизненной позицией и собственным восприятием окружающего мира... Годы его не изменили, а наша, в общем-то, нелегкая жизнь его не сломила, не превратила в приспособленца, не заставила сегодня во весь голос и на всех перекрестках хулить то, чему только еще вчера мы все поклонялись. Вот в этом весь Титов! За это его ценили и уважали все, кто его знал, с кем он общался по работе, по жиз-

ни — и его друзья, и его недруги, если таковые у него были.

Наши добрые, хорошие отношения начались еще в далекие годы нашего совместного пребывания в Звездном городке. Мы были молоды, я не обременен семейными узами, а Герман с упоением ловко лавировал на гребне волн своей космической славы. Культурным центром, местом, куда многие заглядывали «на огонек», была моя холостяцкая квартира. Частенько ко мне подходили мои коллеги по службе с душевной просьбой: сестра, мол, приезжает, негде остановиться, можно воспользоваться твоей квартирой. Я, конечно, шел навстречу такому любящему брату, тем более что сестры приезжали почему-то, как правило, под выходные, когда я рвался в Москву, домой. А совместные творческие вечера, когда в моей двухкомнатной квартире умещались половина (женская) выпускного курса ГИТИСа и жаждущие на них посмотреть и их послушать местные жители. Бедные мои соседи — Жора Добровольский, Петя Колодин, Саня Матинченко — деликатно терпели, не жаловались. Частенько к нам заглядывал и Герман и сразу же становился душой компании. А вот интересно, помнит ли патриарх нашей эстрады народный артист Советского Союза Иосиф Кобзон, как поздно ночью мы с Германом нагрянули к нему в гости в его малюсенькую комнатку в коммуналке, что рядом с Театром Образцова, где единственным украшением было большое фото Титова с его дарственной. Когда мы уходили, то молодой, тогда еще начинающий певец Иосиф Кобзон так и остался в недоумении — зачем же мы приходили к нему в два часа ночи. А мы уже мчимся домой, в Чкаловский. Я хотел выйти из машины у своего дома, чтобы быстрее забраться в свою холостяцкую постель. «Нет! — решительно возразил мой старший товарищ, — ночевать будешь у меня». — «Есть!» — сказал я. Приехали к Титовым. Я минут тридцать переминаюсь с ноги на ногу в прихожей, а в это время Герман в спальне ведет переговоры с супругой. Я думаю, на тему, можно ли Эдуарду у нас переночевать. Наверное, разрешение было получе-

но, мне выделили раскладушку с постельным бельем и уложили в столовой. Утречком, пока все еще спали, я перебежал в свою родную обитель. Это было мое первое знакомство уже с семейством Титовых. Как-то постепенно получилось, что с годами мы стали общаться уже семьями: Титовы — Герман с Тамарой, Жолобовы — Виталий с Лилей и я со своей молодой женой. Подрастали дети, а у нас у всех — девчонки, появились какие-то общие интересы, совместные праздники, дни рождения, переживали, когда же полетит Виталька. Видно, нам всем вместе было хорошо, ибо с годами наши контакты не разрушились, а стали прочнее, даже несмотря на то, что нашу компанию покинул Жолобов, — после долгожданного космического полета уж больно ему захотелось стать мэром своего родного города Херсона, куда он и отбыл, как говорится, не попрощавшись. Лиля осталась верной подругой в наших рядах.

С начала 80-х Герман Степанович — заместитель начальника нашего главка, уже мой непосредственный начальник. Жили в Москве почти рядом, еще практически молоды (в районе сорока), девчонки-подростки пока не доставляли нам особых хлопот, дачными проблемами пока не обременены (правда, мало кто верил, что у героя-космонавта нет дачи, а я до дачи еще не дослужился). Хорошие были времена! Колесили по Подмосковию на машинах, собирали грибы-ягоды, рыбачили, побывали в Эстонии, ездили в гости, особо туда, где была сауна, намотали сотни метров киноплёнки. Кстати, по части сбора грибов Герман, как истинный сибиряк, мог дать фору нашим дамам — большим специалистам в этом виде тихой охоты. Я — так, на подхвате. Почему-то запомнилась такая картинка: солнечный денек, Гера сидит на опушке леса, сосредоточенно перебирает собранные грибы и каждый тщательно, почти с любовью вытирает о свои штаны. Все это было в Рузе, в оздоровительном комплексе Звездного городка, куда мы неоднократно и с огромным удовольствием ездили.

Это ведь были далекие времена информационного голода и когда еще считалось просто неприлич-

ным публично муссировать чьи-то семейные дела или описывать хоромы кого-то из сильных мира сего. И поэтому слухи, сплетни, чьи-то домыслы, кто-то что-то сказал, кто-то не так понял — все это было в ходу и будоражило московскую общественность. И особо, если это касалось космонавтов. Конечно же не осталась без внимания «желтой» прессы и такая колоритная фигура, как Герман. Чего только мы не наслышались за эти годы! А на деле мне приходилось множество раз наблюдать, с каким уважением, трепетно относился Герман к своей жене, к своим детям. Не единожды приходилось быть с ним в различных мужских компаниях, где мужики, чуть поддав, начинают, мягко говоря, критиковать своих жен. Герман, как правило, не поддерживал такие разговоры, и я ни разу не слышал, чтобы он сказал худое слово про свою Тамару. Хотя, конечно, как и в любой советской семье, у них всякое бывало, но фундамент их семейной крепости оставался прочен и незыблем. Память сохранила тихие московские вечера, когда мы со своими детьми собираемся за столом, который быстро накрывала Тамара, ведем тихие душевные беседы (иногда даже заумные), обсуждаем наши житейские проблемы, иногда по нашей просьбе Герман читал стихи (если был в ударе и настроен лирически, то это у него получалось прекрасно).

Тема эта для меня трепетная и волнительная. Но вот еще одно, пожалуй, главное. беру на себя смелость утверждать, что под солидным и красивым генеральским мундиром с множеством отечественных и зарубежных геройских звезд и орденов билось чуткое сердце, трепетно, почти болезненно реагирующее на окружающий мир. И в то же время в силу каких-то, ему одному известных причин не стремящееся выплескивать наружу свое отношение к происходящему вокруг, свои радости и печали, раздумья, сомнения и переживания, победы и поражения. Хорошо это или плохо — трудно сказать! Ведь есть люди, и у нас таких, наверное, большинство, которые не желают свои чувства и эмоции долго хранить и переваривать в себе, они предпочитают «выйти в народ»

(вот уж действительно — на миру и смерть красна!), вынести на всенародное обсуждение и разделить с окружающими свои горести и печали и успокоиться, получив свою долю людского сочувствия. И на душе легче, и снова жизнь прекрасна и удивительна! Таким людям легче живется на белом свете. Но ведь есть и такие, которые не выплескивают свои эмоции наружу, не стремятся взвалить на чужие плечи груз своих забот и проблем, а зачастую мучительно переваривают глубоко в себе свои боли и печали, раздумья и переживания. Это про Германа. Как он болезненно, вот уж действительно внутренне сгорая, переживал скоропалительный распад Советского Союза, развал армии, крушение наших космических завоеваний, с каким презрением относился к «перевертышам», чуть ли ни ежедневно меняющим свою точку зрения на происходящее, или к бывшим солидным партийным боссам, имеющим сегодня несколько торговых палаток у метро. Но я что-то не припоминаю, чтобы этими своими мыслями и переживаниями он делился с телевизионной аудиторией (а это в те времена было модным) или выступал на каких-либо симпозиумах или конференциях. И очень редко он проявлял свои эмоции по поводу происходящего вокруг среди близких ему людей. Все в себе, все на внутренних переживаниях, все за счет самосгорания.

Говорят, что нет предела человеческим возможностям. Есть! К сожалению. Вечного внутреннего огня у человека не бывает. И когда этот внутренний огонь переходит в испепеляющий пожар — нет человека. И неважно, как он умер: сидя, стоя, в больнице или дома, на банкете или в бане. Важно, почему он умер. Я хорошо знал Германа. И поэтому смею утверждать, что внутреннее невосприятие происходящего вокруг, бурный внутренний протест против предательства, обвала принципов и идеалов, лжецов и хапуг — вот этот самый пожар души — истинные причины, по которым нет сегодня среди нас дорогого и близкого человека. Я в этом убежден. Так уж получилось, что, направляясь сегодня на работу, я проезжаю ми-

мо Новодевичьего монастыря. И каждый раз я мысленно посылаю свой привет и коротенький доклад о нашем житье-бытье своему незабвенному другу — Герману Титову.

Повседневная жизнь чиновника центрального аппарата Министерства обороны, пусть даже это будет и высококлассный специалист в космической области, интересна, многогранна и при добросовестном отношении к своим обязанностям даже во многом носит творческий характер. Здесь самое главное, чтобы с годами у тебя не пропал молодой задор, этот самый творческий порыв, стремление, желание и умение добиться от промышленности выполнения наших требований в новых разработках. Не просто, скажу я вам, майору или подполковнику доказать Главному конструктору, академику, с двумя Звездами Героя на груди, что его конструкция должна быть не круглая, а квадратная, или, положим, его технические решения не удовлетворяют требованиям заказчика. Правда, у нас в этих технических полемиках были хорошие советчики и помощники в лице высококлассных специалистов нашего Центрального научно-исследовательского института космических средств, подчиненного нашему главку, и конечно же наших военпредов. Мы и сами специализировались по различным профилям и техническим направлениям. Среди нас были ракетчики, ведущие по космическим аппаратам, двигателисты, управленцы, связисты, телеметристы, специалисты по бортовой специальной аппаратуре — в общем, любое направление, любой аспект ракетно-космической тематики являлись сферой деятельности нашего специалиста. Почетная, но трудная работа!

Типичный рабочий день офицера главка — это работа с обширной перепиской (письма входящие, исходящие), изучение и анализ технической документации (просят зайти в канцелярию, а там тебе сюрприз — томов двадцать очередного эскизного проекта), общение с разработчиками и промышленниками (здесь, на месте, или с выездом в институты или на предприятие, естественно, на общественном

транспорте), участие в многочисленных совещаниях, проводимых нашими командирами, подготовка для вышестоящего начальства многочисленных справок, записок, отчетов, докладов и «раскладушек». «Раскладушка» — это наиболее популярный в нашем главке (компьютерной графики тогда еще не знали) вид наглядной агитации по нашей технике, когда на трех-пяти листах ватмана небольшого формата, склеенных в виде «гармошки», в красках рисуется ракета или космический аппарат со всеми их комплектующими, характеристиками и другими справочными данными. Когда Максимов ехал на доклад в Генштаб, он всегда брал с собой на всякий случай с десяток таких «раскладушек». Ну и конечно же довольно-таки частые поездки на полигоны, в основном на Байконур или в Плесецк, по своей тематике. А там — работа в госкомиссиях, участие в испытаниях и пусках, разбор неудачных и аварийных результатов, отработка эксплуатационной документации для техники, сдаваемой в боевую эксплуатацию, извечная полемика с местными военными и промышленниками. Все это до боли знакомо.

Но есть в этой череде со временем ставших довольно-таки нудными действий события, которые делали нашу чиновничью жизнь не такой уж скучной и однообразной. Среди них — занятия по марксистско-ленинской подготовке. О! Это уже не кравцовский моноспектакль. Это действие, в котором должны принимать участие все: и офицеры, и служащие. Начать надо с того, что нас всех, правда, только офицеров, тогдашний главком Ракетных войск Владимир Федорович Толубко (а наш главк какое-то время ему подчинялся) заставил завести каждому по три тетради, при этом указав, сколько страниц должны быть и какие должны быть поля. Политорганы рьяно следили за выполнением этой директивы по всем ракетным частям. Первая тетрадь — конспектирование первоисточников, классиков марксизма-ленинизма, вторая — конспекты по материалам съездов и пленумов ЦК КПСС, в третьей — конспекты лекционных материалов и мои личные мысли и соображе-

ния к очередному семинару. По-моему, над нами смеялась вся Советская Армия, но уж больно хотелось Владимиру Федоровичу стать Маршалом Советского Союза, а такая политическая активность не могла быть не замеченной нашим высшим партийным руководством, которое определяет, кому какое звание присваивать. Такая байка, во всяком случае, ходила среди нас. Но делать нечего, продвигаться-то по службе надо, а следовательно, и конспекты вести тоже надо. Помнится, нам приводили в качестве положительного примера тетрадь № 2 одного нашего коллеги, где на 80 листах этот энтузиаст законспектировал доклад Брежнева на очередном пленуме, изложенный, кстати, в брошюрке, которая продавалась в любом киоске.

Наше политическое просвещение начиналось, как правило, с лекции, на которую нас собирали в актовом зале. Шли с интересом лишь в том случае, если докладчиком был лектор ЦК КПСС — личность, от которой мы надеялись услышать что-то новенькое, недоступное для широкой аудитории. Зная это, эти самые лекторы подогревали интерес к себе какой-нибудь полусекретной информацией: оказывается, в такой-то области столько-то безработных или в результате стихийных бедствий на Сахалине погибли люди, а в Москве на улице Горького задержаны три проститутки. Слушатели охали-ахали: оказывается, и в Стране Советов возможны стихийные бедствия, а по улицам разгуливают девицы, о которых мы только в книжках читали. Сегодня это звучит смешно и как-то неправдоподобно, но тогда-то мы ведь твердо знали, что в социалистическом обществе не может быть безработицы, и никакого секса, и никакой проституции. Так уж нас воспитали. Еще пара-тройка достоверных малоизвестных фактов (например, состояние здоровья кого-нибудь из членов Политбюро или почему выдворены из страны Ростропович с Вишневецкой), и мы расходились, довольные друг другом. Далее по плану — семинарские занятия в многочисленных группах марксистско-ленинской подготовки. Это — четыре часа нудного прочтения

каждым из участников своих записей с редкими, вялыми дискуссиями по обсуждаемой проблеме. В первые годы существования нашего главка это коллективное повышение нашего коммунистического сознания проходило под контролем двух ответственных лиц: замполита — генерала и полковника — его помощника. Но придут времена, когда таких генералов и полковников у нас станет тьма-тьмуца. А отсюда чуть ли не индивидуальный контроль за прохождением занятий и глубиной проработки материала в каждой группе. По завершении таких занятий проверяющие делали несколько записей в журнал руководителя (я был одним из таких руководителей) типа: не раскрыты глубинные причины перехода от различных наций и народностей к единой нации — «советский народ», слабо показана роль Коммунистической партии в деле развития Советской Армии в целом и космических войск в частности, более подробно надо бы о задачах, поставленных на очередном Пленуме по развитию птицеводства, ну и тому подобное. Читали, конспектировали, более глубоко прорабатывали первоисточники, чтобы к следующему семинару устранить недостатки. И все это было само собой разумеющееся, ибо мы все по инерции еще продолжали верить, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», а в конце очередной пятилетки все мы будем жить в отдельных квартирах, а со следующего месяца все виды транспорта будут бесплатными. Блажен, кто верует! Пройдет совсем немного времени, я уже на пенсии и работаю в Министерстве иностранных дел, забыв про три тетради и необходимость вообще что-либо конспектировать. Страна — один сплошной рынок, где продается и покупается все — от ракеты до веника. Вдруг как-то звонок. На проводе — один из бывших моих грозных проверяющих. Я по инерции внутренне сжался, ожидая очередного разгона. Оказывается, он ко мне с просьбой: нельзя ли на территории министерства организовать временную торговую точку по продаже бельгийского женского нижнего белья. Я обещал, но при этом подумал,

что при встрече выскажу ему все накопившиеся годами обиды. Встретились. Он мне долго и так же убежденно, как на семинарах, рассказывал о преимуществах бюстгальтеров бельгийских в сравнении с немецкими. Я слушал и все ждал, когда же я начну пламенную обвинительную речь. Но в какой-то момент вдруг понял: обвинять-то мне некого и не за что. Мой собеседник, в принципе, такая же, как и я, жертва коммунистического пресса, под которым все мы, в том числе и наши политработники, находились долгие годы. Сомневаюсь, что он верил во все то, о чем убежденно и обоснованно говорил нам на семинарах. Но агитация — это его работа. Думаю, что с бюстгальтерами у него лучше получалось. Я не стал его обличать, а просто пожалел. Впрочем, как и себя тоже.

Пока мы повышали свой идейно-политический уровень, космос в нашей стране продолжал оставаться популярнейшей сферой приложения умственных, материальных и всяческих других ресурсов в ущерб другим сторонам нашей повседневной жизни. Первая скрипка здесь — за военными. Наступили времена, когда каждый вид или род нашей армии считал обязательным для себя иметь «персональный» космический аппарат, который решал бы только его задачи. Появились «свои» главные конструкторы (например, Анатолий Иванович Савин — у моряков, Михаил Кузьмич Янгель — у ракетчиков) и даже «свои» министерства, не говоря уже о заказывающих управлениях по космосу чуть ли не у каждого Главкома. Начинается многолетняя борьба за приоритет в космических заказах между двумя министерствами — Министерством общего машиностроения и Министерством радиопромышленности. Космический «монстр» стал практически неуправляем. Светлые головы в нашем главке стали вынашивать идею создания единой системы космического наблюдения, которая должна решать задачи в интересах одновременно всех потребителей Минобороны. Задача благородная, но в тех условиях трудно реализуемая. Горячими сторонниками этой идеи были Юрий Фе-

дорович Кравцов и Владимир Алексеевич Пивнюк, тогдашний мой непосредственный начальник. Исполнителем пока в единственном числе был я.

С энергией застоявшегося коня я ринулся в бой. Я сразу понял, что задача передо мной поставлена наитруднейшая. Попробуй убедить морское военное ведомство, что ему не нужен «персональный» космический аппарат наблюдения за надводной и подводной обстановкой, а всю необходимую разведывательную информацию моряки будут получать от космических наблюдателей общего, так сказать, пользования. И так со всеми: разведчиками, военными топографами, ракетчиками, летчиками. У каждого ведь свое «натуральное хозяйство»! А на всех ракет-носителей не напасешься, да и в космосе становится уже тесновато, как на хорошем шоссе, где рядом мчатся американские и советские автомобили (сталкиваться нельзя, надо только обгонять, но при этом неплохо было бы и заглянуть внутрь машины соперника). И я стал проявлять чудеса изворотливости и хитрости с одновременным представлением ярких красочных картинок недалекого прекрасного будущего. Кто-то верил, а кто-то нет. К таким применялись другие, более суровые меры воздействия. Сколько было совещаний, заседаний в узком кругу, в расширенном составе, различного рода симпозиумов и семинаров с привлечением нашего и других военных институтов, где с большими эмоциями и накалом страстей обсуждалась проблема: объединяться или не объединяться. За эти годы я стал почти своим человеком во всех главных штабах, заимел много друзей и сподвижников, но были, конечно, и такие, которые в упор меня не видели. Кульминацией этой борьбы было совещание у Дмитрия Федоровича Устинова, тогдашнего министра обороны, очень авторитетного члена Политбюро. Меня тоже пригласили на это совещание, поручив при этом ответственное задание. Совещание проходило в зале заседаний в старом еще здании Генштаба. Присутствует вся элита армии и флота, заинтересованная в использовании космоса в своих интересах. Председательству-

ющий — Устинов. За его спиной висят 15—20 плакатов докладчиков по повестке дня. Нам, двум полковникам, нужно было находиться среди этих плакатов и по мере смены докладчиков менять наглядную агитацию. Строго предупредили: делать это быстро, бесшумно, без привлечения внимания министра. Вот мы и ползали на четвереньках, меняли плакаты, красные и потные от волнения и ответственности за то доверие, которое нам оказали. Естественно, что в последующем в разговорах по этой тематике я всегда подчеркивал: вот мы, мол, на совещании у министра... Из-за этих плакатов я так и не сумел разглядеть толком всесильного Дмитрия Федоровича. После совещания постоял у его стула, с удивлением обратил внимание на полную пепельницу окурков (когда это он успел). Хотел взять один на память, но вовремя опомнился — вдруг подумают, что мне нужны для Политбюро. За успешно проведенную операцию меня с моим коллегой-полковником обещали поощрить премией. Но забыли, видно. Наконец-то придет время, и у меня в руках будет многострадальный документ, где будут изложены и подписаны начальниками всех главных штабов родов и видов войск объединенные требования к перспективным космическим средствам военного назначения, которые обязаны удовлетворить всех пользователей Минобороны. Дальше надо претворять эти требования в конкретные разработки, создавать новые перспективные целевые комплексы. Но не тут-то было! Когда Максимову доложили весь материал, он в последний момент дрогнул и отказался от продолжения этих работ (в этом случае в его подчинение должно перейти большое количество войсковых частей, а ему и свои-то доставляли кучу хлопот). Думаю, испугался ответственности. А жаль! Столько сил было потрачено. Вот тут я немножко обиделся на Сан Саныча.

А жизнь продолжается! Во всем своем многообразии, с ее успехами и поражениями, радостями и огорчениями. В нашей повседневной кипучей жизни случались события, которые на какой-то момент

будоражили весь коллектив — от генерала до служащего Советской Армии. Это не считая, конечно, дней полочки, общих партсобраний и семинарских занятий. Где-то вдруг на каком-то этаже, в каком-то кабинете родился слухок: приезжает Военторг! Как тайфун, эта весть облетает все помещения: рабочие комнаты, столовую, курилки, библиотеку. Все дела — в сторону, конспекты — на потом, командировки — надо отложить. Возникает куча злободневных вопросов: когда будет распродажа, что привезут, будет ли дефицит, какое подразделение пойдет первым, кто составляет списки, пустят ли жен. Офицеры, ответственные за это мероприятие, загадочно и хитро улыбаются, информацию дают только наиболее близким или в порядке бартера. Волнение передается женам и достигает предела. Наконец команда: подготовить и представить списки желающих в субботу (день не рабочий) прийти на выездную распродажу. Не желающих — нет!

Наступает долгожданная суббота. У подъезда — быстро растущая толпа из офицеров, жен, детей и других близких родственников. В глазах немой вопрос: ну когда же запустят? И вот началось! По коридору из жаждущих первыми проходят жены, дети и близкие знакомые наших больших генералов. Все провожают их с тоской (все ведь разберут!) и завистью. Второй эшелон — родственники начальников пониже. Им что-то еще из импортного товара перепадет. Ну а когда строго по списку в зал ринутся рядовые сотрудники со своими женами, их встретят уставшие, но успевшие отовариться распорядители, уходящие нагруженными пакетами генеральские жены да разбросанные везде пустые яркие коробки из-под так и не доставшегося дефицита. Помнится, оставалось почему-то постельное белье, стиральные порошки (импортные!) да брюки с куртками из магазина «Богатырь». Поначалу мы с женой были в числе разочарованных, но со временем она проходила в числе первых в качестве ближайшей родственницы Тамары Васильевны Титовой. Заходы стали более успешными. Еще пару дней после этого главк возбуж-

денно жужжал и обсуждал субботнее мероприятие. Потихонечку страсти затухали, и мы вновь приступали к выполнению своих обязанностей. До очередного приезда Военторга.

Это были уже времена, когда даже простой советский труженик все чаще и чаще попадал за границу, чтобы своими глазами полюбоваться на западное, дефицитное для нас изобилие и в зависимости от финансовых возможностей что-то купить из того огромного списка, которым наделила его жена, дети, сослуживцы и знакомые. Редко, но среди них попадались и военные. И совсем уж событие, когда на какой-нибудь международный конгресс по космической тематике отправлялся кто-то из нас (точнее, наших руководителей). В числе первых был Владимир Павлович Ерохов, начальник одного из наших отделов. По приезду мы забросали его вопросами типа: ну как там они? Его ответ я потом слышал много раз и из разных уст, но тогда он произвел на меня неизгладимое впечатление: «Капитализм, конечно, загнивает. Но как он при этом пахнет!» Четко, сжато и предельно метко! Как-то так получилось, что через год после увольнения из армии (а имел право только через 10 лет) я тоже попал за границу, и не куда-нибудь, а в Хельсинки, столицу капиталистической Финляндии, где знакомился с работой нашего посольства. И это при том, что для нормального советского человека за граница начиналась, как правило, с поездок в близкие по духу и родные нам страны социализма. Я конечно, знал, что Финляндия — задворки Российской империи, что там живет бедный народ, который до сих пор жалеет, что в свое время вышел из состава первого в мире советского государства. Пользуясь дипломатическими привилегиями, мы везли с собой все, включая картофель, соль, сахар. Я-то по наивности думал, чтобы с голоду не умереть, а как потом выяснилось, чтобы сохранить валюту на более ценные приобретения. Ну и конечно, у меня был большой список заказов от жены и дочерей. Прошло почти 15 лет после этой поездки, а у меня четко перед глазами одна только сцена: я стою по-

середине огромного, полупустого зала магазина, где есть ВСЕ, о чем мечтали мои девчонки и что они записали в мою шпаргалку. Я стоял и почти плакал. И плакал я от горькой обиды за себя, за жену, за моих детей, за моих родителей, за друзей — за нас всех, кому долгие-долгие годы рассказывали сказки о том, как у нас хорошо и как у них плохо. Вот уж действительно, лапшу на уши вешали! И еще мне было стыдно за всех нас, за наше отношение к этому маленькому, трудолюбивому народу. В последующем мне пришлось поехать по достаточно многим странам, но эту свою первую поездку за рубеж я хорошо запомнил. Долго даже хранил в качестве сувенира фирменный пакет из этого магазина.

Ну а пока проходил службу и весь был опутан секретам, самая что ни на есть за граница для нас — это были Прибалтийские республики и особо — Эстония. Много лет подряд мы ездили туда летом на машинах, со временем приобрели хороших друзей, познакомились с традициями и обычаями этого маленького, но гордого народа. Кстати, зря о них ходят анекдоты, где над ними подсмеиваются за их тугодумство и медлительность. Почему-то все наши друзья-эстонцы — народ веселый, динамичный и с юмором. А когда соберутся несколько женщин, то трещат, как сороки, непрерывно, похлеще Трандычихи. Поначалу все нас поражало в этой маленькой красивейшей стране. Одни дороги чего стоят! Где бы мы ни ездили — на островах, в лесной глубинке — везде или асфальт, или мелкий, хорошо утрамбованный гравий. И везде, даже в лесу, чистенькие, аккуратные дорожные знаки и разметки. Едешь по лесной дороге — и вдруг на обочине деревянный мосток с разнокалиберными банками с молоком. А вокруг — ни души и ни одного строения! Чудеса, да и только! Потом нам разъяснили: жители хуторов, расположенных в глубине леса, выносят молоко на дорогу, где его забирает колхозная машина и отвозит на ферму. Невольно напрашивается вопрос: долго ли простояла бы такая банка с молоком на проселочной дороге где-нибудь в ближайшем Подмоскovie? Ду-

маю, не долго, и забрала бы ее не колхозная машина. Это уж точно! Или вот еще одна деталька повседневной жизни эстонцев, которая меня, автолюбителя, ввела чуть ли не в шок. По приезде на остров вечером я, естественно, снял «дворники» с машины, а саму машину заблокировал парой крепких замков. Надо было видеть, с какой иронией вперемежку со скрытым презрением мои друзья-эстонцы следили за моими действиями. Как же мне было стыдно! Не будешь же им объяснять, что если я этого в Москве не сделаю, то наутро я своей машины могу не найти. Впоследствии привычка брала свое: когда гости уходили, я тайком вечером пробирался к машине и обвешивал ее противоугонными устройствами. В последующем отказался и от этого. Оказалось, что снимать по ночам «дворники» не является традицией эстонского народа.

Много было таких элементиков и деталек, которые для местных жителей — само собой разумеющееся, а для нас — целое открытие, причем не всегда для нас понятное. Ну вот еще, например. Впервые мы попали на остров Хийуумма (есть в Эстонии такой заповедник из 350 маленьких островков, до которых надо добираться на пароме полтора часа) в День рыбака. Нас пригласили на праздник. В большом помещении человек 300, надо понимать, рыбаки, сидят за столами, уставленными разнообразными бутылками, включая, естественно, водку, с обильной закуской (я лично тогда впервые попробовал копченую курицу — большая для нас новинка). В центре — место, где вручались традиционные грамоты и выступала художественная самодеятельность. Мы, как только сели за стол, естественно, сразу же потянулись к бутылкам и закускам. За что моментально получили по рукам. Пусть и образно, но все равно было стыдно. Когда мы осмотрелись, то обратили внимание, что ни один из присутствующих до окончания торжественной части не дотронулся ни до рюмки, ни до вилки. Так вот и сидели минут сорок, с жадностью поглядывая на стол и добросовестно аплодируя очередному награжденному. Любопытства ради наблюдал за развитием событий после окончания тор-

жеств. Все было: тосты, номера приезжих артистов, песни, танцы, шутки, и не было только одного — пьяных и дебоширов. Ну никак не хотелось в это верить! Тепила одна лишь мысль: наверное, организаторы так незаметно выводили и выносили этот обязательный атрибут таких коллективных мероприятий, что мы этого просто не замечали. Наша московская компания вынуждена была быстренько перестроиться на местные мерки потребления горячительных напитков. Вначале было трудно, но потом ничего, привыкли. Вот такая вот Эстония! Наша тогдашняя советская заграница.

Все познается в сравнении! Мудрые слова. Судьбе было угодно, чтобы я продолжил исследовательские сравнения на тему: «А как у них? А у нас — хуже или лучше?» Правда, для этого мне пришлось уволиться из армии и устроиться на работу в Министерство иностранных дел. Побывал я и в Европе, и в Азии, и, что особенно примечательно, в Южной Америке. Так что было с чем сравнить нашу тогда еще советскую действительность. Каждая такая поездка, каждая страна — масса впечатлений, множество исторических мест и легенд, местный колорит, многовековые обычаи и традиции. Это были уже времена, когда наши магазины (во всяком случае, в Москве) стали ломиться от западного «изобилия». Так что извечная проблема дефицита потихонечку сводилась на нет.

Меня волновал уже другой вопрос: вот ведь такие же люди, почти те же проблемы, что и у нас, но почему местные жители там отличаются от нашего «среднестатистического» русского, почему они живут в каком-то другом измерении и почему у них нормой является то, что у нас пока большое еще исключение из общих правил? В Лондоне мы демонстративно валялись на прекрасной травке в сквере у королевского дворца — ни тебе бумажек и пакетов, ни тебе собачьих кучек, ни тебе огрызков, ни тебе разбитых бутылок и окурков. Как-то даже и неинтересно! А хозяева собачек бегают за своими любимцами с совочками, аккуратненько собирают собачьи экскременты, которые при выходе из сквера выбрасывают в

специальные контейнеры. Кто-нибудь видел у нас такие контейнеры в сквере у Кремлевской стены или в парках Петродворца?

В эти же годы мне пришлось побывать и в других странах, но уже в качестве туриста. И в Испании, и в Турции, и на Кипре картина приблизительно та же, где-то чуть лучше, где-то чуть хуже, но что-то мне припомнится, что в стельку пьяный испанец или финн, не говоря уже о религиозных пакистанцах, материл на местном диалекте окружающих сограждан. Или вот лондонский полицейский. Это что-то такое фундаментальное, солидное и внушающее с большим авансом уважение к себе. Это действительно воплощение порядка, спокойствия и силы. Самое интересное, что по английским законам никто не имеет права сказать обидное слово или даже просто дотронуться до этого блюстителя порядка — сразу попадешь за решетку. У меня даже где-то есть фотография: я стою рядом с этим холемым, самодовольным, пышущим здоровьем полицейским. Мне кажется, что они за свой труд получают столько, что им просто стыдно брать взятки. Бедная (во всех смыслах) наша российская милиция — все, что я могу сказать по этому поводу. Да если и безо всяких сравнений и аналогий, то мне просто повезло посмотреть на мир собственными глазами, а не через кадры «Клуба путешественников».

Вот, например, Тихий океан. В районе Южной Америки он суров, холоден и непредсказуем. Даже местные жители на пляже боятся далеко заходить, а куда уж там заплывать — унесет так, что на обратную дорогу сил уже не хватит. А знаменитое расположенное на границе двух стран озеро Тити-Кака (болливийцы шутят: Тити — у нас, Кака — в Перу), где на высоте 4000 метров оказалась вода соленой. Откуда? Почему? А Чили... Кровавого Пиночета весь мир требует к ответу, а чилийцы его боготворят и чуть ли не носят на руках. А ночной полет над всей Европой при прекрасной видимости. Это что-то волшебное и сказочное! Что ни город — море огней, широченные бульвары, реклама полыхает всеми цветами радуги,

даже с такой высоты ощущается, что там весело, спокойно, празднично. А поездка в горы в общем-то бедном Пакистане. Горы все в линиях электропередачи, к каждому селу или даже отдельному дому подключено электричество. Ночью это сказочное зрелище, кажется, горы, как новогодняя елка, опутаны гирляндами украшений. А пакистанские автобусы! Ему лет тридцать, он еле-еле двигается, но весь раскрашен невероятно яркими, фантастическими узорами, пассажиры везде: на капоте, на крыше, и все, включая и водителя, довольны и счастливы. А в Лиме, столице Перу, запросто на центральной улице может двигаться легковой автомобиль, у которого нет, например, капота и крыльев или вообще нет никаких фонарей освещения. И ведь едут же! Помню, как-то по дороге на пляж обогнали машину, у которой был открыт багажник, а там сидело и лежало человек пять детишек, веселых и довольных. И все это в порядке вещей. А посадка в аэропорту посередине Атлантического океана на одном из островов экзотической страны — Острова Зеленого Мыса. Взлетно-посадочная полоса — это вся территория одного острова, кажется, чуть-чуть летчик ошибись в расчетах — и можно запросто скатиться в океан. Ощущение не для слабонервных.

Как-то проще, естественнее живут там люди. Не могу сказать, что у них дома ломаются от изобилия. Бедно живут, во всяком случае, в тех странах, где мне пришлось побывать. Наверное, проблем у них меньше, а если их и столько же, то не такие они глобальные. Им не надо соблюдать паритет с Америкой в извечной космической гонке, им не надо было строить развитой социализм, у них не было колоссальнейших проблем перехода к капитализму, минуя обязательный для нашей страны этап светлого коммунистического будущего. Ну а если уж совсем просто, то они — индивидуалисты, думающие только о себе, а для нас главное — коллектив, а о себе — потом. К тому моменту, когда отдых в Турции стал дешевле, чем поездка в Сочи, я перестал мучить себя сравнительным анализом и воспринимал окружаю-

щее таким, каким оно есть в реальной действительности.

Да и в нашей стране к этому времени было столько необычного, не укладывающегося в голову простого советского труженика, что какие уж там сравнения! Бурными были эти годы перехода к рыночной экономике! Горбачев, перестройка, разгул демократии, как грибы после дождя, появляются новые партии, разворовывание «новыми русскими» народного достояния, развал экономики, разброд и шатания в культуре, практически развал мощнейшего военно-промышленного комплекса — основы космических наработок страны, непомерный вал залежалого импортного барахла, безработица (!), забастовки, пикеты и голодовки (это не там, на загнивающем Западе, а у нас, в самой передовой и процветающей стране в мире, где, как нас учили, этих явлений вообще быть не должно!), две революции — 1991 и 1993 годов (громко сказано: обстреливают танками Белый дом, а рядом, у метро «Парк культуры», лица «кавказской национальности» бойко торгуют фруктами), чуть ли не запрет компартии, жалкий уход с политической сцены Горбачева и превращение народного героя Ельцина в «царя Бориса». Где-то мои все знающие коллеги-политработники? Как бы они это все объяснили?

Летом 1987 года Максимов назначает меня начальником отдела по ракетно-космическому комплексу многоцелевого использования «Энергия — Буран». Почетнейшая должность! Но если честно, то для многих, включая и меня самого, несколько неожиданное назначение. И дело не только в том, что на эту должность были и другие, может быть, более достойные претенденты, что вполне естественно. Ведь комплекс «Энергия — Буран» — этот апофеоз космической деятельности советского государства (так уж получилось) — разрабатывался и создавался огромной кооперацией на протяжении более 10 лет. За этот период и у заказчика сформировалась практически постоянная группа специалистов, непосредственно связанная с контролем разработки и со-

здания «Бурана». Я до момента своего нового назначения не входил в их число. Почетно, конечно, будучи начальником комплексного отдела, возглавить работу по созданию такого уникального комплекса, но и очень ответственно, учитывая, что его создатели к этому времени уже выходили на летные испытания. Пришлось попытаться поехать по предприятиям (в основном Подлипки), проработать ворох документации, войти в давно и хорошо отлаженный коллектив разработчиков, и не просто войти как новичок, а сразу, с ходу принимать ответственные решения как старший от заказывающего управления. Трудновато мне пришлось! Но я не мог не оправдать доверие, оказанное мне Александром Александровичем!

МКС «БУРАН»

15 ноября 1988 года... Завершается полет многоразового космического корабля «Буран». Напряжение в бункере достигает максимального предела. И вот шасси беспилотного корабля касаются бетона посадочной полосы. Уму непостижимо! Восторг, объятия, слезы радости, взаимные поздравления. Среди участников этого исторического события — начальник отдела по многоразовой космической системе «Энергия—Буран» полковник Буйновский.

Как это не раз бывало и ранее, все началось с провокационных действий (случайных или преднамеренных) наших «коллег» по «космическим гонкам». Где-то в середине 70-х годов наши разведчики заимели материалы американских специалистов по созданию супероружия космического базирования «Спейс-Шаттл» — космического «челнока». Где-то в этих материалах было прописано, что этот самый «челнок» будет иметь большую возможность маневрирования и что это, в свою очередь, позволит ему сделать, например, над Москвой нырок из космоса и прицельно сбросить... Страшно даже подумать!

Реакция Дмитрия Федоровича Устинова была

мгновенной и адекватной. Паритет-то с США надо поддерживать! После совещаний в Политбюро, консультаций с военными стратегами и промышленностью в феврале 1976 года выходит постановление правительства о создании нашей отечественной многоразовой космической системы — МКС «Буран» с выходом на летные испытания в 1983 году. Сразу же к этой новой, приоритетной разработке были подключены практически все ведущие космические организации. За годы создания и отработки «Бурана» в этой тематике было задействовано более тысячи НИИ, КБ, предприятий промышленности и около 1,5 миллиона человек. По данным печати, на программу «Буран» советский народ выделил в общей сложности 17 млрд долларов США. Цифры, конечно, впечатляющие.

В большинстве своем все эти организации подчинялись Минобщешашу, а вот планер будущего орбитального корабля поручалось сделать НПО «Молния» Минавиапрома, где главным конструктором был Глеб Евгеньевич Лозино-Лозинский, очень известная в авиации личность. Все годы, пока создавалась эта система, эти два ведомства постоянно решали принципиальную проблему: кто же все-таки главный в создании «Бурана». Зачастую дело доходило до смешного. Помнится, на еженедельных «оперативках», которые проводил у себя в кабинете в Подлипках Валентин Петрович Глушко, главный конструктор по МКС «Буран» в целом (кабинет большой, народу много), Глеб Евгеньевич делал иногда такие заявления: почему у Валентина Петровича есть микрофон, а у меня — нет; дайте мне микрофон или я уйду с совещания. К следующей «оперативке» микрофон был подключен к месту за столом, где сидел главный конструктор планера.

Были, конечно, и более серьезные конфликты, особо на этапе работ на полигоне, когда срывались сроки и надо было искать «крайнего». А вообще-то на таких технических совещаниях, где присутствовали и разработчики, и заводчане, и заказчики, сложнейших вопросов по разрабатываемому космическому

комплексу было столько, что участникам таких заседаний было не до выяснения вопроса, кто здесь главный. А главными на таких мероприятиях были программисты (компьютерный век!), разработчики бортовой и наземной аппаратуры (это не то что наши первые ракеты с релейными схемами на борту). Когда они начинали спорить и выяснять между собой отношения, все остальные участники замолкали с умным видом, хотя мало кто понимал, чем отличается версия 3.11 от версии 3.10А бортового цифрового вычислительного комплекса.

Все годы, пока создавался «Буран», любопытствующих всех категорий волновал один вопрос: почему наш советский многоцветный корабль так похож на «Спейс-Шаттл», мы что, сами уже не можем, надо копировать все американское? И только где-то к началу летных испытаний, в период вседозволенной гласности в печати появился ряд статей, где подробнейшим образом расписывалось, для чего мы создаем эту систему и чем она лучше (естественно!) американской. Собственно, конечные цели создания орбитальных систем, имеющих возможность вернуться на Землю, что у нас, что у США были практически одинаковые. Это — универсальная система транспортно-технического обеспечения нового поколения спутников орбитальной группировки (вывод на орбиту полезной нагрузки, ремонт в условиях космоса, снятие с орбиты и возвращение на Землю вышедших из строя космических аппаратов и специального оборудования, монтажные работы и многое другое), создание лабораторий для отработки новых видов космического вооружения, размещение средств наблюдения и разведки, ну и, если надо, размещения оружия для целевых ударов из космоса. Как видно, все задачи благородные и направленные на поддержание мира на Земле.

Наш «Буран» и американский «челнок» внешне действительно похожи, как близнецы-братья. Здесь тоже понятно: конструкция этих планеров космического базирования проектировалась с максимальным учетом законов аэродинамики. А эти законы

едины как в Стране Советов, так и в западных странах. Это все внешне. А вот если говорить о «начинке» этих планеров, об их функциональных возможностях и схемах выведения, то здесь действительно есть отличия, и довольно-таки существенные. И что самое приятное — эти отличия явно в пользу нашего «Бурана». Прежде всего, посадка орбитального корабля «Спейс-Шаттл» осуществляется только вручную и при наличии экипажа на борту. Посадка нашего корабля полностью автоматическая и не требует наличия пилота на борту. Как покажут в дальнейшем результаты летных испытаний, эта сложнейшая задача с блеском решена нашими разработчиками. Второе принципиальное отличие — американский многоцветный корабль выводится на орбиту с помощью твердотопливных ускорителей и своих двигателей. У нас ракета-носитель «Энергия» может вывести на орбиту полезный груз до 100 тонн, а в частном случае это может быть «Буран». В этом смысле наша система универсальна. Американцы и сейчас не имеют носителя, способного вывести на орбиту такой большой груз.

Отечественная космонавтика не знала более масштабных работ, чем создание многоцветной космической системы и сверхмощного носителя для нее. Можно вспомнить, конечно, печально знаменитую «царь-ракету» Н-1, но она впечатляла лишь своими размерами, «содержательная» ее начинка была далека от совершенства даже по меркам тех времен. Размеры и самого орбитального корабля «Буран», и носителя «Энергия», и величественных сооружений на Байконуре — это тоже на грани фантастики, но все это досконально продумано, создано с учетом самой передовой мысли, с использованием передовых технологий. Например, система управления «Бурана» представляла собой мощнейший бортовой цифровой вычислительный комплекс с уникальным программным обеспечением, способным реализовать более шести тысяч команд и трех тысяч алгоритмов управления бортовыми системами. В ходе подготовки к полету контролировалось более пяти тысяч па-

раметров этого сложнейшего комплекса. Не надо быть специалистом в этой области, чтобы понять, прочувствовать объем работ, проделанных разработчиками фирмы Николая Алексеевича Пилюгина. Вот, например, три тысячи алгоритмов — это три тысячи вариантов работы системы управления с момента начала предстартовых работ и до остановки корабля на посадочной полосе после возвращения, включая и всевозможные отказы и аварийные ситуации. А ведь каждый вариант надо тщательно просчитать, разработать под него свою программу, промоделировать, отладить на стенде и реализовать в бортовом приборе. Примечательно, что большинство проектных, конструкторских, технических и технологических решений практически для каждого элемента многоразовой космической системы было реализовано впервые. Это, к примеру, мощнейшие двигательные установки разработки фирмы Глушко с тягой в 740 тонн (двигатель традиционной «семерки» — 150 тонн). Двигатель, который по своим термодинамическим характеристикам ушел далеко вперед относительно тогдашнего мирового уровня двигателестроения. Это и сложнейшие проблемы по обеспечению термозащиты корабля при входе в плотные слои атмосферы. Проблема решена путем установки на поверхности «Бурана» около 40 тысяч плиток из углерода и кварцевого волокна. Сколько же хлопот доставила эта плитка и создателям корабля, и испытателям на полигоне! Мало того, что каждая из них стоила порядка 500 рублей (это при средней зарплате в 120), наклейка ее оказалась сложнейшим технологическим процессом. На ежедневных «оперативках» в монтажно-испытательном корпусе орбитального корабля вели тщательный учет плиток, установленных в течение рабочего дня. А технические, стендовые и стартовые сооружения! Здесь частично были использованы конструкции, оставшиеся после Н-1, но и от того, что было построено заново, прямо-таки дух захватывает! Монтажно-испытательный корпус для орбитального корабля (однопролетное сооружение!) имел в длину 254 метра, ширина его — 112 мет-

ров. Несколько футбольных полей! А посадочная полоса! Это четыре с половиной километра (при ширине — 84 метра) тщательнейшим образом отшлифованного высокопрочного бетона толщиной до 30 сантиметров. Кстати, все сооружения для «Бурана» на Байконуре создавались силами военных строителей, значительная масса которых — выходцы из Средней Азии и Казахстана. Это в свое время дало возможность казахскому руководству подчеркивать значительный вклад своей республики в создание космодрома. А доставка орбитального корабля из подмосковного Жуковского на Байконур на «спине» огромного транспортного самолета! Жители Подмосковья точно решили, что их посетил очередной непознанный летающий объект. Впечатляющее зрелище! И все это создано самоотверженным трудом советского человека! Старый, избитый и давно забытый лозунг. Но уж больно он здесь к месту!

Конструктивно многоразовый ракетно-космический комплекс «Энергия — Буран» представлял собой собственно ракету-носитель «Энергия» и орбитальный корабль многоразового использования «Буран». Кстати, на таком названии ракеты упорно настаивал Валентин Петрович Глушко, именно так называлась королевская фирма, которую он тогда возглавлял. Орбитальный корабль имел полный набор систем, чтобы обеспечить космический полет экипажа в составе 4—10 человек продолжительностью до 30 суток. Главная составная часть корабля — планер (длина — около 37 метров, размах крыльев — 24 метра), оснащенный системами, способными обеспечить как выполнение операций на орбите, так и автоматически управляемый планирующий спуск в атмосфере, в том числе выполнение бокового маневра до 2000 километров и горизонтальную посадку на аэродром в районе старта. В носовой части корабля — герметичная кабина для экипажа, за которой расположен негерметичный раскрывающийся грузовой отсек длиной до 17 метров, в котором могут разместиться 30 тонн полезного груза. Носитель выполнен по пакетной схеме с боковым расположением полез-

ного груза («Энергия» дважды стартовала, и в каждом случае полезный груз был разный): центральный блок ракеты с четырьмя однокамерными кислородно-водородными двигателями и четыре боковых блока с четырехкамерными кислородно-керосиновыми ракетными двигателями. Технология подготовки и пуска комплекса довольно-таки сложная. Компоненты носителя и корабль доставляются на полигон каждые в свой монтажно-испытательный корпус. После сборки и большого объема испытаний «Буран» перемещается на «встречу» со своим носителем. Состыкованный комплекс перемещается в монтажно-заправочный корпус, где орбитальный корабль заправляется компонентами топлива. Далее по штатной схеме ракетно-космическая система должна поступать на стендовый комплекс, где производится кратковременный пуск двигателей носителя (прожиг). Удержать такую массу при работающих двигателях с суммарной тягой более 3500 тонн — задача не из легких. Правда, на первых пусках было принято решение прожига не делать. Далее — транспортировка на старт, заправка носителя, предстартовые проверки и пуск. После выполнения заданий на орбите орбитальный корабль с помощью своей тормозной двигательной установки сходит с орбиты и «по-самолетному» автоматически приземляется на аэродром Байконура.

Так получилось, что я был подключен к этим работам, когда практически все было спроектировано, создано, построено и готово к началу летных испытаний. Так что творческие терзания разработчиков, ударные строительные темпы и многочисленные заводские, стендовые, макетные и комплексные испытания были без моего участия. Жаль, конечно. Наверстать упущенное физически нереально, да и времени на это уже не осталось. Начинались летные испытания.

Кульминация для разработчика и испытателя — первый пуск своего детища. Формально весь процесс создания комплекса «Буран» проходил под патронажем серьезнейшей Государственной комиссии под

председательством первоначально Олега Дмитриевича Бакланова — министра общего машиностроения, а затем — секретаря ЦК КПСС. Не знаю, как уж получилось, но со временем он стал членом печально знаменитого ГКЧП, за что и поплатился. И тем не менее в последующем личное общение с ним дает мне полное основание утверждать, что это — исключительно грамотный технически, интеллигентный и скромный человек.

В этой комиссии был собран весь цвет отечественной космонавтики — 10 генеральных и главных конструкторов. И это не считая девяти министров, президента и трех вице-президентов Академии наук, восьми ответственных руководителей Минобороны. Всего 45 человек. Работа комиссии носила несколько «парадный» характер. На редких заседаниях в Москве (собрать таких «великих» стоило больших трудов) до членов госкомиссии доводились этапные результаты работ по созданию комплекса, решались какие-то оргвопросы, обсуждались и подписывались протоколы и решения. Более действенные и результативные были заседания Совета главных конструкторов, а также частые технические совещания в Подлипках или у какого-либо главного конструктора, где ставились конкретные вопросы и проблемы, обсуждение которых иногда проходило в жарких баталиях.

С большим удовольствием члены госкомиссии откликнулись на выездные сессии, которые проходили на полигоне. От работы далеко, можно пообщаться с коллегами, расслабиться. Для испытателей промышленности и полигона это целое событие. Еще бы, столько «сильных мира сего», большие военные начальники. Глядишь, в кулуарах можно решить какие-либо насущные проблемы. Организаторами таких «выездных сессий», как правило, были секретари госкомиссии — от промышленности и от Минобороны. С нашей стороны эти функции поначалу выполнял Владимир Пивнюк, но потом он как-то незаметно перевадил эти хлопотные обязанности на мои плечи.

Ну что ж, опять пришли времена, когда я снова зачастил на полигон, теперь уже — космодром Байко-

нур. Но если во времена нашей молодости мы добирались туда сутками, то теперь картинка другая. Бывало так, что во второй половине рабочего дня меня находил дежурный по главку и говорил, что Максимов вызывает меня к себе, а где-то уже к ужину я докладываю ему о своем прибытии на полигон. Зачастую он и не мог вспомнить, зачем я ему был нужен с утра.

Все течет, все меняется! Когда-то лейтенант Буйновский ютился по баракам и землянкам 2-й площадки, теперь же место моего постоянного проживания на полигоне «нулевой квартал». Историческое место во всех отношениях, а по жизни — два утопающих в зелени уютных двухэтажных домика на берегу Сырдарьи, где проживали большие начальники и, как следствие этого, была своя столовая, бильярдная, маленький кинозал и даже сауна с бассейном. Мечта каждого чиновника нашего главка — как только стал пусть даже маленьким начальничком, в Москве обедать в «буржуйке» за одним столом с Максимовым, а на полигоне надо попасть жить (только через личное разрешение Сан Саныча) в «нулевку». Поскольку мне пришлось еще выполнять и функции секретаря госкомиссии, то я жил в «нулевке» рядом с моими командирами на законных, так сказать, основаниях. Справедливости ради надо сказать, что если у Максимова, Титова, Игоря Ивановича Куринного (начальника Политуправления войск космического назначения) были отдельные двух- и трехкомнатные апартаменты со стильной мебелью, то мы, «счастливички», ютились по три-четыре человека в номере, из которых обязательно — один-два наших генерала. Но привилегиями жителей «нулевки» тем не менее мы пользовались сполна.

Работа на полигоне с госкомиссией доставляла много хлопот и связана была в основном с вопросами встречи на аэродроме, размещения все в той же «нулевке», транспортировки на площадки, организации заседания комиссии, и что, пожалуй, наиболее хлопотное — успеть подписать протокол заседания каждым членом комиссии, пока он не сел в самолет

(если на полигоне я по-деловому подходил к министру и вежливо, но настойчиво просил его подписи, то в Москве мне к нему вообще не прорваться).

Сан Саныч очень внимательно следил за тем, кто, где, с кем размещается в гостинице, кто в каком зале питается, соблюдена ли иерархия при размещении в автобусе. Частенько мне доставалось от него по этим житейским вопросам. Помнится такая маленькая деталь. Когда Олег Дмитриевич стал секретарем ЦК КПСС (председателем госкомиссии был назначен Виталий Хусейнович Догужиев — новый министр общего машиностроения), то в очередной заезд комиссии он отозвал меня в сторонку и вежливо попросил не забыть устроить его охрану и врача (оказывается, это обязательный штат на выезде для партийного руководителя такого уровня). Для Олега Дмитриевича все сделали в лучшем виде!

Интересно общаться в простых житейских условиях с людьми, многих из которых ты видел только на портретах. Вот, например, в автобусе ко мне обращается Сысцов, министр авиационной промышленности: «У вас место свободное, можно сесть рядом с вами?» Я, конечно, милостливо разрешал, хотя душа у меня уходила в пятки от страха. Правда, пройдет немного времени, и я после очередной «накрутки» Сан Саныча стал действовать более решительно. Вот выходят из самолета, оживленно беседуя, двое таких «великих», и один другого приглашает поселиться с ним в одном номере (в Москве-то им некогда поболтать). А у меня-то все расписано по бумажке и одобрено Максимовым. Нарушение иерархии! Захожу в номер и сурово: вы остаетесь, а вы — в другую гостиницу (там «звезд» поменьше). Извиняются и беспрекословно расходятся по своим номерам в соответствии с табелью о рангах. Или в столовой: это место Максимова, пересядьте, пожалуйста, за другой стол. Краснеет, извиняется и пересаживается. А попросил бы я его об этом в Москве! Это я все к своим философским рассуждениям о том, как смена обстановки влияет на человека, независимо от того, какой пост он занимает.

Но вот житейская картинка другого характера. К примеру, член госкомиссии, герой-полярник, симпатичнейший человек Артур Чилингаров (сегодня — депутат Госдумы, известный политик). Возвращаемся домой в Москву после очередного заседания комиссии. В салоне самолета болтаем о том о сем, немножко потягиваем спиртик, Артур Чилингаров кокетничает с симпатичной Натальей, сотрудницей нашего отдела. А я рядом играю в шахматы с перенным успехом с заместителем нашего министра по строительству и расквартированию войск (не знаю, есть ли сейчас такая должность). Друзья-приятели! Кажется, попроси его в этот момент улучшить мои жилищные условия — и прямо с аэродрома я поехал бы в новую квартиру. Но вот самолет приземляется во Внуково-3, у трапа — дюжина черных «Волг». Только Артурова нога коснулась московской земли, это совершенно другой человек! С непроницаемым лицом «большого начальника» садится в свою «Волгу» и прости-прощай! А мы с Натальей бегаем вокруг самолета в поисках добреньких начальничков, которые довели бы нас хотя бы до станции метро. Вот такое чудесное перевоплощение происходило практически с каждым нашим попутчиком спецрейса Байконур — Москва.

Ну а о министрах, работниках ЦК КПСС или Совмина здесь и говорить не приходится: они и в самолетах располагались как хозяева, в отдельных салонах, а их «членовозы» теснят друг друга в нескольких сантиметрах от трапа. Это не они все плохие, а такая уж была система. Ну а нас, простых смертных, как правило, выручали наши родные генералы Соколов, Патрушев, Филатов, Дмитриев, маленькие «Газоны» которых забивались нами до отказа. А на полигоне опять картина повторяется: разрешите сесть с вами рядом. В общем, спектакль человеческих характеров и эмоций. Интересно все-таки покопаться в тонкостях линии поведения отдельных личностей в прямой зависимости от их расположения на ступенях партийно-советской иерархической лестницы. Хорошо, что они об этих моих крамольных мыслях не догадывались.

Комиссия комиссией, но на полигоне нам много приходилось заниматься и чисто техническими, точнее организационно-техническими, вопросами и проблемами. Это участие в многочасовых заседаниях, практически ежедневных оперативках разработчиков, военных испытателей, представителей заказчика, которые, как правило, проводили Догужиев или Олег Николаевич Шишкин — тоже замминистра. Основная тема этих бурных и эмоциональных технических совещаний — все те же «стыки» между фирмами, причем стыки сложные, на уровне взаимодействия программно-вычислительных комплексов, отдельная тема — наклейка теплозащитных плит на поверхность планера «Бурана» — самый сложный технологический процесс, во многом определяющий конечные сроки пуска всего комплекса. Много проблем и вопросов поднималось испытателями полигона.

Для обеспечения подготовки и пуска комплекса «Энергия — Буран» на полигоне были сформированы специальное управление и воинская часть во главе с молодым, энергичным, технически грамотным генералом Гудилиным Владимиром Евгеньевичем. Военные испытатели выполняли функции своеобразного «чистильщика»: внимательно следили за действиями промышленников (а заодно и учились у них), отслеживали и обрабатывали документацию, не допускали небрежного отношения гражданских испытателей к проводимым технологическим операциям по подготовке к пуску. Это была важная и очень ответственная работа, и надо отдать должное руководителям испытаний (Юрий Павлович Семенов — ответственный за орбитальный корабль в целом, Лозино-Лозинский — планер, Борис Иванович Губанов — по носителю), они серьезно и внимательно относились к замечаниям и предложениям военных. Большой отряд военпредов тоже требовал к себе постоянного внимания. В общем, забот и хлопот хватало, домой, в «нулевку», возвращались поздно вечером, успевали поужинать, иногда сгонять пару партий в бильярд и спать.

К концу апреля 1988 года весь этот огромный комплекс — носитель с имитатором полезной нагрузки, наземные полигонные службы, командно-измерительный комплекс, пункты которого были разбросаны по всему земному шару, Центр управления полетом, расположенный в Подлипках, был готов к первому пуску. Но вдруг все работы по подготовке к пуску «Энергии» отошли на второй план.

Пришла директива сверху: на полигон в первых числах мая должен прибыть Михаил Сергеевич Горбачев со своей командой. Что тут началось! Горбачев тогда еще на гребне своей всенародной славы, для нас, советского еще народа, — воплощение и гарантия выполнения наших несбыточных мечтаний, это еще времена, когда восторженные народные массы встречали его на «ура!», слушали с огромным вниманием его интеллигентные, в общем-то туманные, а потом, как со временем выяснилось, фактически пустые речи. Но это было уже потом. А пока мы все с энтузиазмом и служебным рвением стали готовиться к этой исторической встрече. Подготовка проходила по старым, добрым, хорошо отлаженным и одобренным «сверху» правилам и неписаным законам социалистической действительности...

Мне впервые пришлось непосредственно поучаствовать в такого рода мероприятиях. Еще один спектакль с драмой, комедией, человеческими страстями и эмоциями, с анекдотичными ситуациями и досадными промахами. Вот несколько штришков. Первое совещание у Максимова по данному вопросу. Собрались все, кто хотя бы какое-то отношение имеет к этой встрече, — десятка два генералов-стратегов и столько же полковников — исполнителей генеральских замыслов. Я среди них. Часа четыре обсуждали до мельчайших деталей каждый шаг Михаила Сергеевича, Раисы Максимовны и их приближенных по байконурской земле. Просчитали, кажется, все, вплоть до того, где, на каких площадках разместить временные буфеты и ассортимент напитков в них (на полигоне уже жарковато). И вдруг один участник совещания задает «генеральский» вопрос: «Алек-

сандр Александрович! Вот мы понаставим множество буфетов. Это правильно. Но вдруг наши высокие гости, а многие из них уже в возрасте и обладают специфическими болезнями, захотят справиться естественную нужду. Как тут нам быть?» Минутное замешательство. Начинаются дебаты: кто-то вспомнил, какими болезнями наделен наш генсек, заспорили, сколько лет нашему министру Соколову и старше он Чебрикова (председателя КГБ) или нет и какие в их возрасте могут быть болезни, связанные с почками и активностью мочевыделения. Кто-то стал вспоминать, какие симпатичные переносные туалеты он видел на Красной площади в праздничные дни. Как и положено на таких мероприятиях, каждый участник стал демонстрировать свою компетентность по обсуждаемой проблеме.

Наконец наш командир, поблагодарив инициативного и творчески мыслящего генерала за вовремя поднятую проблему, принимает смелое и в то же время правильное в этой сложной обстановке решение: «Генерал Стрижак (зам по тылу)! Срочно на аэродром, взять транспортный самолет и в Москву. Чтобы завтра же пять переносных туалетов (как на Красной площади) были здесь, на полигоне». Владислав Леонидович, как положено, сказал «Есть!» и ринулся выполнять приказание. А Сан Саныч отдает новый приказ: отправить самолет в Ташкент за букетом роз для Раисы Максимовны, при этом дает уточняющую директиву: не забыть срезать все шипы у каждой розы (по тем временам связь между уколом шипом розы пальчика первой леди и карьерой генерал-полковника Максимова могла быть очень даже прямая). Я уж не говорю о внеплановых пусках ракет (огромные денежки!) с различных площадок полигона, знакомстве с уникальными комплексами «Бурана», встречах с народными массами, о вагонах-холодильниках, в которых прибыли продукты для высоких гостей, прибывших ЗИЛах-«членовозах» персонально для каждого члена Политбюро. Кстати, я был свидетелем того, как Горбачев высказывал недовольство решением Максимова перевозить всю делегацию по

территории полигона в комфортабельном автобусе с «кондиционером». Бедный Сан Саныч и не знал, что, оказываясь, в целях безопасности члены Политбюро обязаны транспортироваться отдельно друг от друга.

Или еще маленькая деталь из большой проблемы обеспечения безопасности наших государственных деятелей посреди казахской степи. Один чин из охраны Горбачева молча внимательно и долго изучал внутренности спальни для Михаила Сергеевича и вдруг дает команду: заменить дверь в ванной комнате, что и было безоговорочно и немедленно выполнено. Мы потом из чистого любопытства досконально прощупали эту несчастную дверь — может, наметанный, пронизательный взгляд чекиста заметил в чреве двери что-то, похожее на бомбу или запирывающее устройство. Нет, ничего не нашли, а спросить у охранника не решились. Да и моя карьера в эти дни тоже была на грани взлета или падения — все зависело от случая. Каждый день пребывания высокой делегации был расписан буквально по минутам, вплоть до того, кто и в какое время должен сопровождать гостей на каждом объекте. В число сопровождающих на «бурановских» объектах попал и я. И вот в какой-то момент совершенно случайно получился расклад, когда Горбачев (к нашему удивлению, Раиса Максимовна почему-то не приехала) и несколько человек вместе с ним оказались чуть впереди, а я вдруг шагаю в шеренге с нашим министром Соколовым и председателем КГБ Чебриковым. Хорошенькая компания! Вначале я интуитивно стал смотреть по сторонам — видят ли мое триумфальное шествие мои коллеги и нет ли поблизости знакомого фотографа. Но уже через минуту я с тоской стал думать, как бы мне избавиться от своих попутчиков. Каждый мой шаг, каждое мое движение маршал и генерал армии — эти два типичных представителя еще сталинских времен — могут воспринять так, как им подскажет их левая нога и — прощай, Буйновский! «Максимов! Почему этот полковник шел не в ногу с нами? Чтобы я его больше здесь не видел!» — Ми-

нистр обороны мог в те времена так пошутить или таким макаром среагировать, например, на боли в своем правом боку. И бедному Сан Санычу ничего не оставалось бы, как гнать меня из начальников (по несоответствию) или даже из армии (по возрасту, пятьдесят-то уже стукнуло). Мне повезло, видно, у министра в этот день с желудком все было в порядке. Но я быстренько сделал для себя выводы: демократия демократией (даже в двух метрах от Горбачева, как ее живое воплощение), но лучше все же на глаза большого начальства так нахально не лезть и в одном строю с ними не шагать. От греха подальше! Ну а в остальном визит прошел нормально, без эксцессов и попыток покушения на нашу тогдашнюю надежду в, возможно, светлое будущее.

Был, правда, один момент, который всполошил всю охрану и чуть не лишил Максимова его званий и положения (здесь уже не шипы на розах). Все перемещения и встречи Горбачева проходили, естественно, при большом стечении любопытствующего народа. Простым смертным все было интересно, вплоть до того, на какой машине ездит Михаил Сергеевич. Когда в очередной раз окружили машину генсека, один лейтенант, интересуясь, видно, техническими характеристиками огромного лимузина, доверительно спросил водителя (минимум, майор КГБ): «А что, если по лобовому стеклу каменюкой — выдержит?» Моментально любознательного лейтенанта взяли под белые ручки и отвели куда следует. После внимательного, всестороннего рассмотрения биографии незадачливого лейтенанта (кто? откуда? как служит? почему в рабочее время околачивался около Дома офицеров? есть ли взыскания? не стоит ли на учете в психушке? как у него в семье? и т. д.) все-таки решили, что сознательных планов покушения на Горбачева офицер не вынашивал. Слава богу! Но то, что общий уровень политико-воспитательной работы на полигоне низкий — это серьезнейшее упущение и командования полигона, и Куринного, и, естественно, Максимова, как самого здесь главного. Пришлось нашим командирам и политработникам

попотеть, оправдываясь перед большими начальниками. Пронесло, все остались на своих местах. Но лейтенантика все же куда-то, кажется, перевели от греха подальше.

Этот визит Горбачева на полигон имел для нас всех и для меня, в частности, свои последствия. На каком-то митинге Михаил Сергеевич пообещал народу принять меры по улучшению условий жизни для жителей города Ленинска. В те времена это можно было сделать только через солидное постановление ЦК КПСС и Совмина. Кто его должен готовить? — Максимов, кому полигон подчиняется. А у Максимова кто? — отдел Буйновского. Почему? — сам не знаю. И вот где-то с мая по ноябрь 1988 года мне пришлось лично пройти последовательно от А до Я всю сложнейшую бюрократическую «кухню» нашего хваленого партийно-чиновничьего механизма, причем трижды по одному и тому же вопросу: в Совмине, в Госплане и в ЦК КПСС. Например, в каждой из этих инстанций приходилось тратить много сил и красноречия, чтобы доказать необходимость внеплановой закупки хотя бы пяти немецких купейных вагонов с кондиционными установками — офицеры полигона, направляясь на площадки, каждый день по два-три часа проводили в старых, разбитых вагонах, в которых летом нечем дышать. Спасибо, Герман Степанович помогал: выступал, когда совсем уж было туго, в качестве «пробивной силы» — то какому-нибудь министру позвонит, то использует свои связи в Госплане, у Маслюкова.

К концу года постановление все же вышло, но пока наша чиновничья машина раскручивалась, уже и пару революций мы пережили, и Горбачев сошел со сцены, и, что самое главное, Союз распался, и наша гордость — космодром Байконур отошел к другой стране. Как говорится, танцевали — веселились, под считали — прослезились... Прошло уже много лет после тех событий, но я до сих пор с болью в сердце воспринимаю все то, что происходило тогда вокруг Байконура, да и нашей космонавтики в целом.

Исторический визит Горбачева позади. Впереди —

первый пуск сверхмощного носителя «Энергия». Учитывая, что орбитальный корабль еще не прошел весь объем полигонных испытаний, было принято решение произвести запуск ракеты-носителя «Энергия» с экспериментальным космическим аппаратом на борту в качестве полезной нагрузки. Пуск состоялся 15 мая 1987 года. Я наблюдал его вместе с госкомиссией из укрытия площадки № 2. Если на всех предыдущих многочисленных пусках, где мне пришлось участвовать, старт ракеты на слух — это как раскаты грома, то работа двигателей «Энергии» — это сплошной, низкой тональности гул, который давит на тебя откуда-то сверху, а ты ничего не видишь (вечер, и видимость не очень). Старт прошел нормально. Конечно, «ура!», объятия, поздравления и, еще по инерции, традиционные поцелуи. При в общем-то удачном первом пуске (носитель ушел со старта) элемент неудачи все же был: полезная нагрузка не отделилась от носителя и вместе с ним затонула где-то в районе Огненной Земли. Но все равно это была большая победа создателей отечественной космонавтики.

Теперь все силы были брошены на подготовку к пуску уже самого корабля «Буран». Работы были сконцентрированы в основном на полигоне, где постоянно находились не только непосредственные участники предстартовых работ, но и главные конструкторы и большое начальство. Я мотался между Москвой и полигоном, здесь — беготня по кабинетам с постановлением, там — участие в подготовке к пуску и обеспечение работы госкомиссии. Правда, в этот период мне удалось пару раз с комиссией Генштаба поучаствовать в нескольких интересных командировках (вообще мне на командировки всегда везло). В случае аварийных ситуаций наш «Буран» должен был при определенных условиях самостоятельно спланировать и приземлиться на одном из двух запасных аэродромов: в Крыму, под Симферополем, и на Дальнем Востоке, в районе местечка Хороль. Вот готовность этих двух объектов и оценивала солидная комиссия под руководством симпатичного

мне генерала Кочемасова. Очень запоминающимися, с познавательной точки зрения, были эти командировки! Комиссия человек 10—15, в нашем распоряжении или тихоходный Ил-18, или мощный Ил-62, по всей трассе у нас «зеленая улица». Летим во Владивосток, Кочемасов решает сделать остановку в Омске, где он до недавнего времени был командармом. Садимся, нас встречает его преемник — Юрий Иванович Плотников, мой однокашник. Купаемся в Иртыше, пару часов паримся в сауне, обедаем и летим дальше. Вот уж где я собственными глазами, с высоты, как говорится, птичьего полета смог убедиться, как прекрасна и необъятна наша страна. Понравился Владивосток — город, широко разбросанный по холмам вокруг бухты. В одну из таких командировок осуществилась «хрустальная» мечта моего детства: мы побывали на настоящем большом военном корабле — крейсере «Владивосток», где нам дали возможность вволю побродить по кубрикам, боевым частям и салонам этого огромного скопища металла. До сих пор храню тельняшку, подаренную мне капитаном.

И вот конец октября 1988 года. Пуск многоцветного космического комплекса «Энергия — Буран» в штатной конфигурации. Напряжение на полигоне достигает максимального предела. И — осечка! В ходе предстартового набора «Готовности» от носителя не отделился один технологический блок (размером, кстати, с «Жигули»). Пуск отложили. Стали разбираться в причине. Конечно, нашли, устранили и стали готовиться к повторному пуску. Помнится, все мы очень расстроились, тем более что пуск традиционно должен быть посвящен очередной годовщине Октября. Такой энтузиазм, так все хорошо началось, такая жажда победы. И на тебе! Масло в огонь подлила и еще одна деталь: пуск «Бурана» впервые широко освещался в нашей отечественной прессе. Демократия! Вот и пришлось Максимову и другим руководителям пуска давать пространные объяснения в прессе — что да как, да почему, да кто виноват и что будем делать дальше.

И наконец 15 ноября 1988 года! Пусть это звучит может быть и помпезно, но этот день — блистательный апофеоз советской космонавтики! Треволнения запуска позади, все в напряженном ожидании ворот «Бурана» домой, на готовую для его встречи посадочную полосу здесь же, на Байконуре. И вот сообщение: истребители сопровождения видят корабль! Ждем посадки. И вдруг новое сообщение: корабль стал совершать какие-то непонятные маневры. В пультуемой небольшая паника, почетных членов госкомиссии пока держат в неведении. Новый доклад летчиков самолетов сопровождения: все нормально, корабль приближается к полосе, но... не с расчетного ее конца!

Вначале никто ничего не понял (главное, «Буран» здесь и идет на посадку, и неважно, с какой стороны полосы), но потом разобрались. Уму непостижимо! «Буран» — планер, без двигателя, без человека (!) на борту. И вот этот умница с помощью своих бортовых вычислительных комплексов определил силу и скорость ветра, понял, что с таким встречным ветром садиться опасно и моментально просчитал (без помощи с земли!) новую траекторию, развернувшись при этом на 180 градусов, что и испугало, и озадачило самолеты сопровождения. Конечно же умница не сам корабль, а те люди, которые его создали! Это надо видеть только своими глазами, как эта огромная махина плавно приближается к земле и почти нежно касается своими шасси бетона посадочной полосы. Все это я наблюдал сквозь слезы, которые, я так и не понял, откуда взялись: то ли от перенапряжения, то ли от избытка чувств, то ли от гордости за нас всех и в первую очередь — за создателей этого чуда. Я не стыдился этих слез. У рядом стоящего со мной Олега Николаевича Шишкина на глазах тоже были слезы. Уверен, что он их тоже не стыдился.

Это все эмоции участников пуска — наблюдателей со стороны за посадкой «Бурана». А вот слова профессионала. Летчик-испытатель Магомет Толбаев на своем МиГ-25 сопровождал орбитальный корабль по трассе его полета и вот то, что он видел:

«Когда «Буран» выбрал сложную траекторию снижения, у меня возникло такое чувство, что им управляет человек... Ровно за 8 секунд до посадочной полосы шасси у корабля вышли. Порывы ветра доходили до 20 метров в секунду. Корабль это учел и боролся с боковым ветром, «сознательно» сделав отворот от посадочного курса градусов на 15—20. Я не мог не восхищаться его полетом. Ветер был не встречный, а боковой, под 40 градусов слева, вот мы и летели боком (а «мы» — это беспилотный «Буран» и МиГ-25, управляемый летчиком-профессионалом!). «Буран» сел, как и положено в таких условиях, на одну ногу. Вначале левой коснулся, поправил нос, через 30 метров опустил на полосу правую ногу. Уклонение от оси полосы было три метра. Это и для первоклассного летчика на оценку «отлично». А «Буран» и на пробеге «искал» осевую линию. К моменту остановки он был правее центра полосы менее 50 сантиметров». Действительно, есть чем восхищаться! В голове не укладывается — автоматика «думает» на равных с человеком.

Что было дальше — трудно описать. Прежде всего все, включая и солидных членов госкомиссии, бросились фотографироваться около еще не остывшего «Бурана». Потом собрались все вместе: члены госкомиссии, руководители испытаний, командование полигона. Поздравления, объятия, приветствия (Глеб Евгеньевич что есть мочи кричит: «Да здравствует МАП!»). Все бросились подписывать друг у друга вымпелы в честь первого пуска «Бурана», которые Юрий Павлович Семенов припрятал до поры до времени и теперь всем раздавал. Храню такой вымпел и я. Здесь автографы А. А. Максимова, О. Д. Бакланова, О. Н. Шишкина, В. Х. Догужиева, Сысцова, Ю. А. Мазжорина (директора головного института Минобщемаша, ученого, интеллигентнейшего человека, прекрасного собеседника), Ю. А. Жукова (начальника полигона), Ю. П. Семенова, Б. И. Губанова, Г. Е. Лозино-Лозинского. Мне дороги эти автографы совсем не потому, что они принадлежат министру или генералу (за время совместной работы я перестал смотреть на них как на сильных мира сего, вершителей

наших судеб). Ведь большинство из этих людей — тогдашний цвет, элита нашей российской космонавтики, ее мудрые, умелые рулевые. И я конечно же горжусь, что в какой-то момент судьба свела меня с кортой этих энтузиастов, для которых смысл их жизни — в ракетах, космических аппаратах, в испытаниях, пусках, удачах и авариях, наградах и гонениях, порой, может быть, незаслуженных. Печально, но многих из них уже нет среди нас.

Как это и принято после бурного, эмоционального заседания госкомиссии, все бросились занимать места в самолете (тоже проблема!); каждый стремился быстрее попасть в Москву, чтобы именно из его уст московское начальство узнало детали знаменательного полета. По горячим следам промышленность стала готовить постановление правительства по раздаче наград и премий за пуск «Бурана». Может быть, с позиций сегодняшнего дня это звучит несколько странно и даже смешно, но в этом постановлении предполагалось, наряду с традиционными звездами героев, орденами и лауреатскими премиями, выделить для некоторых организаций несколько участков подмосковной земли под садовые кооперативы, в качестве индивидуальных поощрений и подарков — несколько десятков автомобилей «Волга», кому-то было обещано присвоить без защиты ученые степени доктора технических наук, а у отдельных главных конструкторов появилась возможность в одночасье стать академиками. Так получилось, что я был вынужден отойти от этой приятной работы (это тебе не вагоны и стройматериалы выколачивать для полигона), все распределение прошло без моего участия, ну и результат: насколько мне помнится, я получил очередную благодарность командования и денежную премию в размере месячного оклада. Да разве в этом суть!

Превратности судьбы! Это можно с полным основанием отнести и к «неодушевленному “Бурану”». За все последующие годы этот умница-корабль трижды напоминал мне о своем незавидном существовании. В 1996 году Герман Титов решил отметить 35-летие

своего космического полета в павильонах аттракциона (!) «Буран», что в московском парке культуры. В грузовом отсеке корабля — удобные кресла, в которых экскурсант (в основном западные туристы) может прочувствовать особенности «полета» на орбитальном корабле на этапе входа его в плотные слои атмосферы и попробовать космическую пищу из туб. С сожалением и обидой бродили мы по отсекам нашего любимца. В конце 1999 года аналог «Бурана» отправляется в Австралию, где в Сиднее должна быть развернута экспозиция с «целью реализации туристических и общеобразовательных программ». Транспортировка по воде из Москвы в Санкт-Петербург, далее — в Швецию, а оттуда — в Сидней — операция, связанная с большими техническими трудностями (например, при транспортировке по Москве-реке зазор между мостами и кораблем достигал всего лишь нескольких сантиметров), но и их наш «Буран» с успехом преодолел. И наконец, в 2002 году обваливается крыша монтажного корпуса на Байконуре, где потихонечку наш орбитальный корабль приходил в негодность. Вот так под обломками крыши прекратила существование советская многоцветная космонавтика. Печально это. До сих пор в военных и промышленных кругах бытует устойчивое мнение о том, что «Буран» получился дорогой, но никому не нужной забавой. Хорошенькая «забава», на которую истрачено около 20 миллиардов долларов!

Но это потом военные стратеги и экономисты придут к таким выводам. А пока еще несколько месяцев после триумфального пуска создатели отечественной многоцветной ракетно-космической системы радовались своим успехам. Среди них был и я со своими коллегами — участниками пуска. И поэтому пронесшийся по головке слушок, что в связи с грядущими оргмероприятиями кому-то надо уходить уже на пенсию, а среди кандидатов и я — это для меня было как гром среди ясного неба. Поначалу я к этим слухам отнесся как-то спокойно. Мне еще только будет 54 (предел для полковника — 55 лет), никто не решится уволить одного из героев только что отгре-

мевшей «бурановской» эпопеи, да и с Максимовым чуть ли не на «ты», как-никак в соавторах ходим. Но не тут-то было! Разведка донесла: слухи не без оснований. Я конечно, загенерировал. Обратился к Виктору Вячеславовичу Фаворскому, своему непосредственному начальнику, четкого ответа не получил, я — к Куринному («Эдуард! Не беспокойся, все будет нормально. Кому, как не тебе, двигать космос дальше!»). Звоню Максиму (он — на профилактике в госпитале): «Не беспокойся, разберусь». Беспокойся не беспокойся, а чувствую, что надо готовиться к пенсии. Конечно, я ну никак не был готов к увольнению. В армии, где офицер служит годами и десятилетиями, увольнение — сложный в психологическом и материальном плане процесс, к которому планируемого к увольнению готовят заранее, стараются удовлетворить все его претензии и пожелания (главное, получить квартиру или отселить взрослых детей). Особых пожеланий у меня не было, просто было обидно, что так неожиданно. Правда, в семье появилась проблема, которую надо было решать именно мне, так что мое увольнение здесь совсем некстати.

Дело в том, что заканчивала учебу одна из моих дочерей — будущий лейтенант. Командование Военного института, где она училась, предупредило родителей: если сами не трудоустроите своих детей (речь шла только о девушках), то мы будем вынуждены уволить их из армии. А устроить в Москве лейтенанта-девушку со знанием иностранного языка оказалось большой проблемой. Девушки-лейтенанты оказались невостребованными в тех специфических организациях, для которых их собственно и готовили: при военных атташе в посольствах, переводчики при крупных штабах. Единственное, что удалось сделать, — договориться с Юрием Ивановичем Плотниковым, он тогда уже был начальником Академии имени Дзержинского, о том, что лейтенанта Буйновскую направят служить после окончания института в строевой отдел академии.

Видно, таких счастливиц было мало. И поэтому командованием принято окончательное реше-

ние: всех девчонок уволить из армии в звании «лейтенант запаса». А относительно меня единственным «жестом доброй воли» Максимова в мою сторону было приглашение в январе 1989 года на заседание Военного совета, где он внимательно выслушал мои причитания и пообещал удовлетворить мою просьбу: уволить в середине года.

Потянулись нудные, бесполезные месяцы, когда я уже не у дел, но добросовестно хожу на службу и получаю зарплату. Единственное занятие — освоение основ вычислительной техники. Когда я занимался проблемами трудоустройства Марины, то вышел на одного приятеля из Генштаба, а он, оказываясь, уже уволился и работает в системе Министерства иностранных дел. Узнал, что я тоже «на выданье», стал активно агитировать меня на работу в МИД тогда еще СССР. Направление работы для меня новое: создание в министерстве информационной системы на базе современных компьютеров. Я в принципе согласился и стал изучать компьютерную технику.

Когда уж совсем стало тоскливо, вдруг подвернулась возможность поработать в июне в Государственной экзаменационной комиссии в нашем Военном институте имени Можайского в Ленинграде. Председатель ГЭК — Герман Степанович Титов, я — председатель факультетской комиссии. Подвезло, я уже не первый раз в такой комиссии, да еще с Германом, да еще в любимом городе. К сожалению, это оказалась последняя с Титовым командировка за время нашей совместной службы. Но зато самая приятная и запоминающаяся! В свободное время, а его было более чем достаточно, любовались с Герой достопримечательностями Ленинграда и посещали (вроде бы как с проверкой) наши многочисленные предприятия («Гер! Давай съездим на Балтийский завод, посмотрим на современные подводные лодки». — «Давай».) На парудней к нам даже приезжали наши жены — сходили в театр, побродили по Царскому Селу, навестили знаменитого скульптора Аникушина (исключительно симпатичный человек!).

Кстати, мой любимый город всегда подбрасывал мне неожиданные «вводные». И на этот раз тоже. В

прекрасном настроении возвращаемся с женой в гостиницу, где я, прожив уже более месяца, был как свой. Естественно, что я договорился с девушками-администраторами, что моя жена поживет у меня субботу с воскресеньем. И вдруг при входе нам заявляют: гости только до 23. Какие гости, это моя жена. Докажите, дайте паспорт. А паспорта, конечно, нет. Жена за ненадобностью его не взяла. Что делать? Идите в милицию — пусть там подтвердят письменно, что эта женщина является вашей женой. Куда деваться, пошли. Где-то к двум часам ночи нашли отделение милиции (суббота, полно алкашей и девочек сомнительного поведения). Я в форме полковника мечусь между ними, ищу хоть какое-либо начальство, которое поверило бы мне, что моя попутчица и есть моя жена. Никто не верит! Требую: звоните космонавту Титову, начальнику нашего института — он подтвердит. Короче, или звучные фамилии их убедили, или я им просто надоел, но письменную (!) справку о том, что моя жена действительно является моей женой, они мне все же выдали (думаю, в душе так мне и не поверив). Побежали в гостиницу — ну вот, совсем другое дело. Восхитительный вечер после наслаждения знаменитым испанским балетом был испорчен напрочь! А мои симпатии к Питеру все же остались.

Ну вот и наступил этот, можно сказать, знаменательный день в жизни любого кадрового военного, естественно, и моей тоже — день прощания со службой, однополчанами, коллегами по работе и с армией в целом. Для меня это — 29 июля 1989 года. Это день, когда я подвожу итоги своей 35-летней службы в наших, еще советских Вооруженных Силах. Могу смело утверждать, что служба у меня получилась интересной, насыщенной многообразием различного рода событий, людей, личностей, успехов (достаточно) и неудач (в меру). Служил я честно, «толкачей» за спиной не имел, добросовестно выполнял свои обязанности, друзей и товарищей не «подставлял», не подличал, не лебезил перед начальством, не рвался в начальники по костям других, старался жить своим

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Война	11
МАПУ	19
Истоки	36
Ростов	45
Наш адрес — Москва-400	70
Наш адрес — Ленинград-300	100
Испытатели ракет	117
Звездный городок	158
Мы впереди планеты всей	229
МКС «Буран»	284

умом и рассчитывал только на свои силы и знания. Ну не стал я генералом, ну не командовал армиями и округами, ну не водил полки в бой. Не довелось. Но зато 35 лет служения в армии, та среда, в которой я набирался жизненного опыта и практических навыков, те задачи, которые я решал, та техника, с которой был неразрывно связан, — все это дало мне возможность спокойно, без страха смотреть в мое «гражданское» будущее и исключило необходимость искать себе работу по схеме «сутки — трое» (сутки работать охранником в банке или сторожем на автостоянке, трое — отдыхать) или быть совершенно инородным телом в современной коммерческой структуре. Понасмотрелся я за эти годы на бывших моих сослуживцев — подполковников, полковников и даже генералов. Конечно, я их не осуждаю. Просто горько и обидно за нашу страну, за наших непутевых вождей, которые так и не смогли обеспечить достойную и спокойную старость людям, полностью отдавшим себя служению и защите «первого в мире социалистического государства». Вот уж точно: за что боролись!

В августе 1989 года Черемушкинский райвоенкомат поставил у себя на учет двух офицеров запаса — полковника Буйновского Эдуарда Ивановича и лейтенанта Буйновскую Марину Эдуардовну.

С сентября 1989 года и до настоящего времени я в числе создателей уникальной информационной системы для внешнеполитического ведомства России. Интересная, захватывающая работа! Здесь многое (если не все!) шло также под рубрикой «Впервые...».

Новая среда, новые люди, новые, на первых порах непонятные для бывшего военного, взаимоотношения. Очередные проблемы и пути их разрешения, творческие поиски, успехи и неудачи. Поездки по разным странам, новые встречи, масса новых впечатлений.

Но это сюжеты уже для других повествований.

Октябрь 2003 — июнь 2004 г.

Буйновский Э. И.
Б 90 Повседневная жизнь первых российских ракетчиков и космонавтов. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 311[9] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02749-3

В любом деле быть первым — трудно, но интересно. И вдвойне интересно, если это дело связано с испытаниями и пусками ракет, началом освоения космоса, первыми пилотируемыми полетами.

Эдуард Буйновский — непосредственный участник этих событий, один из первых дипломированных лейтенантов-ракетчиков, участвовал в формировании первой боевой части Ракетных войск стратегического назначения, в составе второго отряда космонавтов готовился к космическому полету, он — среди участников запусков космического корабля Юрия Гагарина и многоразового космического корабля «Буран» — апофеоза советской космонавтики. Эта книга о молодых ракетчиках, создателях отечественных образцов ракетной и космической техники, ее испытателях, первых космонавтах — жителях Звездного городка. В книге приводятся малоизвестные факты, рассказывающие об их повседневном труде, успехах и неудачах, чувствах и переживаниях, радостях и огорчениях. Юмор, тонкая ирония, шуточные ремарки и комментарии отдельных событий помогают читателю легко разобраться в сугубо технических терминах и определениях, тем более что в кропотливой и нелегкой повседневной жизни первых российских ракетчиков и космонавтов всегда было место шутке и юмору.

УДК 39.6г
ББК 629.7

Буйновский Эдуард Иванович
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕРВЫХ РОССИЙСКИХ
РАКЕТЧИКОВ И КОСМОНАВТОВ**

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **А. Г. Мартынова**
Художественный редактор **А. Ю. Никулин**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Л. М. Марченко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 02.07.2004. Подписано в печать 02.03.2005. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл.-печ. л. 16,8+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 53348.

Издательство АО «Молодая гвардия» 127994 Москва, Сушевская ул., 21
Internet <http://mg.gvardiya.ru> E-mail dset@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия» 127994 Москва, Сушевская ул., 21

ISBN 5-235-02749-3

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ БЛИЗКОЕ ПРОШЛОЕ

*Мемуары и эпистолярное наследие
известных писателей, философов, художников,
музыкантов, театральных деятелей,
представителей творческой богемы*

Готовятся к изданию и уже вышли в свет:

Л. Бородин
«БЕЗ ВЫБОРА»

Г. Свиридов
«МУЗЫКА КАК СУДЬБА»

Т. Маврина
**«ЦВЕТ ЛИКУЮЩИЙ.
ДНЕВНИКИ 1930—1990 гг.»**

Н. Серпинская
«ФЛИРТ С ЖИЗНЬЮ»

Н. Кончаловская
«ВОЛШЕБСТВО И ТРУДОЛЮБИЕ»

Д. Лешков
«ПАРТЕР И КАРЦЕР»

О. Высотский
**«НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
ГЛАЗАМИ СЫНА»**

**Отзывы, творческие и коммерческие предложения:
787-63-85; 978-89-82; 787-63-75; 787-63-87
<http://mg.gvardiya.ru>, dset@gvardiya.ru**

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОВОДА

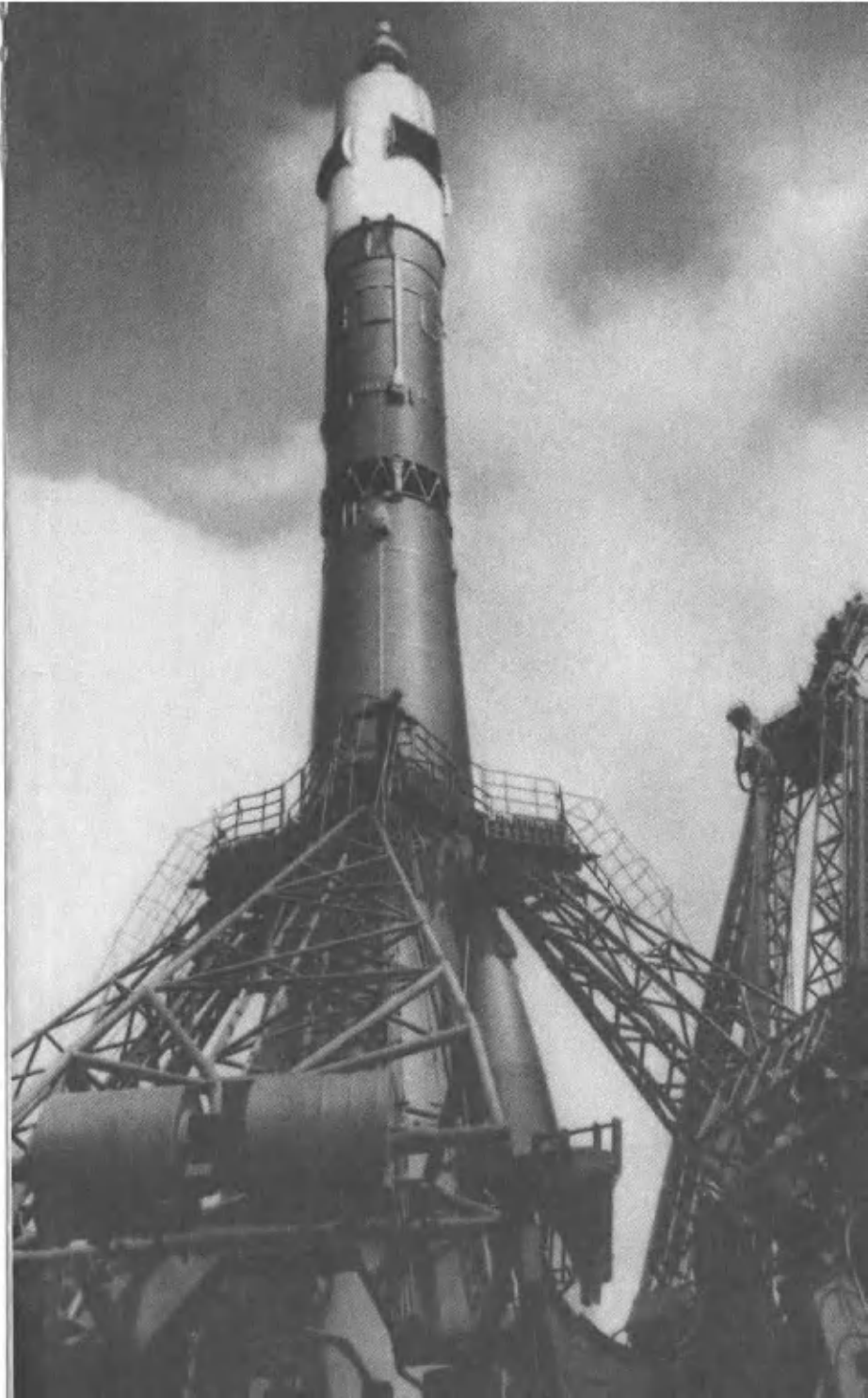
открытый при издательстве «Молодая гвардия»

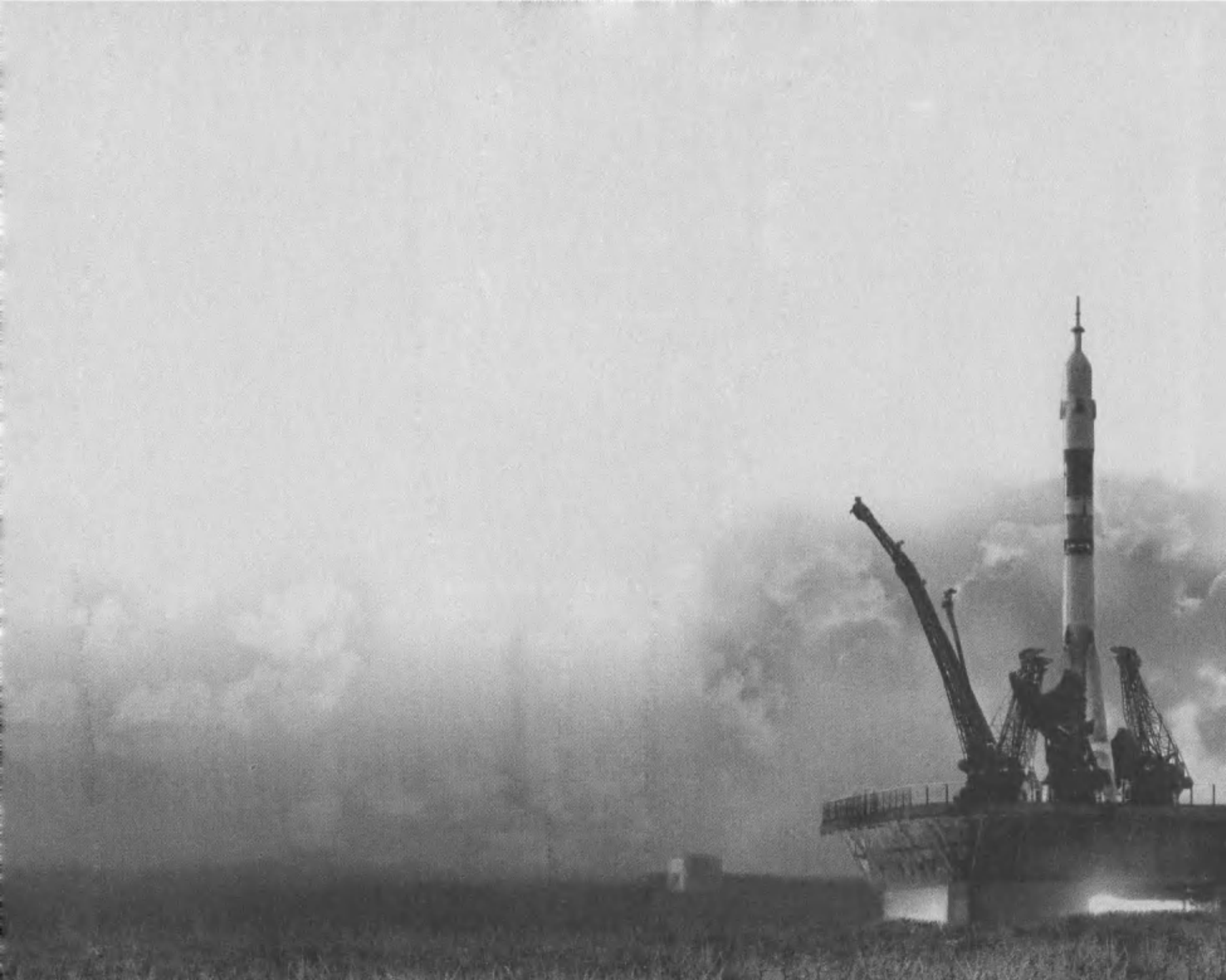

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.
<http://mg.gvardiya.ru> @ book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

А. Шураки

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ

Л. Тихвинская

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТЕАТРАЛЬНОЙ
И ЛИТЕРАТУРНОЙ БОГЕМЫ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

М. Вострышев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИИ В ЗАСЕДАНИЯХ
МИРОВОГО СУДА
И РЕВТРИБУНАЛА

Е. Лаврентьева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

М. Аникович

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ
НА МАМОНТОВ

ISBN 5-235-02749-3

9 785235 027497 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ